

**Институт психологии Российской академии наук
Арзамасский государственный педагогический институт
им. А.П. Гайдара**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Материалы методологического семинара.

Арзамас, 25-27 сентября 2008 г.

Ответственные редакторы:

А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.С. Минькова, Э.В. Тихонова

Издательство

«АГПИ им. А.П. Гайдара»

Арзамас

2009

Содержание

Предисловие	
Раздел первый. Теоретико-методологические проблемы истории психологии	
<i>В.А. Кольцова.</i> Современные тенденции и перспективы развития отечественной истории психологии.....	
<i>Н.А. Логинова.</i> Как сберечь и передать новым поколениям научные традиции.....	
<i>Л.Ф. Шеховцова.</i> Идеалистическая концепция человека: новый виток.....	
Раздел второй. Психологическое наследие ученых и мыслителей прошлого и его развитие в современной психологии	
<i>М.В. Аринина.</i> Социально-психологические идеи В.М. Бехтерева и В. Мак-Даугалла: сравнительно-исторический анализ.....	
<i>Т.И. Артемьева.</i> П.Е. Астафьев о ценности человеческого бытия и роли сознания в ее постижении.....	
<i>И.Ю. Троицкая.</i> Вклад П.П. Блонского в развитие возрастной психологии.....	
Раздел третий. История и современное состояние разработки научных направлений, отраслей и проблем психологии	
<i>Е.Л. Бобылев.</i> Психологический анализ литературного творчества в работах отечественных ученых конца XIX – 30-х годов XX века.....	
<i>В.С. Большов.</i> Идеалы как психологический фактор формирования личности подростка.....	
<i>Е.А. Горшков.</i> К истории становления американской социальной психологии как самостоятельной научной дисциплины в первой четверти XX века...	
<i>А.А. Гостев.</i> Духовно-нравственные аспекты развития образной сферы человека.....	
<i>А.В. Морозов.</i> Отечественная психологическая наука XX столетия об исторической природе психических процессов.....	

Ю.Н. Олейник. Предпосылки формирования идей о индивидуальных различиях человека в России XI – XVII вв.

Э.Г. Патрикеева. К истории зарубежных и отечественных исследований малой группы в социальной психологии.

Э.А. Сидорова. Психология в школе (исторический экскурс).

Э.В. Тихонова. Из истории преподавания психологии в Санкт-Петербургском университете (конец XIX – начало XX века).

Раздел четвертый. Историческая психология

О.И. Маховская. Научно-обоснованная перспектива социализации постперестроечного «экранного поколения».

Б.Н. Тугайбаева. Общественные представления о женщинах как фактор развития «психологии женщин» в России (вторая половина XIX века).

В.А. Соснин. Современный терроризм: состояние и тенденции.

Е.В. Харитонова. Психолого-историческая детерминация агрессивного поведения.

Е.А. Чиркова. Проблема истории детства.

Предисловие

Одним из важных условий продуктивного развития современной психологической теории выступают историко-психологические исследования. Представляя собой рефлексии накопленного в процессе исторического развития психологической мысли знания о психической реальности, они существенно расширяют познавательные потенциалы науки, обогащают ее фактологический базис, способствуют более глубокому осмыслению системы идей, понятий и категорий, представленных в современной психологической науке. «История, – пишет М. Г. Ярошевский, – это память науки. Человек, лишившись памяти... становится существом мгновенья. Его настоящее безвозвратно исчезает в прошлом и мертво для будущего. Благодаря знанию истории, мы способны, наряду с нашим собственным... опытом, приобщаться к богатствам опыта прежних поколений искателей истины о психическом мире человека»¹.

История психологии – своеобразный мостик, связывающий исследователя с прошлым и ориентирующий его относительно перспектив дальнейшего развития психологической науки. Она выполняет прогностическую функцию в научном познании, помогая ученому выбрать правильные ориентиры в проведении исследований на основе учета как успехов и достижений, так и просчетов и неудач, имевших место в истории развития психологической мысли, предохраняет его от ошибок и воспроизведения уже пройденных в науке путей.

История психологии формирует мировоззрение ученого, систему его ценностей определяет культуру исследовательской деятельности.

Согласно Б.М. Теплову, основная задача исторического исследования в психологии состоит в том, чтобы «отразить *историю развития системы* психологии как науки». Психологическая наука как целостная система — логический итог развития знания, его глубокого теоретического

¹ Ярошевский М.Г. Краткий курс истории психологии. М., 1995.

анализа и обобщения, слияния теоретических актуальных концепций и накопленного в истории познания фактического материала. «Подлинная система науки, – подчеркивает Теплов, – органически вырастает из хода развития науки и является теоретическим осмыслением всей совокупности достигнутых знаний в данной области. Не изучив хода развития науки, нельзя строить систему этой науки»². Отсюда следует, что *без истории нет теории*; глубокий исторический анализ развития психологической мысли — *основа обобщения и систематизации знания о психике*.

В современных условиях, характеризующихся качественным преобразованием методологии и организационных основ функционирования российской психологической науки, история психологии приобретает особую значимость. В апелляции к историческому опыту психологическая наука находит сегодня ресурсы преодоления трудностей кризисного периода и дальнейшего поступательного развития³.

Задача истории психологии – сохранить все то ценное, что создано на предшествующих этапах развития психологического знания, дать адекватную, взвешенную оценку достижениям прошлого и современного состояния психологии на этой основе выделить перспективные линии в ее дальнейшем развитии.

Решение столь ответственных задач, определяемых запросами времени, требует консолидации и координации усилий историков психологии, активизации научного дискурса по наиболее актуальным проблемам психологии, использования способов повышения достоверности историко-психологических исследований.

В связи с этим особое значение приобретает проведение регулярных обсуждений проблем истории психологии на разных уровнях: на конференциях, симпозиумах, методологических семинарах. Московские, Санкт-Петербургские и Арзамасские историки психологии провели первый

² Теплов Б.М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов. Ереван, 1960. С. 3–13.

³ Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008.

методологический семинар по истории психологии на тему «Актуальные проблемы историко-психологического исследования». В книге представлены материалы, ставшие предметом обсуждения на этом семинаре.

В первый раздел включены работы, касающиеся проблем методологии историко-психологического исследования.

Выделены тенденции развития отечественной истории психологии на современном этапе, обусловленные запросами времени, кардинальными преобразованиями во всех сферах жизни российского общества, намечены перспективы ее дальнейшего развития (*В.А. Кольцова*).

На основе анализа знаний студентов в области психологии выявлена их ограниченность и узость, ориентация молодежи на западные концепции и подходы при недостаточной информированности об оригинальном отечественном психологическом наследии. На этой основе сформулированы предложения по сохранению научной исторической памяти, активизации интереса молодых психологов к русской и советской психологии (*Н.А. Логинова*).

Второй раздел составили работы, посвященные исследованию психологического наследия ученых и мыслителей прошлого и его развития в современной психологии.

Проведен сравнительный анализ социально-психологических идей В.М. Бехтерева и В. Мак-Даугалла (*М.В. Аринина*).

Рассмотрены философско-психологические идеи П.Е. Астафьева, его трактовка проблемы ценности человеческого бытия и роли сознания в ее постижении (*Т.И. Артемьева*).

Проанализирован вклад П.П. Блонского в развитие возрастной психологии (*И.Ю. Троицкая*).

В третьем разделе прослежена история становления и развития ряда направлений, отраслей и проблем в отечественной и зарубежной психологической науке.

Проведен психологический анализ литературного творчества в работах отечественных ученых конца XIX – 30-х годов XX века (*Е.Л. Бобылев*).

Рассмотрена история разработки проблемы идеала в отечественной и зарубежной психологии и обоснована его роль в формировании личности подростка (*В.С. Большов*).

Проанализирована история становления американской социальной психологии как самостоятельной научной дисциплины в первой четверти XX века (*Е.А. Горшков*).

В теоретико-историческом аспекте исследованы духовно-нравственные аспекты развития образной сферы человека и обоснована важность изучения духовной составляющей для целостного раскрытия образной сферы (*А.А. Гостев*).

Исследована история разработки проблемы исторической природы психических процессов в отечественной психологической науке XX столетия (*В. Морозов*).

Рассмотрена история зарубежных и отечественных исследований малой группы в социальной психологии (*Э.Г. Патрикеева*).

Проведен исторический экскурс практики преподавания психологии в школах России с начала XIX века до настоящего времени (*Э.А. Сидорова*).

Прослежена история преподавания психологии в Санкт-Петербургском университете в конце XIX – начале XX века. В этом контексте раскрыт вклад М.И. Владиславлева и А.И. Введенского в формирование философской психологии в России (*Э.В. Тихонова*).

Проведено сопоставление материалистической и идеалистической концепций человека, показавшее, что позитивистская психология «потеряла» основополагающее начало в человеке – «дух», что привело к нарушению целостности в его описании и методологической неразрешимости многих проблем. В связи с этим анализируются разные взгляды на психический мир человека в русле идеалистического подхода, и обосновывается их значение для современной психологической науки и практики (*Л.Ф. Шеховцова*).

В четвертом разделе освещены проблемы смежной с историей психологии отрасли – исторической психологии, исследующей психические явления в их исторической обусловленности.

На основе анализа современной ситуации в обществе раскрыта специфика процессов социализации молодого поколения в условиях постперестроечной российской действительности; выявлена роль средств массовой информации как факторов воздействия на его установки и ценности; предложена модель формирования коллективистических ориентаций детей на основе специальных телевизионных программ (О.И. Маховская).

Исследована специфика научных и общественных представлений о женщинах, сложившихся в России во второй половине XIX века и отражающих культурные традиции страны; рассмотрено их влияние на становление и развитие новой отрасли знания – «психологии женщин» (Б.Н. Тугайбаева).

Проведена психолого-историческая реконструкция условий и факторов, определивших усиление терроризма во второй половине XX века. Выделена мотивация террористической деятельности. Проанализирована специфика проявления террористических действий в современной России (В.А. Соснин).

Рассмотрена история развития понятия «аномия» (или «безнормативности», «экзистенциального вакуума») с работами Э. Дюркгейма, В. Франкла, Р. Мертона. На основе психолого-исторической реконструкции состояния российского общества 20-х годов XX века выявлены факторы, определяющие возникновение аномии (война, кардинальные изменения во всех сферах российского общества); обосновано ее влияние на развитие асоциального поведения и криминальной активности. Аналогичные тенденции выделены применительно к социально-психологическому состоянию современной российской действительности (Е.В. Харитонова).

Проведена психолого-историческая реконструкция становления феномена «детство» на разных этапах истории; раскрыт вклад зарубежных (Ж.Ж. Руссо; Ч. Дарвин; О. Гейфельдер; А. Кусмауль; В. Прейер; Ж. Пиаже; В. Штерн; Д. Тидеман и др.) и отечественных (П.П. Блонский; Л.С. Выготский; Д.Б. Эльконин и др.) ученых в формирование детской психологии (*Е.А. Чиркова*).

Книга предназначена для педагогов и психологов, а также для широкого круга специалистов гуманитарного профиля, интересующихся историей отечественной и зарубежной психологии.

А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.С. Минькова, Э.В. Тихонова

Раздел первый

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Современные тенденции и перспективы развития отечественной истории психологии

В.А. Кольцова (Москва)

Актуальность анализа историко-психологических исследований определяется особенностями современной ситуации развития отечественной психологии, в целом, возникшей в связи с кардинальными социальными преобразованиями, происходящими в нашей стране в последние десятилетия, и важностью задач, которые в связи с этим встают перед историей психологии.

Согласно науковедческим критериям, «современная наука» охватывает два – три последние десятилетия. И как раз на этот период приходится тот этап истории нашей науки, который называют постсоветским. Он сопряжен с серьезными преобразованиями в организационных формах науки и философских основаниях, на которые она опирается. Завершается эпоха монопольного господства марксистской философии, что приводит к отказу от априорных и универсальных теорий и методов научного познания. Ставится задача создания новой методологии, опирающейся на принципы «методологического либерализма» (Юревич, 2001), синтеза различных философско-теоретических подходов. Новыми реалиями, характерными для современной науки, в целом, и психологии, в частности, является кризис позитивистской методологии и усиление тенденций гуманитаризации, возрастание роли субъектной составляющей познавательной деятельности как основания интеграции разных областей знания в целостном изучении человека.

Вместе с тем вряд ли правомерно говорить о глубинном методологическом кризисе психологии, ибо по-прежнему научное изучение психики опирается на

те традиции, принципы и методы, которые разработаны с советской психологии. И пока дальше декларативных заявлений о необходимости их пересмотра дело не идет. По-прежнему большинство членов психологического сообщества ориентировано на целостное, системное изучение человека, объективные методы познания психической реальности, продолжает развивать сложившиеся в нашей психологии концептуальные подходы. И это еще раз подтвердили прошедшие в последние годы конференции, посвященные юбилеям Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова и других отечественных ученых, продемонстрировавшие большой научный потенциал советской психологии. В связи с этим важнейшей задачей истории психологии на этом переломном этапе является сохранение всех научных ценностей, накопленных нашими предшественниками. Это, в свою очередь, требует рефлексии состояния современного историко-психологического знания.

Говоря о тенденциях развития истории психологии на современном этапе, следует, прежде всего, отметить *возрастание места историко-психологических исследований в системе психологической науки*. Это убедительно подтверждается результатами наукометрического анализа развития российской психологии в 80 – 90-е годы и первое десятилетие XXI столетия (Кольцова, Шишлова). Исследование всего массива книг по психологии, вышедших в этот период, показывает, что история психология по числу изданий относится к приоритетным, интенсивно развивающимся направлениям психологии, занимает по этому показателю 5-е ранговое место, уступая лишь общей психологии, социальной психологии, психологии личности и парапсихологии. Объем публикаций в области истории психологии в этот период составил 171 единицу. Особенно интенсивно разрабатываются проблемы научного наследия ученых и истории развития разных направлений психологии. Столь высокое внимание к проблемам истории психологии, с одной стороны, является эффектом переломного момента в развитии психологии (а таким моментом с уверенностью можно

назвать конец 80-х – начало 90-х годов), с другой, обусловлено стремлением заполнить «белые пятна» в психологической науке.

Происходит *пересмотр традиционных представлений о моделях науки, в целом, и истории психологии, в частности, принципах ее изучения.* На фоне социально-исторических инноваций, утверждающихся в обществе, процессов деидеологизации общественной мысли осуществляются кардинальные изменения в концептуальных построениях отечественного историко-научного знания, которое избавляется от догматизированных и исторически не оправдавших себя положений, по-новому ставит и решает проблему научности. На смену модели науки, базирующейся на едином методологическом фундаменте, приходит ее понимание как сложно организованного, полиструктурного образования, опирающегося на различные методологические основания. Мазиловым сформулирован принцип коммуникативной методологии (Мазилов, 2001; 2003), обосновывающий необходимость соотнесения разных психологических концепций на основе сопоставления их предмета и методов. Соответственно, возрастает внимание к различным философским течениям; делаются попытки выделить содержащиеся в них конструктивные положения, значимые и эвристичные для психологии и истории психологии. Так, в работе М.С. Гусельцевой предпринята попытка рассмотрения теории культурно-исторического развития Л.С. Выготского в свете положений постмодернистской методологии (Гусельцева, 2003). Все это приводит к расширению методолого-теоретического пространства историко-психологических исследований, открывает возможности использования различных опорных точек их построения.

Естественно, что рассмотрение указанного круга проблем обостряет внимание к проблемам методологии истории психологии, что, в частности, нашло отражение в материалах Международных конференций по истории психологии «Московские встречи» (1991; 1993; 2001; 2006). На последней конференции (2006) эти вопросы стояли в центре внимания ее участников

(см. История отечественной и мировой психологической мысли..., 2006.) В этом контексте представляют интерес попытки по-новому осмыслить связь психологии и философии, выделить особенности постнеклассического этапа философского знания (Степин, 1989; 1990) и связанные с этим новые тенденции развития историко-психологического знания, понимания его предмета.

Оборотной стороной указанной тенденции является наблюдающееся в ряде случаев смещение в сторону нигилистической оценки традиционных подходов и положений, сложившихся в отечественной психологии в советский период.

Исчезает противопоставление «марксистской» и «немарксистской», «русской дореволюционной» и «советской» науки и историографии. Основными ориентирами в оценке подходов и идей, научного наследия ученых прошлого становятся не идеологические установки, а критерии научной достоверности, теоретической и практической важности.

Происходит *преобразование объяснительных и интерпретационных моделей* в истории психологии. Уходит в прошлое стратегия заостренного «критического анализа», который заменяется позитивно ориентированным рассмотрением, направленным на выявление, прежде всего, конструктивных и перспективных психологических идей и взглядов. Оценочная история психологии уступает место «понимающей». Историк науки стремится не «осудить», а осмыслить рассматриваемые идеи, включить их в общую систему историко-психологического знания. Это приводит к расширению фактологической базы истории психологии, более успешному вписыванию отечественной психологии в контекст мировой психологической науки.

Меняется ориентация сравнительных историко-психологических исследований, которые при рассмотрении научных школ, научного наследия ученых направлены уже не только на выявление их концептуальных различий, но и на поиск общих, объединяющих их идей и подходов, что является важным шагом по пути создания целостной и интегральной картины

развития российской научной школы психологии. На необходимость такого способа исторического анализа указывается в работах многих историков психологии.

Расширяется проблемное поле историографических исследований. Как и в предшествующие периоды, большое внимание уделяется изучению психологического наследия ученых. При этом исследуются психологические идеи не только признанных классиков психологической науки – Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Ф. Лазурского, Б.Ф. Ломова, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, В.С. Мерлина, В.Н. Мясищева, Б.М. Теплова, С.Л. Рубинштейна, А.А. Смирнова и др. – но и тех, ученых, научные концепции которых ранее не могли стать предметом специального исследования по идеологическим соображениям – А.А. Богданова, А.И. Введенского, К.Д. Кавелина, Л.М. Лопатина, Н.А. Рубакина, М.М. Троицкого, Г.Г. Шпета, П.Д. Успенского, Г.И. Челпанова, Н.О. Лосского и др.

Наряду с персонологически ориентированными исследованиями, заметно возрастает интерес к изучению истории различных проблем и направлений психологии: психологии личности, социальной психологии, психологии труда, педагогической и возрастной психологии, юридической психологии и т. д.

Разрабатывается история развития психологической мысли в разные исторические периоды: при этом особое внимание обращается на кризисные периоды в развитии психологии — годы Великой Отечественной войны (Кольцова, Олейник, 2005), послереволюционный (Богданчиков, 2000) и постсоветский (Post-Soviet Perspectives on Russian Psychology, 1997) периоды.

По-прежнему предметом изучения является история научных школ психологии. В частности, в последние годы активно исследуются научные школы Б.Г. Ананьева, П.К. Анохина – В.Б. Швыркова, В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.Ф. Лазурского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, В.Д. Небылицина, Б.М. Теплова, Я.А. Пономарева, Г.Г.

Шпета, подготовлен ряд работ, освещающих становление и развитие психологических школ МГУ, Психологического института РАО, Института психологии РАН и др.

Возрастает культурологическая ориентация историко-психологических исследований, осознание органической связи развития психологической науки с духовной атмосферой общества, культурными традициями, обыденной психологической мыслью (Б.С. Братусь; А.А. Гостев; В.А. Елисеев; В.А. Кольцова; Т.Д. Марцинковская; В.И. Слободчиков; Шеховцова и др.). Ставится вопрос о расширении предметной области истории психологии, включении в нее не только научной психологической мысли, но и вненаучного знания, формирующегося в разных сферах общественного сознания – в религии, мифологии, искусстве, в практической жизнедеятельности человека. В историко-психологическом сообществе, хотя и с трудом, но пробивает себе дорогу мысль, что наука и научность – не тождественные понятия; научность не является исключительно прерогативой науки. Рациональные идеи, отвечающие критериям научности – доказательности, логической обоснованности, систематизированности – могут возникать и во вненаучных областях человеческой мысли. Это позволяет дать дифференцированное концептуальное определение понятий «психологическое знание» и «психологическая наука», более глубоко и содержательно изучить истоки и предпосылки становления научных психологических идей, исследовать формы социально-культурного опосредования их развития (Кольцова, 2004; 2008). В связи с этим перед историками психологии встает задача разработки адекватного языка научного описания, понимания и объяснения феноменологии, не относящейся к сфере науки, но содержащей важные положения, помогающие глубже понять закономерности психической деятельности. Делается попытка проследить влияние психологической культуры и общественной жизни на становление отечественной

психологической науки (Психологическая мысль России: век Просвещения, 2001; Марцинковская, 1994 и др.).

Дальнейшее развитие получает рассмотрение соотношения внутренней логики психологической науки и социально-исторических условий ее развития. По-новому ставится и осмысливается проблема «научной политики» и ее воздействия на развитие отечественной психологической науки. В историографии появляются новые понятия: «репрессированная психология», «идеологические дискуссии в психологии», «социальная и политическая история психологии» и т.д. Исследуется роль практики и востребованности психологических идей обществом как движущих сил развития психологического познания.

Возрастает интерес к различным направлениям зарубежной психологической науки. Научные исследования в этой области дополняются изданием на русском языке огромного массива работ зарубежных авторов. Предметом изучения становятся, как классические направления и научные школы зарубежной психологии (французская социологическая школа, психоанализ, ассоцианистские учения, экзистенциальная психология и т.д.), так и современные течения и подходы (теория С. Московичи, постмодернистские учения и т.д.). Следует отметить, что, наряду с позитивным аспектом, состоящим в освоении научных идей и концепций зарубежной психологической мысли, наблюдается крен в сторону их некритического восприятия и попытки использования в сфере психологической практики без необходимой культурной валидации.

Важной тенденцией развития историографии истории психологии является стремление к целостному анализу системы историко-психологического знания. Перспективной в этом плане представляется попытка рассмотрения моделей развития истории психологии с позиций системного подхода: раскрытия многоаспектности структурного строения предметного поля истории психологии как науки; выявления системной детерминации историко-психологического познания. В соответствии с

положениями синергетики утверждается идея об открытости и самоорганизация когнитивных систем научного знания, нелинейности их эволюции, наличии альтернативных тенденций.

Расширению проблемного поля историко-психологических исследований и углублению научного анализа способствует реализация в разработке проблем истории психологии методологии междисциплинарных исследований, ориентирующей на взаимодействие истории психологии с политологией, культурологией, языкознанием, источниковедением, исторической наукой в изучении психологического познания, его исторической эволюции. Проведение комплексных междисциплинарных исследований истории психологического познания, по сути, означает реализацию в историографии культурологического подхода, включение историко-психологического знания в систему культуры конкретной эпохи, использование компаративистских методов исследования. Следует отметить, что указанное направление развития истории психологии соответствует общим тенденциям историко-научного познания.

Предметом изучения становится сама история истории психологии, или историография в узком смысле этого слова. В частности, выделены задачи историографии как раздела историко-психологического знания, рассмотрены основные направления и тенденции развития отечественной истории психологии XX столетия, вклад в ее становление известных советских ученых (Алексеев, 2006; Кольцова, 2004; 2008).

Определенные шаги сделаны и в разработке проблем источниковедения истории психологии. Проведена систематизация основных понятий в этой области, выделана и рассмотрена совокупность исторических источников реконструкции психологического знания, обоснованы принципы формирования источниковой базы историко-психологического исследования (Кольцова, 2004; 2008). Большая работа проводится по выявлению, сбору, обработке и использованию в научных исследованиях архивных документов, прежде всего личных фондов ученых,

что способствует повышению достоверности его результатов (В.В. Аншакова; Е.П. Гусева; А.Н. Ждан; В.А. Кольцова; Т.Д. Марцинковская; Е.С. Минькова; О.Г. Носкова; Ю.Н. Олейник; Н.С. Полева и др.). Психологические архивы созданы в Институте психологии РАН, в Психологическом институте РАО и ряде других научных центров.

Наконец, к числу позитивных тенденций развития истории психологии последних лет необходимо отнести *возрастающее внимание к проблеме методов историко-психологического исследования*. Разработка и совершенствование методического арсенала науки является, безусловно, одним из важнейших конституирующих признаков любой науки, необходимым условием ее прогрессивного развития. Как справедливо замечает М. Блок, «всякая наука... определяется не только своим предметом. Ее границы в такой же мере могут быть установлены характером присущих ей методов» (Блок, 1986, с. 29). Глубина анализа, степень приближения воссоздаваемой научной мыслью картины реальности зависят непосредственно от познавательных средств.

Для истории психологии проблема метода имеет особое значение, что объясняется спецификой ее объекта – психологического познания в его исторической ретроспективе. Принадлежность истории психологии к сфере гуманитарного знания определяет недоступность исследуемых ею явлений для опытного экспериментального изучения, неприменимость по отношению к ним апробированных в естественнонаучном знании способов научного анализа и верификации полученных данных. Традиционно история психологии ограничивалась феноменологическим, описательным способом исследования, опиралась на качественный анализ и интерпретационные процедуры. Соответственно, результаты историко-психологического анализа обусловлены, в значительной мере, субъективно-личностными факторами: уровнем профессиональной компетентности ученого, его интуитивными способностями, научной добросовестностью, ответственностью и непредвзятостью. Следствием этого является спорность и дискуссионность

высказываемых положений, существование в историографии множества альтернативных, порой диаметрально противоположных, картин прошлого психологической науки и ее современного состояния, противоречивость в оценках ее достижений, места и роли тех или иных научных школ, течений и направлений психологии, вклада различных ученых в ее становление и развитие. В связи с этим первоочередной задачей является разработка методов историко-психологического исследования.

Проблеме методов в отечественной историографии до последнего времени было посвящено крайне незначительное число работ. Отдельные методы освещаются в работах М.Г. Ярошевского (категориальный анализ) и Б.Г. Ананьева (сравнительно-историческое изучение). Однако в их описании отсутствует четкая процедурная проработанность, не раскрыта последовательность исследовательских приемов, в силу чего они выступают скорее как принципы анализа, нежели как строго научные методы. Более детально рассмотрен историко-биографический метод (Н.А. Логинова).

В последние годы и в этой области наметились серьезные сдвиги. Сделана попытка обобщить и систематизировать методы историко-психологического познания. Дано операциональное описание ряда методов: психолого-исторической реконструкции прошлого (А.Д. Барская; Е.А. Климов и О.Г. Носкова; В.А. Кольцова; Л.В. Спицына; И.Р. Федоркова, Е.В. Харитонова и др.), интервью, метода интерпретации. Рассматриваются возможности использования в истории психологии количественных методов исследования (А.Ю. Бергфельд; А.В. Колышкина и Ю.Н. Олейник; В.А. Кольцова и Н. Шишлова; О.Г. Носкова и Е.Г. Федорченко; И.Р. Федоркова и др.).

Таковы основные тенденции развития историко-психологического знания на современном этапе. Можно с уверенностью констатировать, что история психологии в настоящее время находится в состоянии подъема, характеризуется интенсивным развитием, самоопределяется как важнейшее направление психологической науки.

Что касается *прогноза перспектив развития психологии*, то при его осуществлении необходимо учитывать целый ряд факторов.

Это, во-первых, статус психологии в системе наук; оценку научной значимости ее идей и их практического потенциала; потребность общества в психологическом знании и готовность к его восприятию; особенности «научной политики» государства, появляющейся в экономической поддержке науки, ее стимулировании и т.д.

Прогнозирование развития науки опирается также на исследование ее *актуального состояния*. Посредством содержательного анализа, а также использования специальных наукометрических методов возникает возможность описать основные направления исследований, выделить приоритетные проблемные области, наметить точки роста психологического знания, которые предположительно получат в будущем наибольшее развитие. Рассмотрение понятийного аппарата, принципов и методов исследования, их иерархического строения позволяет высказать предположение о методологическом основании психологии будущего.

Наконец, необходимо учитывать и *организационные факторы*: динамику численности психологического сообщества; систему подготовки специалистов-психологов; объем научных публикаций по психологии; наличие периодических изданий (журналы, газеты) в данной области знания и т.д.

Анализ всех указанных аспектов позволяет с большой долей вероятности описать основные характеристики психологической науки завтрашнего дня.

Представляется, что психология будет наращивать свой практический потенциал, все активнее осваивать разные сферы практики. Эта тенденция четко обозначена сегодня, и нет оснований предполагать, что она не получит своего дальнейшего развития. Рост напряженности в обществе, возможность новых конфликтов с необходимостью потребуют все более активное включения психологов в решение социально значимых

проблем. Что касается фундаментальных исследований в области психологии, то их перспективы менее определены и зависят в значительной мере от научной политики государства. К сожалению, в последние десятилетия она заключалась не в поддержке науки, а в попытке ее перевода на рельсы коммерциализации, что принципиально противоречит природе научного познания. Остается только надеяться на лучшее.

История психологии в этих трудных условиях имеет шанс сохранить свой статус в качестве одного из ведущих направлений психологии.

Вероятно продолжится тенденция гуманитаризации психологии, что обусловлено утратой ценности экспериментального исследования, бурным развитием гуманитарно ориентированных направлений психотерапии, внедряемой в жизнь научного сообщества грантовой системы финансирования науки, обуславливающей необходимость получения быстрого отчетного результата, а также слабой общепсихологической подготовкой психологов негосударственных вузов, выпускающих огромное число будущих специалистов. Вместе с тем для истории психологии как гуманитарной области знания это будет являться благоприятной почвой для развития.

Общей тенденцией развития науки является рост межпредметных связей и это, по-видимому, будет характерно и для психологии, в целом, и для истории психологии.

Наконец, есть надежда на то, что на фоне роста национального самосознания и усиления протеста против политики глобализации культур будет возрастать интерес к отечественной психологической науке. С одной стороны, как представляется, уже произошло насыщение зарубежными психологическими концепциями, с другой стороны, в истории нашей науки сохраняется еще очень много белых пятен.

Время покажет, насколько основательными являются эти прогнозы.

Литература

1. *Алексеевко И.С.* Роль психологического наследия Е.А. Будиловой в развитии отечественной истории психологии: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.
2. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
3. *Богданчиков С.А.* Происхождение марксистской психологии. Саратов, 2000.
4. *Гусельцева М.С.* Методологические предпосылки развития культурно-исторической психологии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
5. История отечественной и мировой психологической мысли постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. «IV Московские встречи». 26–29 июня 2006 г. М., 2006.
6. *Кольцова В.А.* Методолого-теоретические основы историко-психологического исследования. М., 2004.
7. *Кольцова В.А.* История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
8. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). М., 2005.
9. *Кольцова В.А., Шишлова Н.* Использование количественных методов в исследовании тенденций развития современной психологии // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. «Методологические проблемы историко-психологического исследования». М., 2002. С. 275–287.
10. *Мазилев В.А.* Психология на пороге XXI века: Методологические проблемы. Ярославль, 2001.
11. *Мазилев В.А.* Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Методология истории. Т. 1. Ярославль, 2003. С. 205–237.
12. *Марцинковская Т.Д.* Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М., 1994.
13. Психологическая мысль России: век Просвещения. СПб., 2001.

14. *Степин В.С.* Научное познание и ценность техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
15. *Степин В.С.* От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990.
16. *Юревич А.В.* «Методологический либерализм» в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–19.
17. *Post-Soviet Perspectives on Russian Psychology / Ed. by V.A. Koltsova, Y.N. Oleinik, A.R. Gilgen, C.K. Gilgen.* Westport-London, 1997.

Как сберечь и передать новым поколениям научные традиции

Н.А. Логинова (Санкт-Петербург)

В нашей стране огромный всплеск интереса к отечественной истории возник в период перестройки. За прошедшие с этого времени годы были открыты неизвестные ранее имена и факты, даны новые интерпретации событий и эпохальных моментов в истории общества, культуры и науки. История психологии стала популярным жанром научных исследований. Однако в массе психологов, особенно учащейся молодежи, осведомленность в этой области и интерес к ней оставляют желать лучшего. Внешнее почитание деятелей отечественной психологии сосуществует со слабым знанием и фактическим игнорированием их научных вкладов. Вульгарный антимарксизм и антисоветизм усиливает пренебрежительное отношение к достижениям психологической науки советской эпохи. На наших глазах произошло существенное ослабление связи поколений в профессиональном психологическом сообществе.

Нечто подобное происходило после Октября 1917 года, когда провозглашался разрыв с «проклятым» прошлым. Однако, несмотря на это и вопреки господствующей идеологии, не прерывались некоторые важные традиции научной мысли и научной жизни. Историко-психологический

анализ привел нас к убеждению, что *антропологическая традиция* русской психологии сохранилась, приобрела новые формы и получила дальнейшее развитие в психологической науке советского периода в деятельности и научной теории Б.Г. Ананьева. В этом смысле он явился преемником и продолжателем идей Н.Г. Чернышевского, К.Д. Ушинского, В.М. Бехтерева в XX веке. Лучшие ученики Б.Г. Ананьева – прежде всего, Л.М. Веккер, Б.Ф. Ломов, Е.Ф. Рыбалко – так или иначе, развивали идеи антропологической психологии в собственных трудах.

В результате исторических событий 1990-х годов произошло падение «железного занавеса», и это открыло новые перспективы для развития российской науки. Но открытость миру не должна сопровождаться потерей собственной идентичности и прерывания ценных традиций отечественной психологии. Как отмечает И.А. Мироненко, новейшая российская психология стала эпигоном западных научных и околонучных течений.

«Западничество» ныне свойственно и содержанию преподавания психологии в высших учебных заведениях. Так, некоторые учебные программы по психологическим дисциплинам факультета психологии Санкт-Петербургского Государственного университета, опубликованные в 2003 году, таковы, что по ним трудно понять, в каком учебном заведении они созданы и к какой научной школе принадлежат их авторы. Я не разделяю позиции «школьного шовинизма» (меткое выражение Б.Г. Ананьева), но считаю благородным и полезным «школьный патриотизм», опирающийся на знание достижений, методологических принципов, теоретической специфики и нравственных традиций отечественной научной школы в ее воплощении в деятельности конкретного научного или учебного центра.

Опросы показывают, что студенты и аспиранты лучше знают и больше почитают психологов США, нежели российских, включая советских, ученых. В течение двадцати лет я веду мониторинг становящегося профессионального сознания студентов психологических отделений и факультетов, в основном в Казахском национальном университете, где

работала много лет. Как показали результаты специального ассоциативного теста, наибольшей популярностью у студентов пользуются психоаналитики – Фрейд, Юнг, Адлер и гуманистические психологи – Роджерс, Маслоу. Они же чаще называются в числе любимых авторов, наряду с представителями практической популярной психологии (Сатир, Рудестам, Ялом и пр.). Среди отечественных психологов наиболее известны и популярны Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и некоторые другие представители московской школы МГУ. Почти никогда в полученных мною списках научных симпатий не фигурируют представители иных научных школ, за исключением, пожалуй, С.Л. Рубинштейна. Предполагаю, что такое отношение характерно и для студентов других вузов, которые не подвергались моему «эксперименту».

Старшие поколения психологов должны передать молодым ученым живое знание истории науки, чтобы не прервалась связь времен, чтобы новые исследования и психологическая практика опирались на подлинные научные ценности. Мы исходим из того, что «история науки – живой источник ее теории» (Ананьев, 1959), ее настоящего и будущего. Историки науки могут и должны быть не только тщательными собирателями и систематизаторами фактов прошлого, но и адекватными их интерпретаторами, знатоками научных текстов – первоисточников. Историк выполняет функцию передачи познавательных и нравственных ценностей науки. В своих исследованиях он раскрывает суть и ценность теории того или иного ученого прошлого и, вместе с тем, содействует продвижению его авторских идей в жизнь и систему современного психологического знания.

Дело в том, что известность в науке реально зависит не только от богатства научного наследия ученого, но и от его пропаганды. Социально-психологические закономерности восприятия исторического персонажа науки и его теоретических воззрений бывают сильнее оценки, возникающей у современного профессионала в результате собственного прочтения и понимания текстов этого автора.

В магистерской диссертации М.В. Шамгуловой, выполненной под моим руководством (Шамгулова, 2000), были опрошены 30 профессиональных психологов на предмет их научной биографии, сформированных научных привязанностей и предпочтений. Каждому из участников опроса были предъявлены фрагменты научных текстов, принадлежащих классикам отечественной психологии. Они должны были высказать свое мнение о содержании текстов и произвести их дифференцированную оценку по нескольким критериям. При этом тексты каждый раз маркировались по-разному. В первой серии тексты подавались под именем их действительного автора, во второй серии те же тексты – под именем другого автора, а в третьей – под именем вымышленного автора. Например, текст Б.Г. Ананьева маркировался именем Л.С. Выготского, а текст А.Н. Леонтьева подавался под вымышленной фамилией «В.Н. Дементьев» и т.д. Оказалось, что профессиональные психологи весьма подвержены такой манипуляции, и их мнение о содержании текста в большей или меньшей степени зависело от имени автора. Текст под именем симпатичного автора оценивался выше, чем текст «чужого» автора, даже если он на самом деле принадлежал «чужому». У практических психологов эта зависимость проявилась в большей степени, нежели у кандидатов наук, преподавателей психологии.

Проведенный эксперимент раскрывает социально-психологические закономерности понимания и оценки идей и научного вклада ученых, возможности управления процессом признания того или иного деятеля науки прошлого.

Сопоставление оценок текстов с биографиями самих испытуемых показывает, что в студенческом возрасте происходит формирование установок в области психологической науки, сохраняющихся на всю жизнь, в том числе, предубеждений по отношению к ученым «чужих» научных школ.

Подобные социально-психологические закономерности осознанно и не вполне осознанно используются современными сторонниками, учениками и

поклонниками того или иного ученого, стремящимися продвинуть его в научном сообществе. Для такого продвижения необходимо, естественно, досконально изучить научное наследие, творческую биографию ученого, выявить и продемонстрировать перспективные идеи, связь данной теории с практикой. Это – дело историка науки. Но кроме такой содержательной историко-научной работы, важно предусмотреть специальные «пропагандистские» акции, направленные на сознание профессионального сообщества.

Во-первых, для осознания значимости и особенности того или иного автора, его теории, созданной им научной школы и разрабатываемого направления необходимо произвести их адекватное наименование. Более того, для идентификации научной школы самоназвание имеет первостепенное значение. В этом отношении, например, Л.С. Выготский оказался в более выгодном положении, нежели Б.Г. Ананьев. Всем известно, что Выготский создал *культурно-историческую* теорию. Под этим названием его теория вошла в мировую психологическую и в гуманитарную науку, в целом, описана в учебниках у нас и за рубежом. Что касается школы Ананьева, то она обычно ассоциируется с комплексным подходом, который, однако, не имеет четко выраженной содержательной специфики, потому что относится не к содержанию теории, а к организации исследований. На основе изучения концептуальной системы Б.Г. Ананьева и истории его научных исканий я пришла к выводу о том, что по своему содержанию теория Б.Г. Ананьева является *антропологической (или антропной) психологией* (Логинова, 2007). В этом названии отражается ее суть, и этим понятием я предлагаю маркировать научную школу Б.Г. Ананьева с центром в СПбГУ.

Во-вторых, необходимы переиздания старых, но не устаревших трудов отечественных психологов прошлого, снабженные научными примечаниями и комментариями. В связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения Б.Г. Ананьева в 2007 году был издан двухтомник его трудов в издательстве СПбГУ (но очень малым тиражом – 800 экземпляров). Мы мечтаем об

академическом издании Б.Г. Ананьева и надеемся в этом на поддержку Института психологии РАН, где уже есть опыт подобных изданий классиков отечественной психологии, в том числе и Б.Г. Ананьева.

В-третьих, полезны вспомогательные историко-научные жанры – биобиблиографические указатели, биографические очерки, научно-популярные книги типа серии «ЖЗЛ», словари терминов и т.п.

В-четвертых, автор будет жить в современности, если его имя и тексты будут включены в живой профессионально-образовательный процесс. При создании нового поколения госстандартов надо внедрять историю психологии в большем объеме, добиваться привлечения в учебный процесс на психологических факультетах новых историко-научных фактов и персонажей. Пора, например, ввести в преподавание истории факты, раскрывающие роль В.М. Бехтерева, его Психоневрологического института и Института мозга в развитии отечественной психологии. Особого внимания заслуживает и история психологического образования в нашей стране.

Студентов надо приучать к глубокому штудированию классиков. К сожалению, сегодня происходит переориентация с первоисточников на учебники, причем, не всегда высокого уровня. Кстати сказать, Б.Г. Ананьев запрещал своим студентам пользоваться учебниками за исключением «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейна, полагая, что профессиональное мышление должно формироваться через изучение научных трудов. (Это не исключает использования словарей терминов, справочников). Научные тексты должны быть поставлены во главу угла в образовательном процессе и не могут быть заменены ничем.

В-пятых, для поддержания традиций необходимо учредить именные премии в честь великих ученых прошлого. В настоящее время уже есть очень престижная премия РАН имени С.Л. Рубинштейна; в Перми присуждается премия имени В.С. Мерлина; в 2007 году факультетом психологии СПбГУ учреждена премия имени Б.Г. Ананьева. Увековечению памяти великого

ученого способствует присвоение его имени научному обществу, журналу, учреждению. В этом деле историки должны быть застрельщиками.

В-шестых, так как отечественные психологи мало известны за рубежом, для их продвижения и утверждения на арене мировой науки необходимо издавать лучшие труды наших классиков на английском языке. Л.С. Выготский уже давно стал знакомым для англоязычного читателя. Недавно организовано издание С.Л. Рубинштейна на французском языке. В СПбГУ есть намерение издать за рубежом труды Б.Г. Ананьева и Л.М. Веккера с обстоятельными комментариями и вводными статьями. В этом направлении предстоит большая работа всех российских историков психологии.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Вопросы психологии в трудах Яна Амоса Коменского // Материалы научной сессии Академии педагогических наук РСФСР, посвященной 300-летию опубликования собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского. М., 1959. С. 203–219.
2. *Логина Н.А.* Антропологическая теория Б.Г. Ананьева // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 127–137.
3. *Шамгулова М.В.* Социально-психологические закономерности восприятия научного текста: Магистерская диссертация. Алма-Ата, 2000.

Идеалистическая концепция человека: новый виток

Л.Ф. Шеховцова (Санкт-Петербург)

В истории философского и психологического знания всегда существовали две концепции человека: идеалистическая и материалистическая. Общественным сознанием в разные эпохи овладевала то одна, то другая из них. Идея гуманизма, зародившись в эпоху Просвещения, становится основой

материалистической концепции и господствует в общественном сознании на протяжении XVIII – XX веков.

Ориентация на позитивизм и естественнонаучную методологию была характерна для мировой и отечественной психологии в течение значительного периода ее развития. Результаты выполненных в этом русле исследований дали психологии очень много, однако целый ряд проблем остается до сих пор нерешенным. Представления о человеке как о продукте социально-биологической детерминации связаны со сведением его жизнедеятельности к адаптации к социально-природной среде существования. Если бы природа человека была бы действительно такова, то вряд ли бы гуманистическая психология в XX веке обнаружила у человека потребность в самоактуализации, бытийственные потребности (Маслоу, 1990) и, одновременно, – явления наркомании, алкоголизма и суицида на фоне удовлетворения материальных и социальных потребностей (Франкл, 1990).

Материалистическая парадигма не отвечает на целый ряд вопросов: зачем, как, и для чего должен развиваться человек; каковы направление и критерии развития психических функций и образований личности? Психотерапевтическая практика, пытаясь ответить на эти вопросы, привела современных психологов к пониманию недостаточности рассмотрения человека только на уровне социально-биологической организации.

Трансперсональная психология, опираясь на практику клинической и психотерапевтической работы, используя техники изменения сознания, утверждает важность выделения в человеке духовной составляющей. Представления о духовной природе человека в рамках трансперсональной психологии неоднородны, так как основываются на различных духовных и религиозных учениях, чаще всего восточных, оккультных. Гуманистическая психология сегодня (В. Франкл; Р. Мэй; Э. Фромм) также открывает наличие в человеке духовного, «ноэтического» измерения.

Как тонко подметил В. Франкл (Франкл, 1990), механизм самоактуализации, самореализации, реализации человеком своей самости оставляет его в плоскости психологического измерения, рассматривая как звено цепи социально-биологической необходимости. В действительности же человек свободен и способен преодолеть свою зависимость от внешних обстоятельств, выйти за пределы социально-биологической детерминации. По мнению В. Франкла, человек имеет также духовное измерение, следовательно, самоактуализация, происходящая только на уровне социально-биологической организации и превращающаяся в самоцель, не охватывает собой все стороны его существования. Субъект не реализует себя полностью, если игнорируется его духовное, «смысловое» измерение.

Свобода поведения человека зависит от смысла, локализованного в «ноэтическом (духовном) измерении». В смысле скрыты механизмы самодетерминации человека. Как считает В. Франкл, не человек изобретает смысл, он только находит его в мире. Смысл существует как императив Духа, и свобода «самодетерминации» человека оборачивается детерминацией Духом-Логосом. Таким образом, «человек – это больше, чем психика»; человек – это «дух». Так утверждает философ-экзистенциалист Ясперс, и к такому же выводу приходит В. Франкл. Таким образом, гуманистическое направление в лице некоторых его представителей довольно ясно осознало сегодня, что осмыслить и объяснить сущность человека без понятий «духовность», «трансцендентность – запредельность», «высший смысл» и «предназначение» невозможно. Пока человек ориентируется на базовые, низшие потребности, он подчинен природному детерминизму. Ориентируясь на высшие, духовные потребности, он выходит за пределы природного мира и получает «переживание» иной реальности. «Не выход» на эту реальность рождает проблему экзистенциального вакуума и отказ от жизни. Переживание экзистенциального вакуума как отсутствия чего-то, что должно бы или могло бы быть, не есть ли смутное ощущение у современного

секуляризованного человека атрофии или анабиоза той части души, которая зовется духом?

Наличие у человека многочисленных потребностей определяет напряжение, неравновесие его на разных уровнях. Неравновесие, создаваемое напряжением между тем, что есть человек, и тем, что он должен быть, присуще, по мнению Франкла, именно ноэтическому, духовному измерению. Вся человеческая индивидуальность в процессе жизни находится в определенном напряжении, динамике. Уклонение от напряженной ситуации, поиска смысла, нусодинамики, ввергает человека в экзистенциальный вакуум и рождает ноогенный невроз, суицид, наркоманию. Человеку требуется не безмятежное существование, а стремление к чему-то, борьба за что-то. Смысл, как пишет Франкл, не совпадает с бытием, а предстоит ему, задавая бытию шаг. Существование «спотыкается», как только оно перестает переживаться как трансценденция к чему-то, лежащему вовне.

Большой интерес представляют воззрения на сущность человека философов-экзистенциалистов и представителей философской антропологии XX века. В экзистенциализме выделяются материалистическое направление, представленное Ж. Сартром, А. Камю, и идеалистическое, выразителями которого являются М. Хайдеггер, К. Ясперс, Э. Фромм.

Один из первых экзистенциалистов, М. Хайдеггер понимал экзистенцию как «нахождение во вне». Экзистенция понимается им экстатически, исходя из неоплатоновских представлений об «экстазе» – мистическом слиянии с божеством (Heidegger, 1960).

Другой видный представитель экзистенциализма, К. Ясперс, размышляя о сущности экзистенции человека, определяет ее как первоначало, из которого он мыслит и действует (Jaspers, 1932). Человеческое существование выступает в учении К. Ясперса как «подлинное» и «не подлинное». Телесное бытие в пространственно-чувственном мире и социальное бытие – не подлинны. Подлинное бытие –

это экзистенциальное существование, бытие человека в самом себе. Это самобытие духовной сущности, самосознания, обращенность человека к самому себе. Экзистенция есть то, что не становится объектом, первоначало, из которого человек смыслит и действует, то, что относится само к себе и в нем – к своей трансценденции. В реальном мире, считает К. Ясперс, внутреннее «Я» себя часто не проявляет, бездействует – «мы живем без Я». Человек часто не слышит голоса «Я» и действует, руководствуясь побуждениями извне – правилами, порядком, ролевым социальным ожиданием. Тем не менее, внутреннее «Я» личности шире ее социальной сущности; оно есть осознание человеком себя как целостности, включающей, как природную, так и социальную стороны.

Истинная природа человека, по Ясперсу, трансцендентна. В Боге человек обретает опору, покой, устойчивость, цель жизни, всеобщность и целостность. Человек есть подлинное только как трансцендентное бытие, как «божественная сущность». Сама экзистенция возможна только в соотношении с трансценденцией.

Близка к этому мысль, высказанная Н.А. Бердяевым (Бердяев, 1989). Суть человека, по его мнению, заключается в способности выйти за пределы самого себя, как социально-биологического существа и как-то отнестись к самому себе.

Один из основателей современной философской антропологии М. Шелер сущность человека определяет внеестественным, вневременным принципом, который обозначается как «дух» (Шелер, 1991). Понять сущность человека можно, по мнению Шелера, только выяснив место человеческого духа в структуре бытия. Дух свободен от природы и внешнего мира, он есть принцип высшего порядка, который противостоит темным силам биологического «порыва». Личность связана с духом, есть форма его проявления. В сознании человек как бы выходит за пределы самого себя, занимает позицию над ситуацией. Таким образом, вне материалистической

парадигмы представления об индивидуальности человека часто соотносятся с сущностью, экзистенцией, которая представлена духом.

Представленный анализ показывает, что материалистическая психология, выйдя в XVII веке из идеалистической, религиозной философии, в своих воззрениях на природу и сущность человека, в XX веке, сделав круг, в лице отдельных своих представителей вернулась к идее духовности человека. Современная психология для завершения полноты описания феномена «человек» остро нуждается в настоящее время в парадигме трансценденции, отражающей развитие человека в направлении духовной координаты.

Несомненной заслугой гуманистической психологии является провозглашение принципа целостности в подходе к человеку, позволяющего преодолеть фрагментарность его видения, господствовавшую в бихевиоризме, психоанализе, культурно-исторической концепции. К сожалению, приходится констатировать, что принцип целостности так и остался только провозглашенным, но не реализованным до настоящего времени в гуманистической психологии.

Очевидно, что принцип целостности требует рассмотрения человека и на биологическом, и на психологическом, и на духовном уровнях. С точки зрения Б.Г. Ананьева (Ананьев, 1968), человеческая индивидуальность – это сложная, многоуровневая, иерархическая система. И если «снизу», со стороны биологии, в описание индивидуальности как целостного феномена включаются биологические знания, то необходимым представляется также введение знаний о «верхнем уровне» – о духе, предоставляемых философией, богословием, этикой, культурологией, аксиологией, герменевтикой, лингвистикой и другими гуманитарными науками.

Сегодня для психологии характерно «бегство в функции» (Асмолов, 1990); человек «рассыпался» на множество функций, диспозиций, процессов, реакций, в связи с чем проблема разработки концепции целостности человека является достаточно актуальной. Надо изучать человека, а не его

«инструменты» (Братусь, 1997). Современная психология нуждается в парадигме, отражающей развитие человека как целостного и духовно-нравственного существа.

На протяжении последних веков в психологии, наряду с позитивистским, материалистическим направлением, всегда продолжала существовать ориентация на идеалистические и религиозные традиции. В России в конце XIX века интенсивно развивалась духовная психология как альтернатива «физиологической», дающей лишь отрывочные представления о психических функциях, процессах и явлениях, за которыми не видно человека. Известно, что основателем «физиологической» материалистической концепции психики в отечественной психологии был И.М. Сеченов.

В. Зеньковский в своем учебнике по русской философии писал, что рассуждения И.М. Сеченова о родстве психических явлений с нервными процессами как будто дают основания считать его материалистом, хотя точнее, по мнению Зеньковского, было бы назвать его натуралистом (Зеньковский, 1992). Основные мысли И.М. Сеченова об отсутствии самостоятельности, независимости психических процессов, о том, что психологию нельзя строить только на интроспекции и отделять от материального бытия (кроме той мысли, что наукой психологию сделает только физиология), могут признать справедливыми ученые, находящиеся на разных идейных позициях. Наряду с высказанными идеями, И.М. Сеченов признавал, что сущность психических явлений, насколько они выражаются сознательно, останется во всех без исключения случаях непроницаемой тайной (Сеченов, 1947).

И.М. Сеченов и И.П. Павлов резко предостерегали от отождествления психического, субъективного с физиологическим, объективным. Очевидно, ученики и их последователи грубо вульгаризировали мысли своих великих учителей, чему, возможно, способствовал сильный идеологический пресс.

В советской психологии существовала точка зрения, что психические процессы – это своеобразные информационные, системные процессы, для которых «физиологический уровень» выступает как материальный носитель. Но если психика есть информационное отражение внешнего мира, «зеркало», то возникает вопрос: «Кто же смотрит в это зеркало?». Кто воспринимает, анализирует это отражение? Ответ материалистов на этот вопрос сводился только к «лестнице отражений»: мышление – это отражение отношений между объектами и явлениями, сознание – отражение отражений, а самосознание – отражение отражения отражений и т.п. Очевидна дурная бесконечность этих отражений, если не прибегнуть к утверждению некоей реальности – субъекта-духа, который воспринимает содержание психической реальности.

Представитель духовной психологии, С.Л. Франк назвал эмпирическую психологию, посредством которой невозможно понять себя и правильно построить свои отношения с другими, психологией без души. Н.Я. Грот считал важнейшей задачей науки разработку учения, формирующего прочные основы для нравственной жизни человека (Грот, 1987).

Особенностью данного исторического этапа в нашей отечественной психологии является то, что в ней уже нет одной, «единственно верной» методологической парадигмы. Открывающаяся сегодня перед психологической наукой возможность выбора методолого-теоретических подходов и ориентаций позволяет ей осуществить свободу в определении того мировоззрения, которое представляется наиболее адекватным ее предмету. Анализ материалистической концепции человека показал, что позитивистская психология «потеряла» некое начало в человеке – дух. Потеря духа, кроме нарушения целостности в описании человека, привела материалистическую психологию к методологической неразрешимости многих проблем.

Понятие «субъективного духа» современной психологии предлагает сегодня В.И. Слободчиков (Слободчиков, 1994). Это понятие является

достаточно продуктивным для решения многих, как практических (психотерапевтических), так и теоретических проблем современной психологии, в том числе «психофизиологического парадокса».

Индивидуальное сознание, дух – высшее проявление человека, та внутренняя активность, которая представляет собственно субъекта, «Я», что и составляет сущностное отличие человека от всякой прочего живого существа – его способность «отнестись» к себе, вычленив себя из потока психических переживаний, познавать внешнюю реальность и собственный внутренний психический мир. По мнению религиозных философов, с духом связана личность, которая является формой его проявления; в духе, сознании человек как бы выходит за пределы самого себя, занимает позицию над ситуацией.

То обстоятельство, что до рождения гуманистической идеологии, а также параллельно с ней все время продолжала существовать и другая доктрина человека, к которой гуманистическая идеология практически и подошла опять, сделав круг, побуждает ознакомиться более обстоятельно с этой «иной», идеалистической концепцией сущности человека. Освоение опыта других систем познания, не вписывающихся в традиционно-материалистическую психологическую парадигму, вероятно, имеет ценность и значение в понимании психического, а главное – человека как носителя психического.

В рамках идеалистической психологии всегда существовали понятия о душе, духе как о «вневременной» идеальной субстанции.

Согласно В. Штерну, внутри человека существует активное целеполагающее начало, организующее и объединяющее все свойства и функции личности в независимое индивидуальное целое. По мнению Штерна, сущность человека – его отношение к Богу; именно в отношениях с Богом происходит духовное возрождение индивидуальности – единства многообразного (Stern, 1921). Такая телеологическая направленность индивидуализма Штерна объединяет его с теологией.

Э. Шпрангер, представитель «понимающей психологии» определял путь развития личности как ряд духовных превращений, направленных на реализацию идеальной духовной структуры, телеологически определяющей реальную душевную жизнь человека (Шпрангер, 1980).

Джеймс ввел понятие «естественной личности», которая состоит из элементов образующих физическую личность, социальную и духовную. Для духовной личности характерно стремление к духовному прогрессу: умственному, нравственному и искуплению греха (Джеймс, 1991).

В рамках отечественной психологии представляется целесообразным обратиться к духовно-религиозному наследию нашей национальной культуры.

У русских религиозных философов и идеалистических психологов психика отождествлялась с душой и рассматривалась как «деятельная нематериальная субстанция, сознающая себя» (Лопатин, 1896), «вневременная субстанция» (Грот, 1987), «действительный дух и простая, невещественная, бессмертная» сущность (Галич, 1997).

Чтобы был понятен смысл представлений о природе психики и человека религиозных философов, необходимо рассмотреть богословское учение о человеке. Очевидно, что для отечественной психологии наиболее целесообразно знакомство с христианским учением о человеке: национальная религия – православие (восточное христианство) – дала корни, на которых произросли отечественная культура, наука, искусство, напитанные русским менталитетом. Именно такую задачу ставит перед собой православная психология и психотерапия, активное становление которой можно наблюдать в последние десятилетия в нашей стране.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. ЛГУ, 1968.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности. МГУ, 1990.
3. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М., 1989.

4. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 42–67.
5. *Галич А.И.* Картина человека // Русская религиозная антропология. Т. 1. М., 1997. С. 47–53.
6. *Грот Н.Я.* Понятие души и психической энергии в психологии // Вопросы философии и психологии. 1987. Кн. 2 (37), 4 (39).
7. *Джеймс В.* Психология М., 1991.
8. *Зеньковский В.* Основы христианской философии. М., 1992.
9. *Лопатин Л.М.* Понятие о душе по данным внутреннего опыта // Вопросы философии и психологии. 1896. № XXXI. С. 44–71.
10. *Маслоу А.* Бытие человека // Вопросы саморазвития человека. Киев, 1990.
11. *Сеченов И.М.* Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.
12. *Слободчиков В.И.* Развитие субъективной реальности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994.
13. *Франк С.Л.* Душа человека. Париж, 1964.
14. *Франкл В.* Человек в поисках смысла М., 1990.
15. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.
16. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Мир философии. СПб., 1991.
17. *Шпрангер Э.* Два вида психологии // Хрестоматия по истории психологии. МГУ, 1980.
18. *Jaspers K.* Philosophie. Bd. 1 – 11. Berlin, 1932.
19. *Heidegger M.* Sein und Zeit . Tübingen, 1960.
20. *Stern W.* Die differentielle Psychologie. Leipzig, 1921.

Раздел второй

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ УЧЕНЫХ И МЫСЛИТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО И ЕГО РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Социально-психологические идеи В.М. Бехтерева и В. Мак-Даугалла: сравнительно-исторический анализ

М.В. Аринина (Арзамас)

В.М. Бехтерев и В. Мак-Даугалл стояли у истоков социальной психологии, и их идеи представляют интерес для современной науки. Целью нашей работы является выявление точек соприкосновения взглядов этих ученых.

В.М. Бехтерев в книге «Коллективная рефлексология» писал о несостоятельности первых социально-психологических теорий. «До сих пор, как мы знаем, были попытки создавать так называемую социальную психологию, или коллективную психологию (Steinthal, Lazarus, Wundt, Дауголл, Копельман и др.), но эти попытки как основанные на субъективном толковании фактов не обещали успеха» (Бехтерев, 1994, с. 23). Что касается теории В. Макдаугалла, то В.М. Бехтерев говорил о предвзятости его идей и чрезмерном увлечении инстинктами, трактовки их как единственных детерминант социально-психологических явлений. «Ясно, что, строя свою социальную психологию, В. Мак-Дауголл необоснованно пришел к необходимости расширить понятие инстинктов до гиперболических размеров» (там же, с. 24).

Необоснованность такого подхода иллюстрируется Бехтеревым на примере определения Мак-Даугаллом роли инстинкта как детерминанты образования социальных общностей. «Надо, однако, заметить, – пишет Бехтерев, – что, не довольствуясь естественным отбором, некоторые авторы (например, Дауголл и др.) выдвигают теорию социального инстинкта как

фактора, побуждающего к жизни сообществами. Если мы примем во внимание уже ранее указанный факт, что жизнь сообществами часто у животных связывается с определенным временем года и с особыми жизненными условиями, то станет ясно, что одним инстинктом объяснить социальность нельзя, как нельзя им объяснить и некоторых явлений симбиоза» (там же). Не отрицая социального инстинкта, Бехтерев, вместе с тем, считал, что теория Мак-Дугалла не является удовлетворительным объяснением или доказательством его существования и особенностей функционирования, а его доводы – недостаточно убедительными. В отличие от этого Бехтерев при объяснении коллективного поведения и социальной общности как «собирающей личности» использовал понятие сочетательного рефлекса.

Существенным недостатком концепции В. Мак-Дугалла, согласно Бехтереву, является использование субъективного метода исследования, следствием чего является неточность интерпретации фактов и их искажение с целью подтверждения мыслей ученого. Он писал: «Словом, дело сводится к искусственному построению определенной системы, ибо автор начинает исследование с предвзятой мысли, вытекающей из субъективного метода, вместо того чтобы самые явления подвергать объективному анализу и из выясняющихся таким образом фактов строить саму систему» (там же). В.М. Бехтерев считал, что изучение социальных явлений должно осуществляться с помощью объективных методов, с точки зрения рефлексологии.

Несмотря на расхождения во взглядах В. Мак-Дугалла и В.М. Бехтерева на теоретические основания социальной психологии, анализ представлений ученых о проблеме психологии группы показывает, что они имели и много общего, и по ряду вопросов, независимо друг от друга, пришли к сходным выводам.

Во-первых, оба ученых стремились выделить и изучить общие характеристики психологии группы.

Во-вторых, они подчеркивали, что группу нельзя рассматривать как сумму отдельных индивидов, определяя ее как некое единое целое, функционирующее подобно отдельному индивиду. В.М. Бехтерев писал о «собирающей личности»: «Проявления собирающей личности... подчиняются такой же закономерности, какая открывается при строго объективном рефлексологическом изучении проявлений отдельной личности. Притом самые формы этой закономерности оказываются общими, как для отдельной личности, так и для собирающей личности» (там же, с. 15). То же положение В. Макдагалл развивал применительно к феномену «группового разума» нации: «Групповой разум нации есть разум в том смысле, что, как и разум индивида, это – организованная система психических и физических сил; и, как и индивидуальный разум, он так же имеет интеллектуальные и аффективные стороны и аспекты» (McDougall, 1920, с. 142). Используя разные термины, оба ученых, по сути, высказывали сходные позиции по рассматриваемой проблеме. Такие представления были новыми для своего времени и имели большое значение для развития социально-психологического понимания группы. Эти идеи созвучны с современными представлениями о группе как о коллективном субъекте (см. Психология индивидуального и группового субъекта, 2002).

В-третьих, Мак-Дагалл и Бехтерев одними из первых в своих странах разработали классификацию социальных групп. Используя в качестве ее критерия уровень организованности социальных общностей, они выделяли организованные и неорганизованные группы.

В-четвертых, в отличие от многих западных исследователей групп (например, В. Мёде), оба ученых отмечали, что групповое взаимодействие оказывает положительное влияние на протекание и результаты индивидуальной деятельности его субъектов. Так, В. Мак-Дагалл считал, что благодаря высокой степени организации групповой деятельности «целое возвышается над уровнем среднего его члена и даже, путем экзальтации эмоций и организованной совместной деятельности в размышлениях – над

уровнем самых высокоразвитых членов группы» (McDougall, 1920, с. 74). Такие представления созвучны с взглядами В.М. Бехтерева по данному вопросу: «Наряду с тем, что было установлено уже прежними авторами относительно значения подражания в коллективе и нивелировки проявлений отдельной личности, наши исследования заставляют признать, что коллективная деятельность в некоторых отношениях имеет несомненное преимущество перед индивидуальной» (Бехтерев, 1994, с. 373).

Таким образом, проведенный нами сопоставительный анализ работ ученых показывает, что, несмотря на отрицательную оценку В.М. Бехтеревым теории инстинктов социального поведения В. Мак-Дугалла и различие в общетеоретических подходах к изучению социальной психологии, их идеи имели значимые точки соприкосновения в рассмотрении ряда ключевых проблем психологии группы.

Литература:

1. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология // В.М. Бехтерев. Избранные труды по социальной психологии. М.: Наука, 1994.
2. Психология индивидуального и группового субъекта / Отв. ред.: А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова. М.: Per Se, 2002.
3. *McDougall W.* Group Mind: A Sketch of the Principles of Collective Psychology, with Some Attempt to Apply Them to the Interpretation of National Life and Character. N.Y.-London: The Knickerbocker Press, 1920.

П.Е. Астафьев о ценности человеческого бытия и роли сознания в ее постижении

Т.И. Артемьева (Москва)

Одна из основных задач истории психологии состоит в изучении того богатейшего научного наследия, которое оставили нам предшествующие поколения ученых и деятелей культуры. В нем содержатся ценные идеи, представляющие интерес для современной

психологии и помогающие полнее понять закономерности психической деятельности. Причем, речь идет не только непосредственно об ученых-психологах, но и о представителях смежных с психологией наук, особенно применительно к исследованию ранних этапов русской дореволюционной психологической мысли, когда психология еще не существовала в качестве самостоятельной науки, а проблема человека и его души выступала в качестве сквозной и центральной в различных науках гуманитарного цикла.

К числу пока еще не изученных в истории психологии относится самобытный отечественный ученый и философ, по словам А.И. Введенского, «даровитый мыслитель», П.Е. Астафьева, несмотря на то, что в его работах рассмотрен ряд важных психологических проблем.

П.Е. Астафьев родился в Воронежской губернии в деревне Евгеньевка Острогожского уезда в богатой дворянской семье. Первоначальное образование он получил дома и в 1863 году поступил сразу в 7-й класс Воронежской гимназии. В 1864 – 1868 годы Астафьев обучался в Московском университете, где он специализировался в области юриспруденции. С 1872 по 1875 годы он преподавал в Демидовском юридическом лицее историю философии права, а в 1881 году стал заведующим университетским отделением в лицее Цесаревича Николая, директором которого был М.Н. Катков. Здесь он читал психологию, этику и логику. С ноября 1885 года Астафьев состоял цензором Московского цензурного комитета. В 1887 году совместно с И.П. Аксаковым он организовал литературную часть «Русской газеты» (Малый энциклопедический словарь, 1979, с. 334–335).

В 1885 году П.Е. Астафьев опубликовал работу «Страдание и наслаждение жизни», в которой им был рассмотрен ряд проблем философского и психологического содержания, представляющих интерес, как для современных психологов, что и для широкого круга специалистов

гуманитарного профиля. В работе представлены различные уровни анализа проблемы существования человека, дано понимание его бытийной сущности.

Изложение своих представлений он начинает с постановки вопроса о *ценности бытия*, рассматривая его в связи с понятиями оптимизма и пессимизма и полемизируя по существу обсуждаемой проблемы с А. Шопенгауэром и Э. Гартманом⁴. Любопытна характеристика П.Е. Астафьева этих философов: «гениальный Шопенгауэр и искусный его эксплуататор Гартман». Не вдаваясь в сложности этой пространной полемики, остановимся на взглядах Астафьева на проблему человеческой жизни, в целом, его понимании основных ее составляющих, роли сознания в познании окружающего мира, динамики душевной жизни человека.

Предметом анализа в работе выступает, согласно современной терминологии, экзистенциальная проблема бытия человека и *ценности жизни*. В связи с этим формулируется ряд вопросов: «Стоит ли жить, и если да, то почему?»; «Есть ли в бытии что-либо *действительно* ценное и достойное?»; «Не является ли небытие лучше и выше бытия?».

Автор справедливо отмечает, что вопрос о бытии и смысле существования чрезвычайно важен для человека: «Человечество волновалось этим вопросом, билось над ним» (Астафьев, 1885, с. 6). Причем, решение его в равной степени значимо, как для оптимистов, так и для пессимистов. Объяснение этого Астафьев видит в постоянном стремлении человека совершенствовать свою жизнь. Но решение этой задачи зависит от его способности адекватно оценивать свою жизнь, выявлять, что в ней является ценным и желательным для него, а что – незначимым и второстепенным. По мнению автора, понятие о ценности

⁴ А. Шопенгауэр (1788 – 1860) – немецкий философ-иррационалист, представитель волюнтаризма. Согласно его взглядам, сущность мира предстает как неразумная воля, слепое бесцельное влечение к жизни. «Освобождение» от мира осуществляется «через страдание, бескорыстное эстетическое созерцание, аскетизм и достигается в состоянии, близком буддийской нирване» ((Малый энциклопедический словарь, 1979, с. 1532).

Э. Гартман (1842 – 1906) – немецкий философ-идеалист, сторонник панпсихизма. Основой сущего считал абсолютное бессознательное духовное начало – мировую волю («Философия бессознательного»). В этике, вслед за А. Шопенгауэром, разрабатывал концепцию пессимизма (там же, с. 281).

жизни выступает как реально действующая моральная, культурно-историческая *сила*, важный фактор и источник существования человечества: «Чисто идеальное, мысленное решение человеком и человечеством теоретического вопроса, стоит ли, и почему стоит жить, определяет, в конце концов, и реальную *силу* их жить, и реальную, существенную для них *возможность* жить» (там же, с. 8).

Внимание Астафьева привлекает феномен «настроение», рассматриваемый им в связи с проблемой оптимизма/пессимизма. Он полагает, что пессимизм как настроение отличается от оптимизма большей яркостью и силой воздействия на душевные проявления человека. Если оптимизм более спокойный, косный, как бы бесформенный и расплывающийся, то «пессимизм сам по себе ярче и определеннее, а потому уже и поучительнее оптимизма для исследования вопроса о ценности бытия» (там же, с. 11). Согласно точке зрения Астафьева, основные «начала оптимизма гораздо естественнее, проще, следовательно, менее возбуждают напряженную деятельность мышления. Пессимизм “мудренее”, парадоксальнее и более возбуждает пытливость. Уже давно было сказано, что всякое развитие мысли начинается с “удивления”. Пессимизм “интереснее” и легче уловим для мысли по определенности своих форм» (там же, с. 12). Астафьев разделяет мнение, что те психические состояния, которые связаны с выражением страдания, ужаса, отчаяния, вызывают в человеке несравненно более сильное и яркое впечатление. Такие состояния сильнее волнуют людей и заставляют их напряженно думать. Что же касается противоположного состояния, т.е. состояния наслаждения, то оно скорее выражает чувства удовольствия и уверенности. «Поэтому-то существующая психология и язык знают особую форму чувства – “сострадание”, но обоим неизвестно противоположное чувство “со-радости”, или “со-довольства”, хотя в душевной нашей жизни есть состояния, соответствующие этим режущим ухо по своей необычности обозначениям» (там же, с. 13).

Согласно Астафьеву, люди по-разному решают вопрос о ценности и достоинстве бытия и, соответственно, получают противоположные ответы: это может быть, «как страстное проклятие жизни, так и благодарное благословение ее». Но главный вопрос, как пишет Астафьев, коренится «в самом существе *понятия жизни* вообще. Что, в самом деле, составляет существенное в содержании этого понятия? ... Только в сознании своих усилий, движений, совершенных с усилием, т.е. произвольных и т.п., чувствует живое существо свое бытие, чувствует себя. В этом психологи разных школ видят корень возникновения сознания» (там же). По сути, данная точка зрения автора сходна в своих основных чертах с воззрениями основателя логотерапии, известного психолога XX века В. Франкла, рассматривающего жизненные трудности, или, как он писал, «нужду», в качестве необходимого условия осознания человеком смысла жизни и преодоления экзистенциального вакуума.

Таким образом, чувства страдания и наслаждения, усилие и деятельное напряжение – это необходимые условия и основания жизни. В свою очередь, усилие прилагается человеком тогда, когда есть *интерес, осознана ценность* чего-то. «Эта-то ценность (зависит от понятий о достойном, желательном и т.п.) и дается в чувствах страдания или наслаждения, а потому и решается на неодинаковых основаниях» (там же, с. 11).

Активные, деятельные усилия, согласно мнению Астафьева, являются основой формирования *самочувствия* человека, *без которого нет и самой жизни*. Оценивая самочувствие, он определял его как надежный показатель содержания переживаемых человеком чувств, как *данную вместе с ними, единственную и естественную единицу их измерения*.

Подчеркивается, что для человека его собственные усилия, напряжения и соответствующие чувства страдания и наслаждения *в одинаковой степени* непосредственно достоверны и определяются им ясно и точно. «В этих состояниях, и только в них, дается живому существу сознание собственного бытия, самочувствие» (там же, с. 15). Самочувствие – это

самое несомненное и основное из всего содержания сознания человека, так как в нем, «в конце концов, – последнее непосредственное ручательство и мера ясности, точности всего прочего содержания сознания. Для любого человека в равной степени чувство напряжения, чувство боли или наслаждения составляют достоверное содержание душевной жизни» (там же).

Интересным в этом контексте представляется связь понятий «самочувствие», «содержание душевной жизни» и «содержание сознания». Следует отметить, что понятие «содержание сознания» в качестве самостоятельного компонента структуры сознания выделял К.К. Платонов; его значение, ссылаясь на Платонова, подчеркивает Г.В. Акопов.

Благодаря переживаемым психическим состояниям человек осознает свое бытие. Через их ценность ему раскрывается и ценность его личностного бытия. До тех пор, пока для человека имеют ценность чувства усилия, страдания и наслаждения, и в той мере, в какой они для него имеют ценность, осуществляется осознание и сохраняется ценность его бытия. «Пока *есть* самочувствие, оно ценно и реально, и в одинаковой степени положительно ценно и реально для всякого человека. Бытие ценно потому, что оно *есть*» (там же, с. 16).

П.Е. Астафьев делает попытку рассмотреть разные виды оптимизма, дать их классификацию, связывая его также с ценностью жизни человека. В частности, он выделяет так называемый «наивный» или «физиологический» оптимизм, признающий ценным само существование бытия, каким бы оно ни было, собственно саму способность жить: «Бытие, словом, ценно в той мере и потому, что оно *есть*; жизнь ценна, пока она сознается мною, пока я живу и имею силы жить» (там же, с. 17). Такая точка зрения характерна для каждого *единичного сознаваемого момента жизни*, взятого в его отдельности. Более того, как утверждает Астафьев, в любой единичный момент своей жизни «всякое чувствующее эту жизнь существо естественно и необходимо оптимистично. Эта положительная оценка своего

бытия естественно и необходимо выражается в стремлении к самоутверждению, самосохранению». Отсюда делается вывод, что «вне самочувствия, подтверждения *себе* своего бытия нет и никакого стремления к самосохранению, а есть простая косность, неведомое себе пребывание. Стремление к самосохранению неотделимо от стремления *к сознательности своего бытия...* Поэтому и самочувствие не только необходимый *спутник*, проявление жизни, но и необходимое *условие ее*, и энергиею одного определяется энергия другого: нет жизни без самочувствия и ослабление самочувствия есть ослабление жизненной энергии. Самочувствие и *всегда*, везде для всех и во всех положениях только *положительно ценно* и составляет положительную единицу меры для ценности, такой или иной, всех других душевных состояний наших. Точка зрения самочувствия есть точка зрения *самой жизни* в ее реальной переживаемости (там же, с. 20).

Согласно мнению автора, можно, так или иначе, квалифицировать то или иное чувство, ощущение или представление, отрицать его и даже стремиться удалить из сферы душевной жизни. «Но отрицать само себя как самочувствие, как сознание оно не может; *своего* собственного самоутверждения оно не может прервать... Сознание может судорожно порываться от одного своего содержания к другому, не удовлетворяясь ни одним из сменяющихся в этих порывах содержаний, но стремиться *не быть* сознанием, самочувствием оно не может по коренному существу своему» (там же, с. 19).

Учитывая положение, что для человека значимо переживание отдельных моментов жизни, ценность которой здесь определяется самим фактом ее наличия, Астафьев, вместе с тем, считает необходимым руководствоваться и другой, *более общей*, точкой зрения. Она ориентирует на мысленное обобщение всего ценного, что содержится в разные единичные моменты жизни. Именно такой взгляд на прожитое и пережитое позволяет человеку дать общую оценку всей его жизни в целом. «Только на этой точке зрения, *отрешающейся от непосредственной*,

реальной переживаемости составляющих жизнь во всей ее *реальности моментов и их условий*, и возникает вопрос о действительной ценности бытия, жизни, вопрос: не есть ли эта непосредственная и несомненная ценность реальных моментов жизни *только мнимая?*» (там же, с. 22).

Особую роль в этом процессе осознания своей жизни и ее ценности Астафьев отводит сознанию, исходя из того, что «в *самом существе сознания*, без которого жизнь сама по себе, себя не знает, следовательно, не имеет ни собственной реальности,... сознающее свою жизнь существо *различает* переживаемый им непосредственно момент своей жизни от пережитого. Только потому, что оно различает его – *и сознает оно его как изменение в своем бытии*» (там же, с. 24).

В своем анализе Астафьев соотносит понятия «жизнь» и «сознание», считая, что развитие жизни есть и развитие сознания. Согласно Астафьеву, сознание выполняет интегративную, регулируемую и идеальную функции. Оно выступает как деятельность, различающая отдельные различные моменты бытия, сопоставляющая и соотносящая их между собой, подводящая итоги и обобщающая все прожитое и пережитое на разных этапах жизни. Астафьев пишет, что «жизнь для сознающего ее существа по самому существу сознания, не только непосредственного переживания имеет и другую ценность, идеальную, являющуюся в результате мысленного сличения разных моментов, подведения итога им» (там же). Он подчеркивает, что человек как непосредственно реально живущее существо не может не ценить всякого момента этой реально переживаемой жизни *положительно*. Но поскольку человек всегда размышляет о своей жизни, о уже пережитых и ожидаемых горестях, заботах и радостях, в связи с этим возникает сомнение в правомерности и адекватности априорной положительной оценки им своей жизни. Соответственно, ставится вопрос о необходимости использования дополнительных критериев для оценки бытия человека, его ценности – идеальных (нравственных). Астафьев в связи с этим пишет: «Здесь уже недостаточно той данной вместе с

непосредственным чувством страдания и наслаждения *меры* его в самочувствии, которая и всегда положительна и сама по себе определена. Являются другие меры для оценки *идеально воспроизводимой* в своем целом жизни, – меры идеальные, могущие быть и истинными и ложными и добрыми и злыми. Таковы наши понятия должного и желательного, ценного и прекрасного, имеющие в разных умах такие различные достоинство, полноту и очевидность» (там же, с. 25–26).

Астафьев подчеркивает, что результат этой мысленной рефлексии у разных людей может быть различным и зависит от используемых ими критериев идеальной оценки жизни, от сложившихся у них понятий о должном, ценном, истинном. Выбором тех или иных понятий, идеальной меры ценности жизни определяется положительный или отрицательный ответ на вопрос о ее ценности.

Как считает Астафьев, именно на основе сочетания двух оценочных суждений – о конкретном моменте жизни, наполненном реальными событиями и переживаниями, и об ее общем итоге, рассматриваемом с идеальных (нравственных) позиций – совпадающих друг с другом или различающихся – можно получить *общую* оценку бытия. «В первом основном течении непосредственной жизни, в ее переживаемости ценность бытия, как мы видели, необходима положительная, *потому что реальная основание ценного бытия – самочувствие (я есмь, я живу) – всегда положительно ценно; непосредственно сознаваемая жизнь ценна положительно потому, что она есть.* ...С какими другими элементами психической жизни должна иметь дело оценка бытия в не менее необходимом, идеальном течении его, в идеальном подведении итогов того реального переживания – оценка, могущая не совпадать с первой, и вместе с нею должна одинаково дать ответ на общий вопрос о ценности бытия в его целостности. ... Очевидно, эта вторая оценка имеет предметом другие элементы тех наших душевных состояний, в которых жизнь наша становится для нас ведома и получает для нас какую-либо ценность, неисчерпаемые

моментом простого самочувствия. Эти *другие элементы* могут иметь и отрицательную ценность, суть определения самочувствия в состояниях *страдания и наслаждения*. В страданиях и наслаждениях, из непрерывной смены которых слагается вся наша сознаваемая жизнь, и через которые она дает нам знать о своей ценности – самочувствие, но вместе с тем и нечто большее. Дается дальнейшее определение его: испытывая их, я познаю не только что я *есмы*, но и *как я есмь*. Самочувствие само по себе только положительно ценно, и итог какого угодно ряда состояний самочувствия может дать поэтому только положительную же ценность. Иное дело *мысленный* итог состояний страдания и наслаждения. Здесь возможны разные решения и вопросы. *Что* преобладает в жизни: страдание или наслаждение, одинаковое *значение* имеют они в экономии жизни, чтобы одно могло уравнивать другое при количественном равенстве страданий и наслаждений (целой массы наслаждений в мире недостаточно для того, чтобы уравнивать одно единственное страдание, заплатить за него). Вопрос о реальной ценности бытия нельзя решить моралистам – что *должно быть*, но и для психолога, объясняющего только то, что *есть*, но отрицательная оценка жизни с точки зрения ее страданий и наслаждений может изменить самочувствие по энергии и направлению. Оценка жизни рефлексией по итогу наслаждений и страданий жизни» (там же, с. 28–29).

Другими словами, если влиять на энергию и направление самой реальной основы ценности жизни-самочувствия – видоизменять самую восприимчивость человека к страданию и наслаждению, то та или иная *идеальная* оценка жизни перестает быть чисто теоретической мыслью, ложной или истинной, но становится *этическим началом, добрым или дурным*. Как говорит Астафьев, из простой *философемы она становится поступком*.

По Астафьеву, разрешение общечеловеческой, а не просто научной только задачи определения ценности жизни возможно при условии предварительного ответа на целый ряд подчиненных вопросов. В их ряду он

выделяет психологические вопросы: об условиях возникновения чувствований страдания и наслаждения, законах их возрастания, убывания и смены в душевной жизни, значении тех или других из них в «экономии нашего физического и психического бытия», их количественной и качественной представленности в разных условиях существования и т.п. Как видно из вышеприведенного рассуждения, Астафьев, по существу, раскрывает психологические составляющие функционирования и развития процессов, происходящих в душевной жизни человека. И это особенно интересно для психологов, поскольку именно эта сфера является предметом их деятельности.

Как идеальная оценка может влиять на изменение ценности реального бытия, возвышая или обесценивая его? Оптимисты и пессимисты отвечают на эти вопросы различным образом.

Так, пессимисты говорят: «В жизни страшно много страдания, лжи, зла и безобразия, – следовательно, жизнь несовершенна, дурна и заслуживает осуждения». Но это не отвергают и оптимисты, замечает автор. Разница между ними проявляется при ответе на другие вопросы: «Желателен ли мир, имеет ли и может ли иметь какую бы то ни было ценность жизнь вообще? Лучше ли бытие, в какой бы форме оно не существовало, чем небытие, или наоборот?». Таким образом, проблема заключается не в степени совершенства той или другой формы бытия, а в том, является ли оно предпочтительнее небытия. «Бытие для пессимизма, по самому своему существу, есть зло, потому что оно одарено сознанием, потому, что, пока оно одарено сознанием, оно представляет одну непрерывную цепь страданий, цепь мучительных и без конца и отдыха повторяющихся усилий достигнуть целей или вовсе недостижимых, цепь суетных надежд, неизбежных горьких разочарований, суетных страхов и опасений. Все радости, которыми манит нас и изредка лакомит жизнь, завлекая ими в эту бесплодную и бесконечную, но дорого достающуюся участникам ее игру – эфемерны, мимолетны. Таким образом, реальные радости, которыми иногда дарит жизнь нас... вертеть

вечное колесо жизни для кого-то, но не для себя. Но этих обманных радостей так мало в сравнении с вполне реальными и постоянными страданиями», – пишет П.Е. Астафьев (там же, с. 39).

Анализируя позицию пессимистов, Астафьев писал, что, согласно их взглядам, чем сознательнее жизнь, тем она труднее. Чем более развивается сознание, тем беднее радостями, богаче страданиями и несчастнее, по их мнению, жизнь. Страдание и жизнь у пессимистов выступают как тождественные явления, так как само существо жизни они видят в деятельности, в стремлении, в работе, плата за которую мнимыми наслаждениями – нечто случайное, побочное, а страх и тяжесть работы – неизбежные следствия.

Согласно Астафьеву, пессимизм личности определяется личной судьбой человека, опытом его страданий, индивидуальными особенностями темперамента и обуславливает своеобразие отношения к явлениям окружающей жизни и ее оценки, поэтому он «принадлежит к области *настроений* и характеров, но не к области философии». Отсюда делается вывод, что пессимизм, «как и всякое душевное неустройство», можно лечить, но нельзя *логически* обсуждать с его субъектом, носителем этот состояния, состоятельность его оснований: «Человека изверившегося в жизнь, израсходовавшего и уставшего жить, можно еще стараться утешить, занять, заинтересовать чем-нибудь, но бесполезно было бы *доказывать* ему, что его усталость, скука, ненависть, томление разочарования – *нереальны*, не чувствуются им в действительности мучительно. Разум действует прямо только на разум же, но не настроение» (там же).

Возникает вопрос, действительно ли страдание и наслаждение, с одной стороны, а истина и красота, добро и т.п. – с другой, могут представляться какими-то *отдельными* частями, самостоятельными, случайными. Астафьев дает на него отрицательный ответ: «Нет – это не отдельные составные части ценности целого мира, не самостоятельные слагаемые или виды ея. И весь мир, взятый как целое, и всякое отдельное существо его и явление, как бы

оно ни было крупно или ничтожно, представляет не только определенную сумму наслаждения и страдания, но вместе с тем и определенную ценность, с точки зрения истины, красоты и добра. Вне этих точек зрения не стоит ни одно явление жизни, ни одна форма бытия. С другой стороны, и красота, и добро, и истина в высочайшем ли в самом ли незаметном воплощении своем, явлении бытия, непременно представляют и какую-нибудь эвдемонологическую ценность, неизбежно сопровождаются и в самом воплощающем их и знающем о себе существе в какой-либо мере чувствами удовлетворения и страдания, также как в какой-либо мере вызывают эти чувства и в созерцающем их со стороны зрителе» (там же, с. 42).

Вместе с тем он возражает против попыток обосновать наличие «нейтральных» чувств: «Можно убедиться в психологической несостоятельности старой теории т.н. нейтральных, не определенных ни как удовольствие, ни как страдание чувств. Всякое состояние чувства *есть или* наслаждение, *или* страдание. Но в то же время нет и такой мысли или такого состояния воли, *нет и не может быть такого состояния сознания вообще*, которое не сопровождалось бы в какой-либо мере чувством, а, следовательно, не было бы вместе и страдание и наслаждением. Нейтральных чувств не существует» (там же, с. 43). Он подчеркивает, что вся широкая палитра чувств человека – естественный результат его жизни, наполненной трудом, решением различного рода задач. Жизнь представляет собой «непрерывную цепь усилий, работ, стремлений и движений» и параллельно – столь же непрерывную череду соответствующих им чувств страдания и наслаждения.

Таким образом, в работах П.Е. Астафьева анализируется целый комплекс понятий, начиная от наиболее общих – «бытие», «жизнедеятельность» – до тех, которые отражают индивидуальный уровень бытия человека: «сознание», «самочувствие», «настроение», «наслаждение», «страдание», «самосознание» и др. Последующий анализ предполагает соотнесение семантического значения этих понятий в трактовке Астафьева

с их определениями в современной психологии, рассмотрения в контексте разрабатываемых сегодня концепций психологии личности и субъектной парадигмы.

Литература

1. *Астафьев П.Е.* Страдание и наслаждение жизни. Вып. 1. «Вопрос пессимизма и оптимизма». СПб., 1885.
2. Малый энциклопедический словарь. М., 1979.
3. Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 2. СПб., 1894.

Вклад П.П. Блонского в развитие возрастной психологии

И.Ю. Троицкая (Арзамас)

Павел Петрович Блонский (1884 – 1944) – выдающийся советский ученый, психолог и педагог. И хотя в процессе своей чрезвычайно многогранной деятельности он не создал собственной научной школы, не оставил верных последователей, а его имя редко упоминается современными психологами, однако несправедливо было бы недооценивать вклад этого ученого в отечественную науку. В свое время он являлся одним из ее лидеров, а его работы и по сей день представляют немалый интерес.

С именем П.П. Блонского связано становление и развитие советской психологической науки. Одним из первых он выступил против идеалистической психологии, применив теорию отражения к изучению конкретных вопросов психологии, в первую очередь, памяти и мышления. Свои исследования Блонский проводил на основе генетического принципа, который в начале XX столетия стал ведущим для многих психологов.

Блонский был одним из главных теоретиков новой науки о ребенке – *педологии*. Ему представлялось перспективным направление исследований, связанное с комплексным подходом к развитию.

В педологический период научного творчества Блонского (1924 – 1928) его внимание было сосредоточено на характеристике *этапов детского развития*. В 20-е годы возрастная периодизация связывалась им в основном с биологическими, анатомо-физиологическими показателями (развитие зубов, эндокринных желез, состав крови и т.д.). Он рассматривал ребенка в раннем возрасте как инстинктивно-эмоциональное существо. Согласно его мнению, потребность в обществе возникает у детей лишь к концу дошкольного возраста. В этом проявились биологизаторские взгляды ученого при рассмотрении возрастных этапов развития ребенка.

На рубеже 20-х – 30-х годов научная позиция П.П. Блонского в области изучения ребенка и факторов формирования его личности претерпела существенные изменения. В частности, он указывал, что уже с шестимесячного возраста дети вступают в общение с окружающей средой, начинается их социализация. Блонский подчеркивал огромную роль воспитания и обучения в формировании человеческой личности, без которых невозможно развитие ребенка.

Обширный материал по возрастной психологии в эти годы представлен в трудах П.П. Блонского: «Психологические очерки», «Память и мышление», «Развитие мышления школьника». При этом он не ограничивался лишь объяснением психологических явлений, но стремился дать им педагогический выход. В центре его внимания – вопросы обучения и развития детей. Реализуя идею развития, П.П. Блонский изучал *психологические особенности детей в разные возрастные периоды*. Так, им были тщательно исследованы представления школьников разного возраста. Учащимся предлагалось описать солнце, землю и др. Анализируя полученный материал, Блонский выделил несколько стадий развития представлений детей – от самой низкой (I класс), когда представление отражает то, что непосредственно воспринято ребенком, до стадии, на которой в него включается весь жизненный опыт, усвоенные знания (старший школьный возраст).

Используя метод свободных ассоциаций (детям предлагалось написать любые 25 слов), Блонский проанализировал круг ассоциаций школьников младших, средних и старших классов и показал, как он, первоначально ограниченный и отражающий лишь непосредственно окружающих детей людей и обстановку, постепенно расширяется и обогащается за счет тех знаний и опыта общения, которые учащиеся приобретают в процессе обучения.

Ученый отметил увеличение запаса понятий в детском мышлении, начиная с первых лет учебы в школе, а так же показал, какие возможности в плане расширения объема мышления таят в себе разные школьные предметы.

В его работах рассмотрены различные стороны понимания у детей (узнавание, наименование, перечисление, описание, объяснение) как результата мыслительной деятельности. При этом сделаны важные для педагогической школьной практики выводы. Так, Блонский подчеркивал необходимость предварительного выяснения знаний ученика как условия адекватного построения процесса передачи знаний. Учитывая уровень понимания младших школьников, ученый выдвинул требования к изложению материала педагогом: предварительное указание цели; использование наглядных пособий; постановка вопросов, требующих ответа учащихся; краткость в освещении проблемы. В своих работах он сформулировал ценные для педагогической практики положения об особенностях процессов памяти и мышления на разных возрастных этапах, указал на необходимость развития умственной активности и творческих способностей детей в процессе обучения.

Большое внимание уделял П.П. Блонский воспитанию *активности и самостоятельности* учащихся как субъектов учебной деятельности. Согласно его мнению, образование предполагает активность обучающегося, и лучше не «получать», а «строить», «делать свое образование». В связи с этим сохраняют интерес его высказывания о стимулировании активной самостоятельной деятельности, развивающей познавательные способности

детей. Являясь активным существом, ребенок томится от безделья, неподвижности и пассивного созерцания. По своей природе он открыт для поиска и усвоения знаний. Учитель должен помочь ему в этом, дать необходимый материал для самостоятельной работы, чтобы эта потребность не оставалась нереализованной. Даже самая лучшая школа, отмечал Блонский, не может дать столько знаний, сколько нужно для жизни. Обучение в классе, по его словам, не в состоянии дать ученику такой багаж знаний, который избавил бы его от необходимости дальнейшего их приобретения. Человек не в силах сохранить в памяти те знания, которые он приобрел во время учебы. Поэтому главная задача школы – сформировать у детей желание и умение приобретать знания на протяжении всей жизни, вооружить их умениями и навыками самообразования.

П.П. Блонский был сторонником «активных методов» обучения, обеспечивающих высокое качество знаний. Он указывал, что старая школа строила работу не «на мысли», а «на памяти» учащихся. Образование, которое она давала, не способствовало развитию самостоятельного мышления. В новой школе необходимо сделать учение интересным, увлекательным, удовлетворяющим интеллектуальные запросы школьников. Одним из продуктивных методов, ориентированных на решение этой задачи, является, по его мнению, «исследовательский метод», который способствует активному, критическому восприятию мыслей, воспитывает охоту и привычку к проверке общепринятых положений. Вместе с тем этот метод вооружает учащихся умением ориентироваться в окружающей действительности, способствует формированию у них творческих способностей и потребности к творчеству.

Представляют интерес взгляды Блонского на *специфику подросткового возраста*. Он критически оценивал теории, рассматривающие подростковый возраст как период «тяжелого кризиса», обусловленный половым созреванием. В работе «Очерки детской сексуальности» (1935), которая была направлена против фрейдистской теории, автор показывает, что

половое созревание является существенным, но не основным фактором развития ребенка. В его исследовании получили научную интерпретацию такие вопросы, как сексуальные переживания мальчиков и девочек разных возрастов, их влияние на половую жизнь в зрелом возрасте. Им высказаны оригинальные суждения об организации полового воспитания, в котором, по его мнению, огромную роль играют среда, контроль и просветительская работа.

Блонский подчеркивал, что параллельно с физическим происходит интеллектуальное и общественное созревание подростков. Подросток рассматривает явления человеческой жизни не только с узко бытовой точки зрения, но и с широкой, общественной. У него возникает множество общественно-политических вопросов, но решать их он еще не умеет. Ученый считал особенно важным, чтобы подросток получал правильное освещение волнующих его проблем не только в общении с учителями, но и путем чтения политической литературы. Соответственно, подростковый возраст он называл возрастом «политической деятельности».

К числу важнейших требований к содержанию образования Блонский относил учет возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, научность и идейно-политическую направленность обучения. Разрабатывая программу школьного образования, он уделял особое внимание проблеме соотношения науки и школьного предмета. Ум школьника сознательнее, активнее и глубже усваивает подлинно научные знания, чем всякого рода суррогаты науки, говорил Блонский, призывая смелее вводить в содержание школьного образования данные современной науки.

П.П. Блонский намеревался осуществить обширную программу исследовательских работ по изучению комплекса психических процессов – восприятия, памяти, мышления, речи, воли и чувств – в их единстве и развитии.

Труды Блонского последних лет существенно обогатили эмпирическую базу и теоретический фундамент современной научной психологии. Он

близок нам своими идеями, своим отношением к целому ряду теоретических и практических проблем советской школы. Его наследие может и должно быть использовано в нынешней педагогике, в воспитательной работе с подрастающим поколением, при организации психологических и педагогических исследований.

Литература

1. *Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М.* Возрастная и педагогическая психология. М., 2003.
2. *Марцинковская Т.Д.* История детской психологии. М., 1998.
3. *Никольская А.А.* Значение П.П. Блонского в истории психологии // Вопросы психологии. 1985. № 1.
4. *Степанов С.С.* Век психологии: имена и судьбы. М., 2002.

Раздел третий

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИИ

Психологический анализ литературного творчества в работах отечественных ученых конца XIX – 30-х годов XX века

Е.Л. Бобылев (Арзамас)

Психология литературного творчества как специфическая область знания стала предметом серьезного внимания исследователей, начиная с середины XIX века. С момента своего появления она обнаружила междисциплинарный характер, связь с философией, эстетикой, литературоведением и психологией. С одной стороны, это осложняло исследование проблемы, с другой, делало его актуальным и важным.

По мнению Б.Ф. Сорокина, философское рассмотрение творчества предполагает анализ того, как вообще возможен процесс, представляющий собой порождение нового, и каков его онтологический смысл (Сорокин, 2000, с. 6).

В различные исторические эпохи философия по-разному отвечала на эти вопросы. Во второй половине XIX – начале XX века наиболее значимыми для психологии литературного творчества направлениями философии были: теория И. Канта, неокантианство, позитивизм и диалектический материализм, которые выступали в качестве методологических оснований исследования этой проблемы.

Литературоведческая наука изучает художественную литературу с позиций ее сущности, специфики, происхождения, общественной функции, закономерностей литературного процесса. Наиболее близко к теории литературы подходит психология литературного творчества, сохраняющая при этом специфику своей проблемной области.

В эстетике искусство и творчество рассматриваются с несколько других позиций. Предметом эстетического исследования выступают, наряду с анализом отдельного произведения искусства, также особенности различных видов искусств, специфика жанра или художественного стиля в большой пространственной и временной перспективе. Эстетика, в широком смысле слова, – область знаний о прекрасном. Искусство – это художественная деятельность, направленная на создание прекрасного и доступная для психологического анализа. Эстетика, в отличие от психологии искусства и художественного творчества, придает особое значение когнитивным феноменам, таким как восприятие. Эстетический опыт и эстетические категории – «гармония», «высокое качество», «вкус», «возвышенное» – изучаются философией. Таким образом, философское, литературоведческое и эстетическое изучение искусства, следуя терминологии О.А. Кривцуна, представляет собой обобщенный макроанализ этой сферы человеческой деятельности, а психологическое исследование искусства может рассматриваться как ее микроанализ.

Столь разносторонний интерес к психологическим аспектам искусства привел к появлению целого ряда сложных и неоднозначных понятий. Наиболее неопределенными и многозначными являются такие понятия, как «психология искусства», «психология художественного творчества», «психология литературного творчества». Проблема заключается в том, что в период становления этих научных понятий их использование было частым, но несистематизированным; отсутствовала четкая дифференциация их семантического содержания; нередко они употреблялись как синонимы. В связи с этим назрела необходимость четкого понимания специфики каждого понятия, исходя из определения его научной границы и сферы использования.

Не менее важной является также задача определения специфики и дифференциации проблемного поля психологии искусства, психологии художественного творчества и психологии литературного творчества как

особых областей знания. *Психология искусства* исследует психологические основы и объективные законы создания произведения искусства как самостоятельного явления, а также оказываемое им эмоциональное воздействие на воспринимающего субъекта в конкретной жизненной ситуации. Предметом *психологии художественного творчества* является исследование психологических механизмов и принципов создания произведения искусства, а также личности творца. В сферу *психологии литературного творчества* входит изучение психологических механизмов и закономерностей создания литературных произведений с учетом социального контекста, оказываемое ими эмоциональное воздействие на воспринимающего субъекта в конкретной жизненной ситуации.

Первоначально практически все отечественные исследования в области психологии искусства или художественного творчества, по сути, являлись работами по психологии литературного творчества. Эта ситуация объяснялась особым положением русской классической литературы XIX века в период разработки психологических аспектов искусства. Литература являлась наиболее популярным, разработанным и признанным видом художественного творчества. А.А. Блок в публицистической статье «Без божества, без вдохновенья» неслучайно оценивал русскую литературу как всеобъемлющее и объединяющее начало отечественной культуры» (Блок, 1921, с. 272). Именно поэтому у своих истоков психология, нуждающаяся в популяризации и общественном признании, обратилась к лучшим образцам русской классической литературы. Кроме того, художественные тексты давали широчайшую базу для психологического исследования тайн человеческой души.

В психологии до сих пор нет какой-либо совершенно законченной и общепризнанной системы или периодизации психологии литературного творчества. Те авторы, которые пытались свести воедино все наиболее ценное, созданное в этой области (Р. Мюллер-Фрейенфельс; М.Н. Афасижев;

О.А. Кривцун), представили лишь эклектическую сводку разных точек зрения и взглядов.

Несмотря на всю сложность данной проблемы, мы предприняли попытку разработать периодизацию психологии литературного творчества. В качестве ее основания выбраны хронологический и содержательный критерии, отражающие смену взглядов на природу психического вообще и конкретно – на психологию литературного творчества, что собственно и определяет особенности каждого из этапов. В результате проведенного историко-психологического исследования была составлена научно-обоснованная периодизация становления и развития психологического анализа литературного творчества в конце XIX – 30-е годы XX века, включающая пять этапов. При этом предложенное нами название выделенных этапов отражало доминировавшие в это историческое время тенденции в исследовании литературного творчества.

Первый, *субъективно-психологический, этап* (80-е годы XIX века – конец XIX века) характеризуется выделением из культурно-исторической школы ее особого, «психологического» направления, которое было представлено отечественными и зарубежными лингвистами, осознавшими необходимость использования психологических знаний для изучения языка и художественного творчества (И. Фолькельт; Э. Геннекен; Р. Мюллер-Фрейенфельс; А.А. Потебня; Д.Н. Овсяннико-Куликовский; Н.А. Рубакин). Итогом первого этапа стало оформление *психологического метода*, который сразу обнаружил свои субъективные тенденции и ориентацию на идеалистическую кантовскую философию. На первый план в литературе выдвигалась творческая личность; художественное произведение превращалось в своеобразную «модель» души художника. Психологические законы литературного творчества усматривались в тайне личности художника, в глубинах его психики, а различия между художественными произведениями объяснялись своеобразием психологических типов, к которым принадлежали писатели, и их переживаний. Сосредоточившись на

проблеме творческой индивидуальности, представители психологического метода упускали из виду вопросы об историческом развитии искусства, его общественной обусловленности.

Второй, *субъективно-психопатологический*, этап (конец XIX века – 10-е годы XX века) связан с появлением попыток использовать достижения литературы в психологии в области психиатрии (В.М. Бехтерев; Н.Н. Баженов; Н.Е. Осипов; Ю.В. Португалов; И.А. Сикорский; М.О. Шайкевич; В.Ф. Чиж). В русской культуре конца XIX века литература занимала важное место, поэтому отечественные психиатры стремились привлечь писателей в «союзники». Результатом стало открытие *психопатологического метода* в литературной критике. Объектом познания выступил человек, страдающий психическим расстройством, а термин «психопатологический» означал выделение психопатологических феноменов с позиции общей патологии применительно к раскрытию общих закономерностей психических расстройств. Задачами психопатологического метода являлись: во-первых, установление факта психического заболевания и его наименование, т.е. постановка диагноза; во-вторых, познание личности, страдающей психическим расстройством, ее внутренних переживаний и особенностей жизнедеятельности; в-третьих, проявление проблемы болезни в литературном творчестве. Метод являлся субъективным по психическому статусу и объективным по анамнезу.

Третий, *психоаналитический*, этап (начало XX века) связан с работами последователей З. Фрейда и К. Юнга в России. Главенствующей фигурой среди них можно считать председателя Русского психоаналитического общества И.Д. Ермакова. Этот этап характеризовался распространением *психоаналитического метода*. Его пафос был направлен на отыскание в художественных творениях знаков-символов, подтверждающих психоаналитический «диагноз» того или иного субъекта творчества как личности. В этом смысле любой творец представал в качестве обычного пациента. В свою очередь, этим объяснялся и особый субъективный ракурс

исследований – они были сфокусированы на психологии художественной личности, а не на психологии художественного текста. Главная задача метода – показать, как специфическая сексуальность обуславливает течение творческих процессов, как психические комплексы крупных художников преломляются в произведениях, в их тематически-образном строе и художественно-мотивационных решениях. В целом, психоаналитические поиски в сфере литературного творчества не привнесли чего-то существенно нового для понимания содержания самих произведений искусства.

Четвертый этап был переходным, «*формалистским*» (10-е – 20-е годы XX века). Сложившаяся в это время ситуация характеризовалась кризисом субъективизма, как в самой психологии, так и в литературоведении. В рамках литературоведения возникла «формальная школа», ориентированная на неокантианскую философию (Р. Ингарден; К. Леви-Строс; Я. Мукаржовский; В.Б. Шкловский; Б.А. Грифцов). Главным итогом этого этапа стала разработка «*формального*» подхода (метода), утверждающего взгляд на художественную форму как на феномен, определяющий специфику литературы, способный к имманентному саморазвитию и подчиненный отвлеченным логико-математическим законам. Главную задачу «формалисты» видели в преодолении характерного для литературоведения того времени дуализма формы и содержания, что выразилось в представлении о форме как единственном реальном носителе специфики искусства и отнесении содержания к его нехудожественной составляющей. Собственно форма сводилась преимущественно к языку, обладающему имманентными законами развития и независимому от других нелитературных рядов. Произведение литературы понималось как сумма приемов; считалось, что оно не имеет связи с судьбой и личностью своего создателя, ибо развитие литературы совершается путем автоматизации приемов и принципа отстранения.

На пятом, *объективно-психологическом*, этапе (30-е годы XX века) происходит осознание антипсихологизма формальной школы, что привело к

созданию *объективного аналитического подхода (метода)*, в основе которого лежало представление о различии эстетического и неэстетического объектов, а методологической базой выступала марксистская философия (Л.С. Выготский). Соответственно указанному подходу, любое произведение искусства рассматривалось психологом как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать у воспринимающего его субъекта соответствующую эстетическую реакцию. Использование данного метода гарантировало достаточную объективность получаемых результатов и всей системы исследования, так как он исходил из изучения реально существующих и доступных для точного изучения фактов. Общее направление этого метода можно выразить следующей формулой: от рассмотрения формы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов, структуры к воссозданию эстетической реакции и, наконец, к установлению общих законов восприятия продукта литературного творчества.

Историческая логика развития философии, литературоведения и психологии, как в Европе, так и в России показывает, что на стыке XIX — XX веков научное знание переживало кризисный период, который характеризовался общей тенденцией переориентации науки от субъективизма к объективизму. В рамках философии это проявлялось в борьбе диалектического материализма с субъективно-идеалистическими воззрениями. В области литературы стадия романтизма и реализма, культивирующая принцип индивидуально-творческого поиска, сменялась эпохой декадентства, развитием модернистских, формалистских, авангардистских и неоавангардистских течений. Психология литературного творчества, как особое направление психологической науки о высших психических функциях человека, развивалась согласно логике движения общенаучного процесса.

В этот период явно обнаружился кризис субъективной интроспективной психологии, представление которой о сознании отвергалось повсеместно. Сложившуюся в этот период ситуацию Л.С. Выготский назвал «кризисом субъективизма» (цит. по: Ярошевский, 1993, с. 162). На смену ему приходил «объективизм», понимаемый людьми науки той эпохи как приверженность естественнонаучным объяснительным принципам. Этот факт дает возможность утверждать, что период конца XIX – 30-е годы XX века в России может рассматриваться как время становления и развития психологии литературного творчества в качестве самостоятельной области знания, базирующейся на объективном подходе.

Таким образом, развитие психологии литературного творчества, на стыке XIX – XX веков характеризовалось чрезвычайным многообразием разных школ, направлений, течений. Я.А. Пономарев в книге «Психология творчества» писал: «Большой и разносторонний интерес к этой области знания характерен для первых дней после Октября. Он сохранился до середины 30-х годов, однако затем пошел на спад и почти исчез. В настоящее время кривая, этого интереса вновь резко поднялась» (Пономарев, 1976, с. 8).

Литература

1. Блок А.А. О литературе. М., 1980.
2. Пономарев Я.А. Психология творчества. М., 1976.
3. Сорокин Б.Ф. Философия и психология творчества: научно-методическое пособие. Орел, 2000.
4. Ярошевский М.Г. Л. Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993.

Идеалы как психологический фактор формирования личности подростка

В.С. Большов (Москва)

Перед психологией сегодня стоит ряд задач, связанных с изучением особенностей развития человека в условиях социальной, политической и экономической нестабильности. Быстрое и необратимое изменение социальной структуры общества, кардинальные экономические и политические преобразования, отсутствие обоснованной стратегии общественного развития актуализируют интерес психологов и представителей смежных с нею наук к социально-психологическим проблемам личности, включая формирование ее ценностей и идеалов. Поиск идеала как психологической детерминанты личностного развития значим для каждого человека. Но особенно актуальным это является для современных подростков.

Исследования данной проблемы выявили существенное влияние переломных политических моментов в общественном развитии на сознание человека и его поведение. Экономический кризис и радикальные социальные преобразования вносят изменения в ценностно-нормативную систему общества, что проявляется в утрате им традиционных моральных ценностей, низкой степени их воздействия на индивидов, неустойчивости, неопределенности и противоречивости нормативных предписаний (см. Харитонова, 1999).

Особенно остро изменения в иерархии моральных норм, отсутствие четко структурированной системы ценностей, неопределенность идеалов отражается на подростках, нуждающихся в силу своих возрастных особенностей в четко обозначенных моральных регуляторах поведения. Совпадение социального и возрастного кризисов обостряет потребность подростка в более глубоком понимании самого себя, требует проявления способности к саморазвитию, что является важнейшим условием адаптации к

быстро меняющейся реальности. В связи с этим особую актуальность и научную значимость приобретают исследования идеалов и ценностных ориентаций у современных подростков как регуляторов их поведения в условиях общественных преобразований.

Исторически понятие «идеал» (фран. «ideal», от греч. – «первообраз») обозначает образец, нечто возвышенное, совершенное, благое и прекрасное, высшую цель стремлений.

В словаре русского языка указывается, что слово «идеал» понимается как: 1) высшая цель, к которой стремятся люди и которая руководит их деятельностью; 2) совершенное воплощение, лучший образец чего-либо.

В Большом толковом психологическом словаре слово «идеальный» определяется как: 1) абстрактное представление основных характеристик чего-либо; 2) приближающийся к цели, являющийся сильно желаемым (при этом часто подчеркивается невозможность достижения идеала).

Как указывает Д.В. Пивоваров, понятие «идеал» было введено для гармонизации чувственно-явленной (материализованной, воплощенной) и сверхчувствительной (духовной) граней «идеи». При этом чувственно-телесный аспект идеала ценен не меньше, чем его идейное, сущностное, трансцендентальное значение. Вместе с тем, одни люди могут в большей степени поклоняться телесной стороне идеала, тем самым иллюзорно превращая его в кумир, идол, фетиш, а другие – воспринимать идеал как «окно в сущность», т.е. рассматривать его преимущественно с духовной точки зрения. Такое смещение акцента либо на плотскую, либо на духовную сторону идеала позволяет подразделять людей на «плотских» и «духовных», а также объяснять предрасположенность одних ученых к концепции идеала как нормы, принятой в результате соглашения между людьми, а других – к взгляду на идеал как на самодовлеющую и трансцендентальную духовную сущность.

Автор подчеркивает, что, если учитывать явленное и сокровенное в идеале, то в его структуру следует включать: а) признанный совершенством

эталонный предмет (знак); б) схему действия с эталоном; в) область экстраполяции знания, его проекцию на сверхчувственное целое.

Разные аспекты проблемы идеала выступают предметом рассмотрения в философии, психологии и других науках.

И. Кант определяет идеал как образно представленную «внутреннюю цель», регулирующую вечное стремление человечества преодолевать все противоречия между всеобщим и единичным, обществом и индивидом.

В рамках марксистского подхода идеал отождествляется с образом цели деятельности людей, объединенных решением общей задачи.

Как отмечает С.Л. Рубинштейн, человек – не изолированное, замкнутое существо, которое развивается из самого себя. Он испытывает потребность в предметах, необходимых для его существования, и проявляет интерес к тем явлениям окружающего мира, которые, не выступают как объективно необходимые и не воспринимаются им субъективно как потребность. Над потребностями и интересами возвышаются идеалы. В потребностях, интересах и идеалах заключаются связанные с состояниями напряжения, динамические силы, образующиеся в процессе деятельности и побуждающие к ней.

Динамические тенденции в развитии человека в их конкретной форме – «либидо» – впервые были рассмотрены Зигмундом Фрейдом.

В отечественной психологии вопрос о динамических тенденциях, которые в качестве мотивов влияют на человеческую деятельность, сами, в свою очередь, определяясь ее целями и задачами, исследуется, прежде всего, как проблема направленности личности. Направленность личности рассматривали А.Г. Ковалев, В.С. Мерлин, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн и др. В частности, К.К. Платонов, определяя ее как социально обусловленную подструктуру личности, отмечал, что наиболее интенсивно она формируется в возрасте от 16 – 17 до 28 – 32 лет.

Отметим, что под направленностью личности в отечественной психологии понимается совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих

деятельность личности и относительно независимых от наличных ситуаций. Направленность личности характеризуется ее интересами, склонностями, убеждениями, идеалами, в которых выражается мировоззрение человека. Мировоззрение – это система взглядов на объективный мир и место в нем человека, отношений человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этим основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. Выработка мировоззрения – показатель зрелости личности. Идеалы как решающие жизненные цели являются важнейшей составляющей мировоззрения человека.

С.Л. Рубинштейн указывает, что идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда этот образ, воплощающий наиболее ценные, и в этом смысле, привлекательные человеческие черты; это образ, который служит образцом.

При этом идеал человека далеко не всегда представляет собой его идеализированное отображение; он может находиться также в компенсаторно-антогонистическом отношении к его реальному облику; человека; в нем может быть воплощено то, что он особенно ценит и чего ему как раз недостает. С этой тоски зрения правомерно определять идеал человека как *предвосхищенное воплощение того, чем он может стать*. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором развития человека.

Идеалы формируются под непосредственным общественным влиянием. Они в значительной мере определяются идеологией. Каждая историческая эпоха имеет свои идеалы, свой идеальный образ человека, в котором время, среда и дух эпохи воплощают наиболее значимые черты. В связи с этим часто в качестве идеала выступает историческая личность, в которой эти черты проявляются особенно ярко. Наличие идеала вносит четкость и единство в направленность личности.

В детском возрасте идеалом для ребенка служат люди ближайшего окружения – отец, мать, старший брат, учитель. У подростков и юношей в качестве идеала, которому они хотели бы следовать, выступает историческая личность (очень часто кто-либо из их современников).

Определяющее воздействие на формирование идеалов оказывают общественные оценки. Воплощаясь в идеале и через его посредство, они определяют общую направленность личности.

Особую роль психологи отводят влиянию идеалов и кумиров в подростковом и юношеском возрасте. Исследователи показывают, что поклонение кумирам помогает старшеклассникам расти психически здоровыми. Так, английские ученые выяснили, что поклонение кумирам играет важную роль во взрослении в подростковом и юношеском возрасте. Помешанные на «звездах» дети обычно эмоционально хорошо настроены, у них много друзей. Их интерес к знаменитостям является нормальной и естественной тенденцией подросткового развития. Дж. Малтби и Д. Джилс обнаружили, что школьники в возрасте 11 – 16 лет, которые следят за жизнью знаменитостей, наиболее популярны среди сверстников.

Примерно у 30% старшеклассников обсуждение любимых кумиров со своими сверстниками занимает значительную часть времени общения. Оказалось, что у этих старшеклассников особенно сплоченный и тесный круг друзей, они эмоционально дистанцированы от своих родителей. Дж. Малтби отмечает, что по мере того, как дети растут, они начинают переносить свою привязанность с родителей на сверстников. Знаменитости начинают играть роль героев, которую раньше, когда дети были младше, исполняли родители. Главная функция привязанности к знаменитостям – это расширение социального общения; кумиры – это своеобразная группа «псевдодрузей», которые представляют собой объект для обсуждения со сверстниками, что, свою очередь, обуславливает их сплочение.

Ф. Джил-Уайт считает, что у людей есть биологическая предрасположенность к распознаванию успешных индивидуумов и

подобострастному отношению к ним. Издавна люди преклонялись перед яркими, неординарными, успешными индивидуумами, подсознательно желая от них узнать «рецепт» достижения успеха. Возможно, что современные дети, которые почитают кумиров, более популярны у окружающих, потому что они используют данный глубинный механизм, чтобы определять, что есть «круто», и кто – «супер», и наоборот, полагает ученый.

Вместе с тем установлено, что те подростки, которые фанатично преданы своему идолу (они, по данным исследования, составляют около 8%), часто одиноки и не привязаны к друзьям и семье. Такой тип поклонения, по мнению психологов, таит в себе проблемы и граничит с патологией.

Исследователи, рассматривающие психологические особенности возрастного развития человека, в частности его мотивационной сферы, отмечают роль идеалов в этом процессе.

Е.П. Ильин, исследуя мотивацию самосовершенствования, указывает, что ее устойчивость зависит от устойчивости идеала (образцов идеальных личностей, идеального «Я») и самооценки. В результате самооценки субъект выявляет у себя недостатки, которые, как отмечают Л.И. Рувинский и А.Е. Соловьева, могут иметь разную природу. С одной стороны, в качестве недостатка он может воспринимать отставание развития положительного качества от нормы, с другой – отставание уровня его развития по сравнению с имеющимся у него идеалом. В этом случае недостаток не заметен для окружающих, и поэтому решающая роль в побуждении к саморазвитию будет принадлежать собственной инициативе субъекта.

Понятие «идеальное» как нечто сильно желаемое часто встречается в теориях личности. Например, К. Роджерс указывает, что основная мотивирующая сила человеческого поведения – стремление к самореализации, самоосуществлению. Люди стремятся к тому, чтобы приблизить Я-реальное к Я-идеальному, которые рассматриваются как модальности Я-концепции (Р. Бернс; У. Джемс и др.). Я-реальное отражает

установки индивида в отношении самого себя, связанные с актуальными способностями, ролями и статусами; Я-идеальное – установки, которые связаны с представлениями человека о желаемом «Я».

Идеалы могут являться не только мотивом самосовершенствования человека, но и источником его тревоги или депрессии. Это происходит в том случае, когда они отражают то, что другие, по мнению человека, хотят от него, вступая при этом в противоречие с тем, чем он действительно является (Т. Хиггинс). Достижение некоторой критической степени рассогласования образов «реального Я» и «идеального Я» оценивается исследователями либо как основной фактор социально-психологической дезадаптации (К. Хорни), либо как первопричина личностных нарушений (К. Роджерс), либо как один из параметров слабой самоактуализации личности (А. Маслоу).

Помимо всего сказанного выше, необходимо отметить, что идеалы, наряду с социальными нормами, ценностями, рассматриваются в психологии как безличные знания о мире, усваиваемые субъектом, осознаваемые им как «значение для меня» и обозначаемые понятием «личностный смысл». Личностный смысл – это индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается его деятельность. Понятие «личностный смысл» используется в различных областях психологии, изучающих отношение человека к миру в зависимости от его места в обществе, мотивов, идеалов и т.п. Соответственно, понятие «ценность» характеризует личностный смысл для индивида определенных явлений действительности.

Подростковый и юношеский возраст – это период формирования собственных идеалов и ценностей взрослеющего человека.

Их становление и развитие обусловлено совокупностью факторов и осуществляется под влиянием различных институтов социализации. Это те большие и малые социальные общности, в которые реально включен растущий человек: общество, в целом, с его культурой, традициями, системой воспитания; семья; школа; группы сверстников и т.д.

Существенное место в этом процессе принадлежит средствам массовой информации.

Телевидение демонстрирует (через образ телеведущих, персонажи фильмов) модели поведения, отражающие определенные нравственные нормы и ценности. Они могут входить в конфликт с ценностями, усвоенными человеком ранее. Этот конфликт у подростков нередко разрешается в пользу телеобразцов, поскольку в силу возрастных особенностей они склонны подвергать сомнению ценности близких взрослых, а для адекватной нравственной оценки им не хватает собственных ориентиров и опыта. В результате у ребят могут формироваться искаженные нравственные представления и оценки и вследствие этого – воспроизводиться негативные образцы поведения как «достойные», соответствующие социальным нормам и ценностям.

Исследованию влияния СМИ на человека, в частности на детей и подростков, посвящена обширная литература. За рубежом эти исследования начались еще в 20-х годах XX века. В последние десятилетия количество таких работ значительно возросло. Как показывают социологические исследования, телевидение занимает одно из ведущих мест по популярности среди других СМИ. С помощью фильмов подростки осваивают человеческие отношения, чувства, ценности, способы поведения.

Экранные образцы поведения не обязательно копируются. Однако есть категории школьников, которые склонны воспроизводить их в реальности. Это, как правило, подростки, испытывающие в жизни трудности: социальный и психологический дискомфорт; частые неудачи; невозможность (объективную или субъективную) самореализации. Такие ребята копируют образцы «успешного» поведения, независимо от того, какими средствами достигается успех. Соответственно, в качестве отрицательного персонажа чаще всего для них выступает неудачник, тогда как положительным является ловкач, хитрый и умелый преступник.

Исследование влияния телеагрессии на поведение и развитие личности позволило выделить основные виды негативных психологических последствий интенсивного «потребления» подростками насилия на экране: снижение чувствительности к его экранному изображению и проявлениям в реальной жизни; представление, что насилие – вполне приемлемое средство разрешения конфликтных ситуаций в жизни. При прочих равных условиях это представление укореняется в сознании юных зрителей тем сильнее, чем драматизированнее экранная репрезентация насилия и сильнее искажение представлений о социальной реальности в картине мира, предлагаемой телевидением.

А. Злобина, изучая влияние содержания фильмов на социально-психологические качества подростков, установила, что просмотр морально-инвестированных видеосюжетов оказывает отрицательное влияние на ценность социально-положительных качеств личности («честность», «дружелюбие», «верность», «отзывчивость») и приводит к переносу контроля с внутреннего на внешний. Это влияние отчетливо прослеживается у 13 – 14-летних испытуемых и практически не обнаруживается у 19 – 20-летних.

Таким образом, анализ литературы по проблеме влияния СМИ на подростков и юношей показывает, что кино- и телефильмы являются весьма значимым фактором социализации подростков, задавая определенные модели социально-типического поведения и внося нередко искажения в представления о нравственных ценностях. Это влияние обусловлено повышенным интересом подростков к нормативной стороне поведения в обществе и особой уязвимостью возраста в силу отсутствия устойчивой индивидуальной системы ценностей.

Из всего выше сказанного можно заключить, что идеалы, определяясь совокупностью многоуровневых факторов, играют важную роль в становлении и формировании личности подростка. Этим определяется

актуальность их исследования и необходимость целенаправленной работы по их формированию и коррекции.

Литература

1. Харитоновна Е.В. Социально-исторические детерминанты агрессивного поведения: психолого-историческая реконструкция на материалах 20-х гг. XX в.: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.

К истории становления американской социальной психологии как самостоятельной научной дисциплины в первой четверти XX века

Е.А. Горшков (Арзамас)

Важным условием оформления социальной психологии как научной отрасли психологии являлось введение в нее экспериментального метода.

Социальная психология в США в этом отношении не была исключением. Более того, один из первых экспериментов в истории социальной психологии был проведен именно американским психологом из Университета Индианы Норманом Триплетом (Triplet) (1861 – 1931). Его целью являлось изучение «социальной фасилитации» (social facilitation). Триплет обратил внимание на то, что велогонщики достигают гораздо лучших результатов в ситуации непосредственного соревнования друг с другом, нежели тогда, когда проходят свою дистанцию в одиночестве, ориентируясь лишь на секундомер. С целью верификации этих выводов, Триплет провел специальное исследование. Задача испытуемых (детей от 8 до 17 лет) состояла в том, чтобы наматывать леску на катушку спиннинга. В одной серии испытуемые были разбиты на пары и каждого из них просили работать быстрее, чем его напарник-соперник. В другой серии испытуемые работали в одиночестве и их инструктировали наматывать леску как можно

более быстро. Триплет обнаружил, что большинство детей работали быстрее в условиях соревнования друг с другом, нежели в одиночестве.

Триплет по-разному пытался объяснить полученные данные, и, в итоге, он пришел к следующему выводу: «...физическое (личное) присутствие соперника в гонке способствует высвобождению скрытой (latent) энергии, не доступной в обычных условиях» (Triplet, 1897). Статья Триплета с изложением результатов экспериментального исследования была опубликована в 1897 году в «Американском психологическом журнале», а сам автор с тех пор приобрел репутацию первого экспериментатора в области социальной психологии. И хотя это не привело сразу к заметному увеличению количества лабораторных экспериментов, но в дальнейшем немалое количество психологов обращалось к изучению феномена «социальной фасилитации».

Весомый вклад в развитие экспериментального подхода в социальной психологии внесли также англо-американский психолог Вильям Мак-Дугалл (McDougall) (1871 – 1938) и американский психолог Генри Флойд Олпорт (Allport) (1890 – 1978).

Переехавший в США английский психолог В. Мак-Дугалл в работе «Введение в социальную психологию» (1908) использовал понятие «инстинкт» для объяснения социального поведения человека. Под инстинктами имелись в виду внутренние, прирожденные способности к целенаправленным действиям. Согласно Мак-Дугаллу, организм наделен витальной энергией, и не только общие ее запасы, но и пути ее «разрядки» predeterminedены ограниченным репертуаром инстинктов, выступающих в качестве единственного двигателя поступков человека как социального существа. Ни одно представление и ни одна мысль не могут появиться без мотивирующего влияния инстинкта. Все, что происходит в области сознания, находится в прямой зависимости от этих бессознательных начал. Внутренним выражением инстинктов являются эмоции (так, ярость и страх

соответствуют инстинкту борьбы, чувство самосохранения – инстинкту бегства и т.д.).

Концепция Мак-Дугалла (теория инстинктов социального поведения) приобрела огромную популярность на Западе, особенно в Соединенных Штатах. Ею руководствовались социологи, политики, экономисты. По книге «Введение в социальную психологию» обучались сотни тысяч учащихся колледжей. Несмотря на огромную популярность идей Мак-Дугалла, их научный смысл состоял в утверждении биологизаторских тенденций в понимании социального поведения. Последующее развитие социальной психологии способствовало преодолению теории инстинктов, что стало важной вехой на пути становления научного социально-психологического знания.

Тем не менее, в истории науки Мак-Дугалл остается как один из начинателей социально- психологических исследований. Он одним из первых ввел само понятие «социальная психология» (1908); попытался дать научную интерпретацию процессов в социальных группах, трактуя социальную потребность как стадный инстинкт, а групповое общение – как организацию системы взаимодействующих энергий всех членов групп («душа группы»); развил представление о сверхиндивидуальной национальной душе («The group mind»).

Значительным событием для социальной психологии стало появление фундаментального труда двух социологов – американца В. Томаса (Thomas) и поляка Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Их произведение состояло из пяти томов, вышедших в свет в США с 1918 по 1920 годы. В нем обобщены исследования, продолжавшиеся в течение более 10 лет и посвященные приспособлению к новым условиям жизни польских крестьян, эмигрировавших в Америку. Впервые в качестве эмпирической основы исследования широко использовались личные документы (письма, биографический и автобиографический материалы). Было обнаружено сильное влияние социальной группы на поведение и установки ее членов. Не

случайно Томас и Знанецкий определили социальную психологию как «научное исследование установок». С тех пор изучение установок прочно вошло в основную проблематику западной социальной психологии.

Первым, кто обратился к измерению установок в 1925 году, был американский социолог, профессор Южнокалифорнийского университета Эмори Богардус (Bogardus), приобретший научную известность во многом благодаря своей шкале «социальной дистанции». Под социальной дистанцией он имел в виду степень приемлемости для личности представителя другой социальной группы. Богардус использовал свою шкалу с целью измерения и сравнения установок американских граждан по отношению к различным этническим группам.

Э. Богардус приступил к работе над методикой в 1924 году. В течение двух лет он эмпирически отработывал методический план построения шкалы измерения социальной дистанции, предложенный профессором Чикагского университета Робертом Парком. В этот период научный интерес многих американских социологов и социальных психологов был привлечен к процессам социальной интеграции и социальной мобильности населения. Величина социальной дистанции между людьми из различных социальных или этнических (расовых) групп, включающихся в новую единую социальную систему, позволяет, по мнению Р. Парка, судить не только о степени интеграции и солидарности образующегося сообщества, но и об общем уровне развития демократической культуры. Теоретически, отмечает Парк, характерной чертой истинной (идеальной модели) демократии является полное отсутствие социальной дистанции между членами единого сообщества (см. Панина, 2004). Для эмпирического изучения особенностей формирования новых сообществ (community) из представителей различных культур, факторов, благоприятствующих или препятствующих налаживанию связей и контактов между людьми (в первую очередь представителями различных субкультур) и определения уровня политической культуры,

преобладающей в обществе, необходимо было создавать соответствующие методики измерения социальной дистанции.

В итоге многолетней работы был создан целый ряд модификаций шкалы социальной дистанции: «шкала расовой дистанции»; «шкала образовательной дистанции»; «шкала экономической дистанции»; «шкала политической дистанции»; «шкала профессиональной дистанции»; «шкала религиозной дистанции» и т.п.

Суть методики заключается в том, что респондента просят отметить те типы социальных контактов, в которые он охотно вступил бы с представителями той или иной социальной группы. Э. Богардус предложил ряд индексов, которые можно вычислять на основании ответов респондентов: «Индекс качества социальных контактов»; «Индекс дистанции социальных контактов»; «Индекс ранга социальных контактов» и др. (Bogardus, 1925). Среди этих индексов наибольшее распространение в дальнейших исследованиях получил Индекс расовой дистанции, вычисляющийся на основе ответа, отражающего самое близкое социальное расстояние, на которое человек согласился допустить представителя той или иной национальности.

Исследование Богардуса повлекло за собой целый ряд работ, в которых разрабатывались различные шкалы измерения установок.

В 20-е годы XX века американский психолог Генри Флойд Олпорт обобщил опыт социально-психологического экспериментирования и разработал общую методологию группового эксперимента (Кузьмин, 1967).

Ранние исследования Олпорта были посвящены исследованию влияния группы на личность, в частности, изучению феномена социальной фасилитации. Он попытался уточнить такие абстрактные понятия, как «групповой разум» и др., применяя для их трактовки атрибуты личности. Его исследования в этой области помогли избежать многих ошибок. Большая часть идей этого периода была опубликована Олпортом в книге «Социальная психология» (1924). Олпорт использовал также фрейдовскую модель

конфликта, выражая ее в терминах бихевиоризма, а также некоторые психоаналитические механизмы для решения социальных проблем. Эта работа была первой концептуальной интеграцией двух различных подходов. В «Социальной психологии» Олпорт описывает и собственные, ставшие классическими, исследования по групповому влиянию, что привело к превращению групповых экспериментов в норму социальной психологии. Он впервые исследовал такие феномены, как «социальное развитие и спад, доминирующие рефлексы и привычки, круговое и линейное социальное поведение, содействующие и взаимодействующие группы и отношения подчинения» и др.

Таким образом, в начале XX века в истории американской социальной психологии были подучены значительные достижения. В США появились первые научные труды, посвященные проблемам социальной психологии, выделен круг наиболее важных проблем, требующих конкретного эмпирического исследования. Благодаря экспериментальному подходу социальная психология окончательно утвердилась как самостоятельная научная дисциплина.

Литература

1. *Bogardus E.S.* Measuring social distance // *Journal of Applied Sociology*. 1925. Vol. 9. P. 299–308.
2. *Кузьмин Е.С.* Основы социальной психологии. Л., 1967.
3. *Панина Н.В.* Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании // *Социологический журнал*. 2004. № 3 – 4.
4. *Triplett N.* The dynamogenic factors in pacemaking and competition // *American Journal of Psychology*. 1897. № 9. P. 507 – 533. (Электронный ресурс: / Norman Triplett // <http://psychclassics.yorku.ca/Triplett/>).

Духовно-нравственные аспекты развития образной сферы человека

А.А. Гостев (Москва)

Православно-христианская традиция является важным источником психологических знаний (Гостев, Елисеев, Соснин, 2002; Гостев, Елисеев, Фомин, 2006; Кольцова, 2008). Святоотеческие идеи углубляют научные представления о функциях психического образа, механизмах построения человеком картины мира, позволяют на новом уровне увидеть проблему развития образной сферы личности (Гостев, 2007; 2008). Заданный святоотеческой традицией метаконтекст исследования образной проблематики, в частности, помог В.В. Зеньковскому сформировать свои идеи об отражении в образах духовных смыслов бытия, религиозных, этических, эстетических и иных идеальных ценностей (Зеньковский, 1996а; 1996б).

Известно, что образная форма отражения появляется онто- и филогенетически раньше, чем вербально-понятийный уровень знания. Поэтому вторичные образы (различные виды образов памяти, представлений, воображения/фантазии и пр.) обладают особым познавательным и регулятивным потенциалом. Образная сфера человека развивалась в процессе общественно-исторической практики, определяющей необходимость действовать на основе форм идеального существования предметной действительности в психическом мире человека. Результатом стало возникновение множества классов/типов/разновидностей вторичных образов. В этой связи возникает теоретическая задача выявления специфики различных классов вторичных образов на стадиях культурогенеза. Например, какие сны видели люди различных культур и эпох, и в чем специфика их функционирования? Как они фантазировали и мечтали? Каковы особенности образов особых состояний сознания на уровне первобытного, магического сознания и более поздних форм религиозного

опыта? Как развитие воображения и фантазии связано с достижениями техногенной цивилизации?

Функционирование образной сферы человека реализуется через конкретные образы различных классов, сочетание которых осуществляет процессы психического отражения и регулирования в текущий момент. Исходным является положение о многообразии вторичных образов, определяемого *полифункциональностью* психического образа в фило- и культурогенезе. Различные вторичные образы как элементы образной сферы человека образуют *динамическую систему*, в рамках которой они функционируют в комбинации друг с другом в каждый данный момент времени в соответствии с текущей задачей жизнедеятельности. Следует учитывать, что в зависимости от функций образа одно и то же его содержание может по-разному пониматься человеком. Поэтому важен *целостный охват* взаимодействия специфических функций каждого класса вторичных образов. Традиционная психология, например, не исследует функциональности образов особых (измененных) состояний сознания, относя этот вопрос к компетенции психопатологии и психиатрии. Духовные традиции многих культур, однако, свидетельствуют о значении этих образов для «нормального человека», подчеркивая при этом его неоднозначность.

Следует учитывать взаимообусловленность макрофункций психического образа – *отражения* (продуктивного и репродуктивного) и *регулирования* (произвольного и произвольного) – в режимах *активности* и *реактивности*. Образная сфера человека выступает, например, в формах активности при формировании образов и оперировании ими и реактивности – при осуществлении процессов самонаблюдения, грезоподобных фантазий и «полет фантазии» и т.д.

Для понимания полифункциональности образной сферы человека необходимо опираться на системные представления. В частности, можно использовать систематику образных явлений, осуществлять описание функционального и структурного аспектов индивидуального сознания

(Ганзен, Гостев, 1989; 1993; Гостев, 2002). Проведенные исследования позволяют говорить о взаимосвязанности и взаимообусловленности психического *отражения* и *регулирования*, реализующих основную функцию психики – *интеграцию/дифференциацию* человека с внешней и внутренней средой через многообразные функции психического образа.

Преимущественные функциональные характеристики классов вторичных образов по параметрам *отражения* (продуктивное – репродуктивное) и *регулирования* (произвольное – произвольное) выделяются через функции макросостояний сознания. Например, основная функция «сновидного сознания» – *репродуктивное отражение*. «Сознание в состоянии бодрствования» – главный *произвольный регулятор* поведения и деятельности. Макрофункцию образов особых состояний можно охарактеризовать как *продуктивное отражение*.

Полифункциональность образной сферы человека в аспектах ее развития раскрывается также посредством применения общепсихологических понятий перцепции, мышления, аффекта, воли к любому элементу субстанционально-атрибутивного описания сознания (Ганзен, Гостев, 1989; 1993; Гостев, 2002). Так, высшие духовные проявления сознания («сверхсознание», как атрибут, и «надментальное», как субстрат) в опыте религиозно-мистических традиций определяются как «вселенское видение», «божественный ум», «действие в человеке Божественной воли» и т.п.

Исследование полифункциональности образной сферы человека включает *активно/реактивный* аспект анализа. Совмещенный с идеей произвольности/непроизвольности порождения образов он позволяет говорить о вариантах, полученных при пересечении осей «активности/реактивности» и «произвольности/непроизвольности». Традиционной психологии больше известно реактивное *отражающее* (реагирующее) сознание. *Активность* же сознания и связанная с ней

созидающая сила образной сферы проявляется в воздействии на реальность, что особенно ясно выступает на уровне религиозного сознания.

В осмыслении развития образной сферы человека особое значение имеет ее *трансляционная функция*, ответственная за глубинный контакт внутреннего мира с мирозданием, представленным в человеке идеально и «транслирующимся» в символических образах (например, при мистических «озарениях»).

Напомним, что потребность как-то представить «высшее», «божественное» всегда присутствовала в людях. В античные времена, например, «phantasia» понималась как «орган души», через который божественный мир «разговаривал» с человеческой душой. По сути, речь идет об отражении духовно-нравственных смыслов, метафизических сил, «горних прообразов». Святоотеческая мысль углубляет понимание того, что *через символ человек связан с реальностью, которая им выражается*. Важнейшей проблемой, соответственно, выступает прообраз религиозно-мистического опыта, что, в свою очередь, предполагает освоение понятия «*невидимого духовного мира*», осмысления развития способности людей воспринимать этот мир, познание особенностей и закономерностей метафизических влияний на человека.

Вместе с тем религиозно-мистический уровень усиливает известную в психологии *двойственность* образа, который может, с одной стороны, использоваться конструктивно, с другой, – стать разрушительной силой. В связи с этим правомерно либо вслед за Б.П. Вышеславцевым (Вышеславцев, 1994), говорить, например, о восстановлении «Образа Божьего» в человеке, либо учитывать святоотеческое знание о феномене прельщения через *видения, сны, фантазии*.

Что касается позитивного аспекта образной сферы, то он связан с восприятием Иконы, ее почитанием, освоением образно-символического языка Священного Писания и святоотеческих текстов. В феноменологии образов религиозно-мистического содержания в православной традиции

представлены образы «посланцев горнего мира» для призвания к служению Богу, охранения, предупреждения, совета, разъяснения, духовного укрепления людей (подробное описание этой феноменологии см.: Гостев, 2008). В святоотеческом учении описаны многочисленные образные явления чудесных исцелений, распоряжений об иконах, сокрытых мощах, местонахождении святых источников. Интригующий феномен – оставление материальных свидетельств «образов небесных посещений», а также путешествий человека в «невидимый мир»⁵.

Таким образом, православно-христианское наследие углубляет понимание способности человека восходить к «горным прообразам». Вспомним святоотеческую идею «лестницы образов» от земли до Престола Святой Троицы как проводника духовных смыслов. *Воображение здесь выступает* в смысле *особого мистического восприятия духовного мира, божественных сфер*. Святые отцы помогают понять, что символический образ при определенных условиях становится *духовной перцепцией сокрытого для «повседневного» сознания*. Отсюда следует, что развитие воображения может рассматриваться в аспекте *взрачивания метафизической силы, рождающей образы, материализующиеся в окружающей действительности и изменяющие внутренний мир личности*.

Одновременно в святоотеческом знании выделяется отрицательный аспект образной сферы человека, подчеркивается необходимость осторожного отношения к образам, особенно к их роли в понимании духовных смыслов. Связанные с областью страстей, образы могут стать проводниками деструктивных влияний. Существует разработанная в деталях православно-христианская концепция духовно-нравственного прельщения (понятие «прелесть» трактуется как искажение в познании и понимании духовных смыслов бытия). Под прелестью имеются в виду разнообразные отрицательные духовные и душевные состояния (прежде всего, в

⁵ При этом следует иметь в виду, что святоотеческая традиция корректирует псевдонаучные изыскания о «загробном состоянии» души, создающие иллюзорную картину посмертной реальности на опыте клинической смерти, оккультных теориях, спиритических сеансов.

религиозной жизни), сопровождаемые, в частности, различными «священными видениями». В этом случае человеком овладевают страсти, в первую очередь, горделивое мнение о собственных духовных успехах и «небесном избранничестве», у него появляется жажда особых «божественных переживаний» и мистических откровений. Это, в свою очередь, становится источником духовной, душевной и телесной патологии, особенно под действием отрицательного метафизического фактора (сочетание галлюцинаторно-бредового опыта с бесоудержимостью – ее крайнее выражение). Именно поэтому важно учитывать возможность искажения человеком духовных смыслов через образный опыт.

В работах святых отцов раскрываются тончайшие закономерности прельщения. Так, для изучения развития образности представляется важным положение, что прельщение возникает на фоне отрицательных метафизических воздействий и является результатом взаимодействия *внутренних* (фантазии о «небесном», ожидания «божественных видений», действие страстей) и *внешних* (социально-психологическое окружение, энерго-информационная среда) факторов.

Прелестью является и так называемая «христианская медитация», контакты с космосом и НЛЮ, выходы в «астрал». Знание о прелести является полезным при оценке духовно-психологического статуса трансперсональных переживаний. Все эти аспекты образной сферы требуют специального изучения.

В этом контексте актуальным является *различение видов прелести*: а) «игры воображения»; б) образы, репрезентирующие неосознаваемое психическое; в) «перцепции сверхчувственного мира». Святоотеческие тексты описывают тончайшую духовную работу, благодаря которой возможно отличать божественные видения от фантазий, а также от образов отрицательного метафизического генеза и содержания, тонко имитирующих «благодатные чувства». Святые отцы предупреждают, что в прелестном состоянии люди *теряют способность сознавать свои заблуждения*. Образ

кажется «истинным», «святым», и человек принимает собственные «продвинутые фантазии» за ниспосланные «свыше» видения. Главным же условием понимания образного опыта выступает нравственно-духовная чистота.

Чрезвычайно актуальная тема – *мистические псевдооткровения и истинные пророческие созерцания*. Вопрос значим в связи с обилием псевдо-духовных сект и претензий их лидеров на получение «божественных посланий». Святоотеческий запрет на обращение к представителям оккультно-магической практики связан с тем, что ее последователи находятся под действием отрицательных метафизических сил, однако, думают о себе как духовно развитых личностях. Православная аскетика подчеркивает необходимость отмежевываться от *мистицизма* с его визионерством, когда человек входит в общение с «невидимым миром». Созерцания «небесных тайн», по сути, лишь рисуются фантазией под тонким отрицательным метафизическим влиянием.

Итак, современной психологии предстоит осмыслить идею, согласно которой, с одной стороны, у человека есть потенциальная способность к общению с духовным миром на метафизическом уровне, с другой – существует опасность выхода во «внесенсорные созерцания». Иными словами, вторичные образы различных классов можно понимать как «окна» в неявные, невидимые аспекты реальности – внешней, объективной, идеально представленной в человеке, и внутренней, субъективной. Однако смотреть в эти «окна» в целях познания мира, самопознания и саморазвития следует очень осторожно, принимая во внимание факт искажения видения и опасность самого «смотрения». В этом плане встает вопрос о разумном ограничении «полета фантазий».

Обозначим и другие важные аспекты проблемы развития образной сферы человека.

Известно, что формирование образов определяется отображаемым объектом, условиями порождения образа (спецификой деятельности),

индивидуальными особенностями человека, его прошлым опытом. Но каковы тенденции изменения этих закономерностей в связи с современной «обволакивающей» человека имаго-символосферой на базе новых информационных технологий? Какие коррективы вносит виртуализация внутреннего мира человека? Как проявляется «невидимый духовный мир» в имаго-символосфере, и как через нее влияет на людей? Каковы психологические эффекты от образов виртуальных реальностей, максимальным выражением которых выступает «виртуальное мировоззрение» – иллюзорная картина мира, являющаяся заменителем объективной реальности и символом ухода человека от своей сущности?

Закономерности, положительные моменты и опасности взаимодействия с новой реальностью информационного мира и ее содержанием науке мало известны. Вместе с тем, очевидно, что надвигающееся «глобальное виртуальное Зазеркалье» становится источником ложных искусственных смыслов, подменяющих реальную жизнь. Новые информационные технологии способны формировать образы любого содержания, а в пределе – иллюзорный мир, уводящий человека от понимания происходящего в реальной действительности. Соответственно, все психологические проблемы человека и человечества, в целом, невозможно решать в истинном смысле, не учитывая этого скольжения в «глобальное прельщение», главной формой которого является *подмена духовно-нравственного отражения реальности и восприятие действий отрицательного метафизического фактора.*

Особое значение имеет изучение глубинных психологических эффектов виртуального мировоззрения. Воздействие информационных технологий на образную сферу человека, создающее «нужные» картинки и их переживания, ведет к кодированию психики через суггестивность воздействия имаго-символосферой, и, в итоге, – к психозомбиранию. Метафизический аспект подобной «роботизации» людей облегчает их уход от реального мира в мир искусственный.

Напомним и о значимости исследования образной сферы в качестве канала «информационно-психологического оружия» в психоманипулировании человеком, когда незаметно происходит утрата истинной свободы духовно-нравственного самоопределения. По сути, во всех сферах жизнедеятельности людей, через все каналы имаго-символосферы идет «война образов», связанная с метафизическими силами, стоящими за их семантикой. Следствием этого могут стать, как нравственное совершенствование личности, так и деструктивные тенденции в ее развитии.

Важный аспект – *произвольное развитие образной сферы*. В психологии образный опыт рассматривается в качестве инструмента личностного развития, помогающего находить сокровище во внутреннем мире человека. В школах личностного роста все большее внимание уделяется развитию образности, изысканию дополнительных возможностей использования силы образной сферы для саморегуляции, самопознания и изменения жизни субъекта. Важным фактором порождения, осознания и понимания образного опыта считаются особенности взаимодействия сознания и неосознаваемых сфер души. Поэтому на соответствующих тренингах улучшается запоминаемость снов, увеличивается яркость воображения, контролируемость образов измененных состояний сознания и т.д.

Но развитие воображения – это возвращение метафизической силы, рождающей образы, материализующиеся в окружающей действительности и изменяющие самого человека. Знак влияния этой силы, игнорируемый, как правило, специалистами по так называемой «креативной визуализации», – предмет для осмысления. Действительно, все ли безопасно для человека? Не проявится ли максимально указанная двойственность и скрытая деструктивность образного опыта в рассмотренном плане? Важным является, например, осмысление двойственности психологических защит: их положительно-охранительная роль (защита от информации для личности в

данный момент не полезной) и роль негативно-маскирующая (сокрытие от осознания полезного).

Одним из направлений исследования роли образной сферы человека в личностном развитии выступает изучение теоретических и прикладных вопросов практической работы с образным опытом (Гостев, 1998). Имагопрактика, однако, недостаточно осмыслена с нравственных позиций. Особое внимание следует обратить на то, что имагопрактика способна привести в действие разрушительные силы, связанные, в том числе, с отрицательным метафизическим фактором. В работе с образной сферой человека следует поэтому учитывать психофизиологические состояния, порождающие образы измененных состояний сознания. Психологией недостаточно осмыслены духовно-психологические последствия актуализации в них неосознаваемых сфер. Необходимо понимание того, что в этих состояниях человек включен во взаимодействие с реальностью, еще не осмысленной наукой, однако, известной из тысячелетнего опыта многих духовных традиций. В этой связи необходимо обратить особое внимание на систему психологических приемов, способствующих преодолению деструктивности образов. Не ставя вопрос об отмене популярного направления психологической коррекции, вместе с тем необходимо направить усилия на поиск компромисса между положительными моментами работы с образной сферой и ее опасностями, и основным источником решения этой задачи выступает *усиление нравственного аспекта* использования образного опыта.

Важная точка приложения святоотеческой мысли в области изучения имагопрактики – *психология сновидений*. Павел Флоренский рассматривал сон как ступень в «мир запредельный»; свт. Николай (Велимирович) оценивал сны как сигналы. Православно-христианская традиция описывает феноменологию «небесных посланий» во сне (разъяснение, информирование, предупреждение, советы и пр.), одновременно выдвигая определенные ограничения и подчеркивая возможности прельщения на основе снов.

Святые отцы заботились о минимизации вреда от сновидений. Интересная задача также – соотнесение святоотеческого взгляда на сновидения с научными данными.

Таким образом, святоотеческое знание помогает в определении *рамоч* использования образной сферы человека в духовном познании и личностном развитии. Это, в свою очередь, выдвигает важную научную задачу – определения, при каких условиях вторичный образ *перестает быть полезным для развития личности или становится своеобразной ловушкой?*

Метафизические аспекты развития можно увидеть и на уровне психологии социальных представлений, что непосредственно связано с проблемой формирования адекватной картины мира человека. Здесь явно проявляется влияние имаго-символосферы, порожденной СМИ, рекламой, компьютеризацией, «интернетизацией» и т.д. Безнравственные образы в имаго-символосфере – это атака сил зла на «духовно дремлющее» человечество. Такие образы влияют на социальное восприятие людей и «материализуются» в различных сферах общественной жизни. «Война образов», однако, недостаточно осознается, как в психологической науке, так и на уровне обыденного сознания.

Чрезвычайно актуальной, однако, также игнорируемой наукой проблемой, выступает изучение представлений людей о *духовной* сущности «глобальной перестройки» мира и о перспективах человечества. При изучении образа «нового мира» следует уделить внимание представлению о структуре и функционировании *субъективного фактора* в создании «нового мироустройства», в частности, отражению преднамеренности и спонтанности социально-политической и экономической инициативы людей на различных уровнях. Фактором влияния на «новое мироустройство» выступает сложная непубличная структура мировой элиты, стремящейся воплотить свой проект видения будущего мира как элитарной глобальной иерархии. Мироззренческая основа элитарного мироустройства через технологии психоманипулирования маскирует социал-дарвинистский характер такого

глобализм-проекта. В изучении системы образов о нем и о его неизбежной антитезе – альтернативных формах объединения человечества в многополярном мире, – следует уделять внимание политико-идеологическим идеям/представлениям, связанным с отказом от справедливого общечеловеческого будущего для наций/народов. Представления людей недостаточно отражают нарушение баланса интеграции и сохранения уникальности культурного разнообразия человечества. Иллюзорность образов происходящего и грядущего усиливается страхом социальных рисков на фоне наслаждения техническими возможностями и новыми формами «свободы»; образы не содержат осознания того, что они могут смениться «психоманипулятивным тоталитаризмом». Прельщение на уровне группового сознания различного уровня делает строительство «Нового Вавилона» достаточно замаскированным. В этой связи приходится отметить актуальность изучения духовно-нравственных и психологических аспектов сознания «землян» на стыке тысячелетий.

Итак, рассмотренные духовно-нравственные и метафизические аспекты развития и полифункциональности образной сферы человека задают спектр актуальных перспективных задач в плане становления психологического знания, использующего православно-христианскую традицию.

Литература

1. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. М., 1994.
2. *Ганзен В.А., Гостев А.А.* Систематика мысленных образов // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 2. С. 12–21.
3. *Ганзен В.А., Гостев А.А.* Системное описание индивидуального сознания // Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М., 199. С. 110–120.
4. *Гостев А.А.* Дорога из Зазеркалья: психология развития образной сферы. М., 1998.
5. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М., 2007.

6. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа (субъект, феноменология, функции): Дис. ... д-а психол. наук. СПб., 2002.
7. *Гостев А.А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.
8. *Гостев А.А.* Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М., 1993.
9. *Гостев А.А., Елисеев В.А., Соснин В.А.* Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. М., 2002.
10. *Гостев А.А., Елисеев В.А., Фомин А.Г.* К проблеме концептуально-терминологического перевода святоотеческих описаний психологических реалий // Материалы конференции по истории психологии «IV Московские встречи». М., 2006.
11. *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии. М., 1996а.
12. *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1996б.
13. *Кольцова В.А.* История психологии: проблемы методологии. М., 2008.

**Отечественная психологическая наука XX столетия
об исторической природе психических процессов**

А.В. Морозов (Арзамас)

Одним из ведущих принципов отечественной психологии является *принцип историзма*, в соответствии с которым психика человека рассматривается как общественно обусловленная и развивающаяся в ходе исторической эволюции общества. Тем самым одной из наиболее актуальных проблем психологической науки выступает изучение *своеобразия строения психики людей на разных этапах истории* (Морозов, 2007).

Успешность обоснования и научного применения положения об историчности психики существенным образом зависит от того, как исследователь понимает природу психики и общества, что в структуре

психики он считает социально обусловленным, и как истолковывает характер социальных связей, воздействия социума на индивида.

Анализ развития отечественной психологической науки свидетельствует о разнообразии подходов к проблеме социально-исторической обусловленности психики и позволяет выявить просчеты методологического порядка, препятствующие ее успешной разработке.

Еще в конце 20-х годов прошлого века Л.С. Выготский высказал предположение о том, что если элементарные психические явления (ощущения, простые формы внимания и памяти) являются естественными, биологическими по своей природе, то высшие психические процессы (произвольное запоминание, активное внимание, отвлеченное мышление, волевое действие) нельзя рассматривать как непосредственные функции мозга (Выготский, 1956). Им была выдвинута необычная для того времени идея, что для понимания сущности высших психических процессов человека необходимо выйти за пределы организма, ибо их корни – в общественных условиях жизни, в общении ребенка с взрослым, в объективной реальности предметов, орудий и языка, сформировавшихся в общественной истории, – т.е. в усвоении общечеловеческого, исторически накопленного опыта. Выготский был убежден в том, что усвоение общественного опыта не только изменяет содержание психической жизни (круг представлений и знаний), но и создает новые формы психических процессов, которые приобретают вид высших психологических функций, отличающих человека от животного и составляющих наиболее существенную сторону структуры его сознательной деятельности (Выготский, 1960).

Используя исторически сложившуюся систему языка, мать указывает ребенку на предмет и обозначает его соответствующим словом; этим она качественно изменяет характер восприятия ребенком среды, выделяет названный предмет и привлекает к нему внимание. Подчиняясь вначале указанию матери, в дальнейшем ребенок сам, используя речь, называет

интересующий его предмет, выделяет его из среды и, сосредоточивая на нем свое внимание, активно тянется к нему. Из этого следует, что:

1. Процесс общения между двумя людьми превращается в новую форму организации психических процессов ребенка.

2. Функция привлечения внимания, которая первоначально была разделена между двумя людьми и носила рефлекторный характер, превращается во внутреннюю организацию психической деятельности.

3. Вводится новая категория «высшие психические процессы», социальные по своему происхождению, опосредствованные по своему строению, саморегулирующиеся и произвольно управляемые по особенностям своего функционирования.

Источник высших психических процессов находится, таким образом, вне организма. Конкретные формы общественно-исторической деятельности, которые не рассматривались классической психологией как имеющие основное значение для формирования психических процессов, становятся решающими для их научного понимания. «Камень, который презрели строители, ложится во главу угла», психология перестает трактоваться в свете концепции естественнонаучного позитивизма, становится общественно-исторической наукой (Лурия, 1971).

Величайшая заслуга Л.С. Выготского состоит в том, что, сохранив представления об обусловленности психики естественными законами работы мозга, он показал, какие новые свойства она приобретает, включаясь в систему общественно-исторических отношений; проследил основные черты общественно-исторического формирования высших психических процессов человека, которые до него либо вообще игнорировались естественнонаучной психологией, либо только описывались (но не объяснялись) идеалистической психологией, называвшей себя «наукой о духе». В психологию были введены новые понятия, которые не были ранее предметом научно-психологического исследования. Такие феномены, как «узелки на веревке» или «зарубки», служащие средством запоминания;

указательные знаки, являющиеся средством организации внимания; коды языка, на основе которых происходит отвлечение и обобщение; сложившиеся в истории средства письменности или счисления, – стали рассматриваться не только как предмет этнологии или языкознания, но и как существенные данные, обогатившие психологическую науку.

Работы Л.С. Выготского (Выготский, 1956; 1960), в которых использовался опыт передовых зарубежных психологических течений, переломленный сквозь призму материалистического понимания истории, стали одним из основных источников формирования исторического подхода в психологии. Начало этого подхода в отечественной психологической науке было положено формулировкой положения об историческом происхождении высших психических функций; дальнейшее его развитие связано с исследованием развития психических процессов в онтогенезе.

Отечественная психология, исходившая из идеи социально-исторического формирования высших психических функций, решительно отбросила представление о неизменности строения психических процессов ребенка на последовательных этапах его развития. Согласно этому представлению, развитие лишь расширяет круг знаний, которыми располагает ребенок, в то время как структура его восприятия или внимания, памяти или ассоциативных процессов остается неизменной. Вместе с тем отечественная психологическая наука отвергла и позитивистские идеи о психическом развитии ребенка как естественном созревании заложенных от природы форм психических процессов, к чему склонялись многие психологи начала XX века.

Рядом отечественных ученых было выдвинуто предположение о том, что психическое развитие ребенка является сложным процессом смены отдельных форм деятельности, сопровождающейся радикальными преобразованиями, как структуры самих психических процессов, так и соотношения формирующихся видов психической деятельности и наследственно сложившихся задатков, т.е. изменения той роли, которую

генотипическая основа психических процессов играет в их дальнейшем формировании. Данное положение первоначально было разработано Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым (Выготский, 1956; 1960; Леонтьев, 1965), а в дальнейшем существенно обогащено исследованиями П.Я. Гальперина, Л.В. Занкова, А.В. Запорожца, А.Р. Лурии, Д.Б. Эльконина и других отечественных психологов (Гальперин, 1959; Занков, 1944; Запорожец, 1960; Лурия, 1962; Эльконин, 1968). Было показано, что психические процессы в детском возрасте не остаются неизменными, а развиваются, изменяют свою структуру и природу; этот процесс имеет социально-исторический характер.

Следует отметить, что указанный подход к исторической природе психических процессов не был единственным и бесспорным в отечественной психологической науке XX столетия; некоторые ученые придерживались иной точки зрения.

Когда исследователь пытается восстановить своеобразие психики человека давно минувших эпох, он, как правило, не имеет возможности непосредственно изучать деятельность конкретного человека и регулирующие ее психические процессы. Целым рядом психологов этот факт рассматривается как доказательство невозможности научного исследования проблемы исторического развития психики на материале минувших стадий развития общества. Достаточно четко эта позиция была сформулирована С.Л. Рубинштейном. Он, в частности, подчеркивал, что любые психические свойства психология всегда изучает «на конкретном индивиде в неразрывной связи со всей рефлекторной деятельностью его мозга, с ходом его индивидуального развития» (Рубинштейн, 1957, с. 242). Именно на этом положении и основывался его вывод, непосредственно касающийся проблемы исторического развития психики. «Говоря об историческом развитии психики применительно к задачам психологического исследования, – писал Рубинштейн, – нужно иметь в виду, что исторически изменяющиеся психические свойства людей реально формируются в процессе индивидуального онтогенетического развития, и лишь в качестве таковых

они могут стать предметом психологического исследования. Собственно психологическое исследование, как правило, имеет, таким образом, дело с формированием психики в одних определенных исторических условиях, которые в психологическом исследовании принимаются как данное» (там же, с. 241).

Дальнейшее логическое развитие данной позиции еще более ограничивало задачу психологии. Казалось бы, если психологу удастся исследовать деятельность и психические свойства людей, находящихся на разных стадиях общественного развития, он может выявить некоторые закономерности развития психики, обусловленные историческим развитием общества. Однако С.Л. Рубинштейн высказывал иное мнение, с которым трудно согласиться. «...Психология, – отмечал он, – имеет дело с закономерностями онтогенетического процесса развития индивидов, совершающегося в каких-либо общественно-исторических условиях. Сопоставление результатов этого развития в разных общественно-исторических условиях есть уже дело исторического исследования» (там же).

Несомненно, перед психологом возникают серьезные трудности при решении проблемы исторического развития психики, ибо он не имеет возможности непосредственно взаимодействовать с представителями давно исчезнувших цивилизаций. Конечно, можно воспользоваться материалами, собранными этнографами, социологами, миссионерами. Но и здесь при выявлении своеобразия психической деятельности человека возникают определенные ограничения, обусловленные крайней отрывочностью и разнородностью дошедших до нас из прошлого исторических свидетельств. В большинстве же случаев психолог не располагает и такими материалами, имея перед собой лишь те макрофакты, которыми оперирует историк. Это не означает, однако, что психолог не должен искать возможности и в таких условиях продвигаться вперед в решении проблемы исторического развития психики. Общий способ подхода к ней указывает принцип *связи психики и деятельности*, из которого следует, что в самих результатах деятельности, в

различных творениях человека объективируются и находят выражение его психические свойства, способности и духовные силы. Отсюда – вывод о возможности воссоздания своеобразия психики человека на различных этапах развития человеческой цивилизации по продуктам его созидательной деятельности, по всей совокупности творений, характерных для определенной эпохи.

Но для того, чтобы психолог мог использовать тот исторический материал, в котором запечатлен психический облик человека минувших эпох, этот материал должен быть подвергнут историком микроанализу. Историческое исследование должно стать гораздо более тонким, включающим разделение исторических фактов на составляющие компоненты, выявление этапов создания того или иного творения и его вариаций в различных условиях.

Деятельность соединяет в ансамбли различные психические процессы и явления, регулирующие, мотивирующие, контролирующие ее протекание и находящие свое частичное выражение в разных сторонах продуктов деятельности. Поскольку одни и те же творения в разные эпохи могут применяться по-разному и из них может извлекаться разное содержание, необходимо выявить способы использования тех или иных творений.

Основная проблема, встающая перед психологом, состоит в выявлении того, каким конкретным образом связаны психические свойства и психическая деятельность человека с продуктами его созидательной деятельности. Обозначенная проблема, к сожалению, не разрабатывается современными исследователями. Нет ответа на вопрос, по каким параметрам продуктов деятельности можно судить об особенностях тех или иных сторон психической деятельности. Вполне естественно, что эта проблема требует своего разрешения в функциональном плане применительно к современному человеку.

Некоторые психологи, скептически относящиеся к возможности воссоздания психики человека по продуктам его деятельности, в качестве

доказательства ссылаются на широко распространенное в психологии мнение, что один и тот же результат может быть следствием различных процессов и, следовательно, различие процессов не находит своего выражения в результатах. Вместе с тем, есть основание предполагать наличие более тесной связи между процессом и результатом, между деятельностью и ее продуктом (Анцыферова, 1971).

Своеобразие психических процессов, регулирующих ту или иную деятельность, непременно должно выразиться в особенностях продуктов деятельности, в соотнесении их с другими творениями, в границах применения этих продуктов, в использовании их как средств для создания новых объектов. Суть способа восстановления своеобразия психической деятельности по продуктам созидания может состоять именно в выявлении *таких совокупностей творения*, по особенностям компонентов которых можно воссоздать специфику определенного вида психической деятельности.

Положение об историческом характере психических процессов не ограничивается лишь фактами онтогенетического развития. Оно подтверждается и исследованиями тех изменений, которые претерпевают психические процессы при переходе от одной ступени общественного развития к другой.

Эти факты показывают, что развитие психических процессов в общественной истории вовсе не сводится только к получению нового опыта и к обогащению круга представлений. Возникновение новых форм деятельности, переход от наглядно-действенных видов практики к сложным видам теоретической деятельности как один из важных аспектов исторического развития приводит к коренной перестройке основных психических процессов, изменению их психологического строения, к появлению новых видов психической деятельности, которые до этого не имели места. «Факты, полученные в специальных исследованиях, – подчеркивает в одной из своих работ А.Р. Лурия, – показали, что даже такие процессы, как образование понятий, логический вывод и умозаключение, не

должны пониматься как внеисторические категории психологии, что они формируются в конкретных общественно-исторических условиях и имеют принципиально различную структуру в условиях доминирования различных форм деятельности» (Лурия, 1971, с. 61).

Историческое формирование психических процессов не исчерпывается лишь наиболее сложными формами познавательных процессов, но может быть прослежено и при анализе простых видов психических процессов, которые классической психологией обычно рассматривались как естественные функции мозга, но которые на самом деле являются таким же продуктом социально-исторических условий, как и сложные вербально-логические процессы.

Литература

1. *Анцыферова Л.И.* К проблеме изучения исторического развития психики // История и психология. М., 1971.
2. *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.
3. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.
4. *Гальперин П.Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959.
5. *Занков Л.В.* Память школьника. М., 1944.
6. *Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М., 1960.
7. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1965.
8. *Лурия А.Р.* Об изменчивости психических функций в процессе развития ребенка // Вопросы психологии. 1962. № 3.
9. *Лурия А.Р.* Психология как историческая наука // История и психология. М., 1971.
10. *Морозов А.В.* История психологии: Учебное пособие для вузов. Изд. 3-е. М., 2007.
11. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.

12. Эльконин Д.Б. Проблемы периодизации психического развития детей // Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов. Т. 1. М., 1968.

**Предпосылки формирования идей об индивидуальных
различиях человека в России XI – XVII вв.**

Ю.Н. Олейник (Москва)

Развитие психологии индивидуальных различий рассматривается преимущественно в контексте эволюции научного психологического знания. Однако одной из особенностей развития любой отрасли знания, и психологии, в первую очередь, является тесное переплетение и взаимообогащение научных и вненаучных идей. С этой точки зрения, анализ становления и формирования дифференциально-психологического знания в период до оформления психологии как научной дисциплины может существенно обогатить понимание особенностей развития и собственно научного знания в этой области.

Дифференциально-психологическое знание в древнерусских произведениях

Факт отличия одного человека от другого фиксируется, в том или ином виде, уже в самых ранних произведениях древнерусской литературы⁶. Что же явилось *теоретическими и эмпирическими основаниями* формирования самой идеи о различиях между людьми?

С эмпирическими основаниями картина более или менее определенная – ими служили наблюдения над явлениями повседневной жизни: поведением отдельных людей; особенностями тех или иных социальных общностей (народностей, племен, сословных групп и т.д.); эффектами влияния тех или иных факторов на конкретные поступки человека; отличиями в действиях

⁶ В этой связи В.Д. Небылицын отмечал, что этот вопрос имеет «историю, сравнимую по своей длительности с историей многих наиболее древних научных направлений» (Небылицын, 1976, с. 236).

разных людей в одних и тех же условиях. Кроме того, немаловажное значение имело накопление знаний о воздействии окружающей среды – природы, животного мира, климатогеографических факторов – на человека.

В качестве теоретических оснований возникновения дифференциально-психологических воззрений выступал ряд положений, получивших отражение уже в самых древних письменных источниках на Руси и привлекавших в последующие века все большее внимание мыслителей. Именно в контексте этих положений шло «вызревание» идей об индивидуальных психологических различиях людей.

Среди них, прежде всего, следует выделить *идею о «самовластии» человека*. Вопрос о границах самодеятельности человеческой души, ее независимости от божественного провидения очень широко обсуждался в древнерусской литературе. По сути, то или иное его решение должно было определить позицию автора относительно активности человека, наличия у него свободы воли в совершении собственных действий и поступков. Несмотря на то, что в восточно-христианской патристике идея абсолютной независимости и свободы человека отвергалась (см. Замалеев, 1987, с. 177), тем не менее, в целом ряде произведений наблюдались некоторые уступки в пользу признания самостоятельности личности. В конечном итоге к этому приводила и сама логика развития христианской доктрины. Ведь если признать, что все действия и помыслы человека предопределены волей Бога, то становится непонятной детерминация дурных, «злых», несправедливых поступков, нарушающих божественные заповеди. Именно в связи с решением этой дилеммы и был поставлен вопрос о самостоятельной активности человека.

Уже Кирилл Туровский (ок. 1130 – не позднее 1182) однозначно высказывается за признание принципа свободы воли: «Бог создал меня самовластным...» (Творения святого отца..., 1880, с. 163). С определенными оговорками признает этот принцип и Климент Смолятич (1146 – после 1154), используя его, как это ни парадоксально, для доказательства божественного

промысла (Введение христианства..., 1987, с. 226). Утверждения о «самовластии» человека содержатся и других древнерусских произведениях: в «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского, появившемся на Руси не позднее XI века (Шестоднев, 1879, л. 202), в «Толковой Палее» (XIII век) (Палея Толковая..., 1892, стб. 68–69), в «Диоптре», датированной серединой XIV века (Прохоров, 1987, с. 237; Диоптра, л. 64 об.), в «Тайная Тайных» (конец XV века) (Сперанский, 1908, с. 154), в «Лаодакийском послании» Федора Курицыны (конец XV века) (Лаодокийское..., 1982, с. 539), в трудах Иосифа Волоцкого⁷ (Волоцкий, 1986, с. 90), Максима Грека⁸ (М. Грек, 1859 – 1862, с. II, 14, 62, 65).

Важность идеи о «самовластии» человека для формирования дифференциально-психологических воззрений обусловлена тем, что признание принципа свободы воли подготавливало почву для утверждения в общественном сознании факта *самоценности любого человека*. Тем самым возникали предпосылки для пробуждения интереса человека к своему внутреннему миру, стремления познать самого себя. А это, в свою очередь, служило основанием для пристального внимания к широкому кругу вопросов психологического содержания, в том числе – о сущности и причинах индивидуальных различий в психических проявлениях разных людей.

Другими теоретическими основаниями возникновения и развития дифференциально-психологических воззрений выступали идея об единообразии всех процессов природы и убеждение в том, что человек является только одним из ее звеньев. Это позволяло использовать метод аналогии в наблюдении различных явлений окружающего мира, осознавать их взаимообусловленность, решать вопрос о причинности и природе души в стихийно-материалистическом ключе⁹. Вывод о том, что весь мир состоит из

⁷ Иосиф Волоцкий (1439/40 – 1515).

⁸ Максим Грек (около 1475 – 1556).

⁹ Уже Иоанн Дамаскин (ок. 675 – до 753) в своей книге «Точное изложение православной веры», характеризуя чувственное познание, и, в частности, описывая деятельность пяти органов чувств (зрение, слух, вкус, осязание, обоняние), указывает на ее обусловленность нервно-анатомическим аппаратом, состоящим из периферической и центральной частей. Если бы мы «не знали, что все эти сведения о работе органов чувств содержатся в произведении церковного писателя, то их можно было бы принять за

четырёх стихий, постепенно начал распространяться и на человека, а наблюдения над животными давало богатую пищу для переноса обнаруженных закономерностей в развитии природных явлений на людей. Мыслители пытались найти материальные основания, определяющие поведение и характер человека; утверждалось представление о детерминированности психических особенностей человека чисто органическими причинами (Соколов, 1963, с. 197–198).

Большое значение имела также *разработка логико-философского аппарата познания*.

В качестве примера рассмотрим один из древнейших письменных источников, из числа дошедших до нас, – древнерусский сборник «Изборник 1073», переписанный с болгарского оригинала. Среди более чем 380 статей 25 авторов, составляющих этот сборник (Словарь книжности..., 1987, с. 194), особый интерес представляют два текста церковных идеологов VII века – «Максимово о различии сущтиа (сущности – Ю.Н.) и естества по вьнешнимъ», а также «Теодора, Презвитера рантуньскаго о тех жеде». В них рассматриваются такие философские категории, как «особенное», «единичное», «сущее». Характерно, что при этом в качестве примера используется отличие одного человека от другого. В частности, автор указывает, что «у всех людей общее – их бытие. Все мы живем, двигаемся, просто существуем. Но у каждого из нас что-то свое – отечество, род, умение, труд и т.п., что мы называем случайным. Оно “отличает” нас от остальных людей. Скажем, Павел – человек, как и все люди, но по приведенным признакам отличается, как и каждый из нас, от других... Поэтому, если рассматривать только бытие, оно будет заключать сущность и существование, а, наблюдая отличительные признаки, мы говорим уже об особенном» (Изборник Святослава, 1983, с. 98). И хотя здесь еще не ставится

написанное каким-либо мыслителем-материалистом древности», – пишет М.В. Соколов (Соколов, 1963, с. 35). Иоанн Дамаскин, пожалуй, одним из первых в древнерусской литературе высказал идею о том, что поступки человека определяются им самим, благодаря возможности свободы действия, т.е. идею «самовластья»: «Мы есм самовластни творити и не творити» (цит. по: там же, с. 200–201). Таким образом, вполне правомочным представляется вывод о том, что уже в Древней Руси наблюдается факт борьбы материализма и идеализма по вопросам психологического характера (там же, с. 52).

вопрос о психических особенностях человека, но, несомненно, содержатся определенные предпосылки для их фиксации. Ведь дается философское осмысление явления, по сути, формируется универсальный метод познания действительности. В связи с этим целесообразно, хотя бы кратко, остановиться на трактовке автором понятий «сущность», «единичное», «особенное» в их соотношении между собой. Сущее понимается как бытие простых существ, обладающих одинаковым естеством, т.е. имеющих нечто общее (Изборник Святослава, 1983, с. 123). В противоположность этому, особенное воплощает какой-либо отличительный признак. И если сущность творит особенное, то особенное не может выражать сущностное. При этом если сущность представляет собой нечто неизменное, то особенное имеет множество вариаций, воплощающих в себе индивидуальное. Поскольку индивидуальное единично и не делимо, то отсюда вытекает понимание различия как существующего во многих и разных видах. «По различию определяется единичность вещи и, таким образом, выявляется специфика особенного и единичного как разных форм бытия сущего» (Замалеев, Зоц, 1987, с. 127).

На основе указанных теоретических и эмпирических положений на Руси зародились представления об индивидуально-психологических особенностях человека, получившие отражение во многих письменных источниках того времени. Безусловно, эти воззрения еще нельзя считать собственно научными. Правильнее назвать их своеобразными *психологемами*, по аналогии с термином «философемы», предложенным Гегелем для обозначения подобных взглядов в области философии (Гегель, 1932, с. 79). Под психологемами мы понимаем психологическую мысль, содержащуюся в тех или иных утверждениях, но не еще не получившую логического, понятийного оформления. Это своеобразная форма выражения психологических знаний, широко распространенная в древности и в период средневековья. Какие же психологеммы в области индивидуально-психологических различий сложились на Руси в период с XI по XVII века;

каков наличный корпус знаний, существовавших в этой области?

Начиная с самых ранних произведений, фиксируется собственно признание «многообразности» людей, факта отличия одного человека, от другого. Так, в известном памятнике древнерусской литературы XI века «Поучении к детям» Владимира Мономаха (1053 – 1125) говорится:

«И сему чуду дивуемься, како от персти создав человека, како образи различниши в челоовчьских лицах, – аще и весь мир совокупити, не вси в един образ но кый же своим лицьобразом...» (Поучение Владимира..., 1978, с. 398).

«И этому чуду подивимся, как из праха (<Бог> – Ю.О.) создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик лица...» (Поучение Владимира..., 1978, с. 399).

Это же отмечается в «Толковой Палее», созданной на русской почве:

«Аще от существа божия была бы (<душа> – Ю.О.), то в всяком бы одинакова была, но се субо видим разеньство, яко в иномъ есть мудра, в ином же бую, в друземъ же неразоумлива, в друзем же размыслива и, нравом содержащись, на злое клонится, иная же на благое, ина есть душа правду хвалящи и добрые нравы любящи, но от благородия суклоняющись; божие же существо не разделяется» (Толковая Палея, 1892, л. 32).

«Если бы (<душа> – Ю.О.) была от существа божия, то во всяком (<человеке> – Ю.О.) была бы одинакова; мы же видим, что у всех она разна: в ином мудра, а в ином буйна; в другом неразумлива и в другом же быстра на мысль; (<иногда она> – Ю.О.), подчиняясь нраву, на злое склоняется, иногда – на доброе; а иная душа и хвалит правду, и любит добрые нравы, а от творения благих дел бежит; божие же существо не разделяется» (Замалеев, 1987, с. 160).

Факт «пестрых различий» между людьми фиксирует и автор «Диоптры»: «...аз же вижю различье пьестро в человецех» (Диоптра, л. 57 об); все люди являются «различно и многообразно действующие» (цит. по: Прохоров, 1987, с. 269); «...в житьи узники же и свободны имут, убо обои приближена телеса много же посредь обоих есть в сладости же и печали различье» (при жизни узники и свободные имеют схожие тела, но громадное между ними различие в радости и печали) (там же, с. 284). А в очень популярном на Руси произведении «Тайная Тайных» (другое название «Аристотелевы Врата») различие между людьми рассматривается как мудрость природы:

*«И тако же ведаешь, иде
прирождение мудро есть,
непразнодействяно, но действо
его со многим добром а с
малымъ лихом. А про тоже
неверность нашу чинило нам,
посли то в сим многим
человеком, иже ходят...»*
(Тайная Тайных, 1984, с. 584).

*«Ты уже знаешь, что природа
мудра, действия ее не
бесмысленны, а в действиях ее
много добра и мало зла. Поэтому
природа различия между нами
установила, соответствующие
каждому из людей, которые
ходят...»* (Тайная Тайных, 1984,
с. 585).

Интересно также, то, что уже к середине XVI века предлагается определенная дифференциация сторон человеческого существа, в которых наблюдаются различия. К примеру, автор «Диоптры» обнаруживает отличия людей в характерологических особенностях, в «чувствах», голосе, внешнем виде и даже степени вшивости, подчеркивая, что «многообразие наше немощнейшее еСТЬСТВО» (Диоптра, л. 61).

Надо признать, что мысли о разнообразии человеческих личностей, очевидно, характерны для определенного этапа развития разных культур. Как отмечает А.Ф. Замалеев, многие западноевропейские гуманисты эпохи Предвозрождения (немецкие поэты XIII века Конрад Вюрцбургский и Гуго

фон Лангештейн; инфант Дон Жуан Мануэль; Яков до Варагине и др.) высказывали удивление и восторг по поводу того, что среди множества людей нет двух одинаковых «лиц», наблюдается огромное разнообразие в проявляемых ими склонностях и чувствах (Замалеев, 1987, с. 126)¹⁰.

Владимир Мономах считал, что «уникальность, неповторимое своеобразие каждого отдельного человека отнюдь не приводит к разобщению человечества: людей объединяет, сплачивает природа», а причастность к человеческому роду осознается через деятельную обращенность к миру, земной жизни (цит. по: Замалеев, 1987, с. 127).

Примечательно, что уже первые отечественные психологемы относительно индивидуальных различий содержали отвержение христианский индивидуализма с его идеей скитства и установкой на личное спасение, отмечали общепольность дела, необходимость подчинения отдельного человека интересам общества (см. там же). В этом можно видеть истоки некоторых оригинальных отечественных мыслей, получивших развитие значительно позже.

Ряд других психологем касался вопроса о *причинах индивидуально-психологических различий*. Так, оригинальные идеи относительно причин различий в человеческих нравах содержатся в «Изборнике 1076»: «Только два фактора оказывают влияние на формирование качеств человека: с одной стороны, особенности психического склада человека зависят от его личных усилий по самовоспитанию, а с другой – от влияния на него окружающих людей, сознательного подражания поведению других» (Изборник 1076, 1965). При этом роль божественного начала, таинственной «души» в определении тех или иных психологических особенностей человека оказывается ничтожной. Тем самым предопределяется естественнонаучное, натуралистическое объяснение многообразия человеческих натур, хотя и

¹⁰ Существует предположение, что оригинальным первоисточником, в котором впервые обсуждался этот вопрос (по крайней мере, в европейской традиции), является «Октавий» Минуция Феликса, написанный ок. 215 года. Позднее подобные идеи развивали Василий Великий (Василий Кесарийский) (ок. 330 – 379), Григорий Богослов (Григорий Низианзин) (ок. 330 – ок. 390), Григорий Нисский (335 – ок. 394) и другие члены Капподакийского кружка (Данилов, 1947; Замалеев, 1987, с. 126).

несколько социологизированное по своей сути.

На основе положения о четырех стихиях, лежащего в основе мироздания, обоснованного Эмпедоклом в V в. до н. э., Гиппократом была сформулирована идея о том, что и человек состоит из четырех элементов (в данном случае уже не стихий, а жидкостей). Развивая это положение, автор «Диоптры» отмечает, что человеческое тело представляет из себя «стихийское соединение» (Диоптра, л. 22–22 об.), а в «Луцидарусе», переведенном на русский язык и дополненным переписчиком в первую четверть XVI века, указывается, что «человецы суть сотворены от четырех составов» (цит. по: Порфирьев, 1890, с. 451). В «Галеново на Гиппократа» (XV век) указывается:

*«Мир от четырех вещи
составился: от огонь, от воздуха,
от земля и от вода. Составлен же
бысть и малый мир, сиречь
человек, от четыри стихия...»* (О
земном устроении, 1982, с. 192).

*«Мир из четырех веществ
составился: из огня, из воздуха,
из земли и: из воды. Составлен
был и малый мир, то есть
человек из четырех стихий...»* (О
земном устроении, 1982, с. 193).

В связи с этим и особенности нравов людей оказываются зависимыми от сочетания, «слияния» жидкостей в теле¹¹, от того, какая из них преобладает в момент зачатия. В вышеупомянутом «Луцидарусе» автор, после обоснования мысли о стихиях как основании множества различий «в животном и птичьем царствах», подчеркивает, что «по тем же саем стихиям или рещи составом применяются и киждо человек» (цит. по: Порфирьев, 1890, с. 449). В таком же ключе освещает этот вопрос «Диоптра», связывая и конституцию тела, и характер с «телесным растворением» (Диоптра, л. 58 об.), а также «Галеново на Гиппократа». В последнем произведении, к примеру, так обосновывается различие в характерах людей разных возрастов:

¹¹ Хотя большинство исследователей склонны переводить термин «слияние» как «темперамент», Т. Райнов считает, что более адекватно его понимать его как «склад» (Райнов, 1940, с. 266).

«И убо отрочятю растворение есть тепло и мокро, яко от крови, и сего ради овогда играют, овогда же смеются, и егда же плачят, скоро утьшаются. Юноши же растворение есть тепло и сухо, яко от чърну ключь, и сего ради суть бръзйшин и свърънйшин. Свъръшеного же мужа растворение есть сухо и студено, яко от чърну жлъчь; и сего ради суть топлйшии и благостоательнйши; егда гнѣваются, едва утьшаются. Старому же растворение есть студено и мокро, яко от мокроты; сего ради суть печални и дряхли, късни и непоминательни, и егда гнѣваются, прѣбывают неутышими» (О земном устроении, 1982, с. 194).

При этом подчеркивается, что «слияние жидкостей» происходит в момент зачатия ребенка, т.е. индивидуальные особенности являются врожденными. Об этом говорится и в «Толковой Палее» (Палея Толковая, 1892, стб. 163–165), и в «Диоптре» (Диоптра, л. 60 об – 61), и в «Тайная Тайных» (Тайная Тайных, 1984, с. 585).

Другой причиной, обуславливающей различия людей, являются звезды. Наиболее четко эта мысль зафиксирована в «Тайная Тайных»:

«У детей (до 14 лет – Ю.О.) характер пылкий и податливый – под влиянием крови, и потому они играют, то смеются, и когда плачут быстро утешаются. У юношей же (до 30 лет – Ю.О.) характер пылкий и страстный – под влиянием красной желчи, и потому они самые быстрые и вспыльчивые. У совершенных же мужей (до 45 лет – Ю.О.) характер сухой и холодный – под влиянием черной желчи, и потому они самые суровые и крепкие, и когда гневаются, с трудом утешаются. У старцев же (до 80 лет – Ю.О.) характер холодный и податливый – под влиянием мокроты, поэтому они печальны и дряхлы, медлительны и забывчивы, и когда гневаются, пребывают неутешными» (О земном устроении, 1982, с. 195).

*«Мы же сами второму ишлением
искром небесным, а с них,
ставятся обычаи и прирождена
замесу нашему телесному, зане
же они привод, а мы приведении»*
(Тайная Тайных, 1984, с. 564).

*«Мы же сами является
отражением небесных звезд, и
ими определяются особенности
нашего тела, так как звезды
являются двигателем, а мы
движимы ими»* (Тайная Тайных,
1984, с. 565).

В этом же произведении указывается, что «правильность дел... и поведения... осуществление их зависит... от планеты, под которой... родился» (Тайная Тайных, 1984, с. 559). На обусловленность индивидуальной организации человека той звездой, под которой он родился, указывает и «Луцидарус»: «Неки планеты или звезды суть студены естеством, некии сухи естеством, а неки воглы естеством, и те самыя естества приемлет человек от звезд» (цит. по: Порфирьев, 1890, с. 444). Индивидуально-психологические различия зависят также от конкретных условий жизни и влияния окружения (Шимановский, 1894, с. 655), климато-географических условий (Диоптра, л. 61), обычаев (Диоптра, л. 64 об.).

Содержится в древнерусских произведениях и ряд психологемм физиогномического характера¹². В уже упоминавшемся «Шестоднове» Иоанна Экзарха Болгарского в качестве внешних индикаторов внутренних качеств человека выступают: размер лба (большой лоб – «мудрый разум»; маленький лоб – острота ума и быстрота соображения); форма лба (широкий лоб – «знамение» человека крутого нрава; узкий лоб характеризует человека как беспокойного, малодушного и легко раздражающегося); форма бровей (прямые брови бывают у человека благородного, кроткого и милосердного;

¹² Для целей нашего исследования физиогномические рассуждения интересны по двум причинам: во-первых, их наличие в произведении свидетельствует о том, что автор фиксирует многообразие людей не только по чисто антропологическим показателям, но и по внутренним, психическим качествам человека (при этом значительный интерес представляет структура этих качеств); во-вторых, они позволяют судить о мнении автора относительно детерминации индивидуально-психологических различий. В этом смысле, в условиях господства религиозного мировоззрения физиогномические наблюдения должны рассматриваться как проявление стихийно-материалистических тенденций в объяснении индивидуально-психологических особенностей человека.

крутонравого человека отличают брови, опущенные к носу; дурного и бесчестного – брови, опущенные к вискам), цвет, величина, выпуклость и частота мигания глаз (Шестоднев, 1879, с. 213 об. – 214 об.). Автор «Тайная Тайных» посвящает уже целый раздел изложению физиогномических данных («Врата первая. О премудрости порсунной. Неделя»). Он считает, что об особенностях человека можно судить по различным «телесным» показаниям: цвету кожи; размеру, цвету и скорости движения глаз; волосам; бровям; ноздрям; лбу; зубам; лицу, в целом; ушам; голосу; шее; животу; груди; плечам; спине; длине рук, ладони и пальцев; толщине голени и лодыжек; походке и т.д. (Тайная Тайных, 1984, с. 585–589). В этой же работе, пожалуй, впервые в отечественной литературе, специально подчеркивается прикладное значение «порсунной» науки (науки о лицах) для управления людьми:

«Александр¹³, ведай, иже мудрость сая нужная царю большии, ножели иному человеку. Зан же ему челозык яко же посудия каждое... мастеру своему; а не будет ли мастер знати посудия своего велми гораздо, и не зведет дела своего достаточного» (Тайная Тайных, 1984, с. 584).

«Александр, знай, что, наука эта нужна царю больше, чем другому человеку. Ибо для царя человек то же, что орудие всякое... для его мастера; если не будет мастер знать орудия своего очень хорошо, то не сможет делать работу свою должным образом» (Тайная Тайных, 1984, с. 505).

Причем к этому вопросу автор обращается неоднократно: и давая рекомендации при отборе людей на различные должности при дворе – писаря, «печатника» (хранителя печати), градоначальника, судьи, сборщика дани и т.д. (Тайная Тайных, 1984, с. 559–571), и завершая «порсунную» главу:

¹³ Имеется в виду Александр Македонский, поскольку, по мнению исследователей, оригинал этого трактата написан как наставление царю его учителем Аристотелем (Тайная Тайных, 1984, с. 534–591). В связи с этим напомним еще одно название «Тайной Тайных» – «Аристотелевы Врата».

«И про то да разумей знамен сих предреченных, и углуби разум свой преподобный и полный во мудрость сию, да будеши беспечален выделах своих помощиею обожиею» (Тайная Тайных, 1984, с. 590).

«Поэтому пойми эти отмеченные признаки и углубись всем разумом своим преподобным в науку эту, и не будет печали в делах твоих с помощью божьей» (Тайная Тайных, 1984, с. 591).

Необходимо отметить, что в «Тайная Тайных» также отмечается и ряд других областей практики где, по мнению автора, необходимо знание индивидуально-психологических особенностей конкретного человека – медицина и военное дело (Тайная Тайных, 1984, с. 583). В частности, говоря о врачевании, автор этого произведения учит своего наставника:

«А ни чинил бы ты того, не ведая прирождение твое и того зелья, чего имаешь поживати, и замес оного зелья, и вату его» (Тайная Тайных, 1984, с. 554).

«И тебе должно принимать его (<лекарство> – Ю.Н.), только зная особенности своей натуры и особенности того зелья, которое собираешься принимать, и состав этого зелья, и значение его» (Тайная Тайных, 1984, с. 555).

Чуть позже в трудах Нила Сорского мысль о необходимости учета индивидуально-психологических особенностей в практической деятельности получила развитие, правда, в несколько ином аспекте. Разрабатывая свою теорию страстей, он пришел к выводу, что «вся же естества едином правилом объяти невозможно есть» (Памятники древней письменности..., 1912, с. 41), т.е. нельзя ко всем людям предъявлять одинаковые требования, не считаясь с их индивидуальными потребностями и природными особенностями.

Еще один вид психологем, сложившихся в древнерусской письменности и имеющих отношение к дифференциально-психологическому знанию, касается вопросов *типологического подхода к человеку*,

классификации его качеств. Типология психического склада человека на основе того или иного сочетания компонентов «состава» (т.е. стихий) приведена в «Луцидарусе» (см. Порфирьев, 1890, с. 444). Классификация моральных качеств дана в «Диоптре», где выделяется следующий разряд качеств: богатство и бедность; слава и бесславие; болезнь и здоровье и т.д. При этом они приобретают ту или иную моральную окраску в зависимости от употребления их конкретным человеком (Диоптра, л. 86). В «Тайная Тайных» представлен тип «идеального правителя». Из более чем 15 его характеристик только одна относится к происхождению монарха, и ее значение отнюдь не главное. Все же остальные характеристики описывают личностные особенности правителя (Тайная Тайных, 1984, с. 563–564), а также воспроизводят образа «доброего прирождения», который должен выступать в качестве примера для подражания (Тайная Тайных, 1984, с. 591).

Таким образом, подводя итог анализу дифференциально-психологических воззрений, сложившихся в произведениях XII – XVII веков на Руси, можно отметить несколько наиболее характерных моментов.

Во-первых, эти знания существовали в виде совокупности рациональных высказываний (доводов от разума), содержащих определенную психологическую идею, не нашедшую еще своего выражения на понятийно-логическом уровне.

Во-вторых, эти высказывания касаются широкого круга вопросов: самого факта индивидуально-психологических различий, их причин, практического значения знаний об особенностях конкретного человека, типологии психологических качеств и т.д.

В-третьих, несмотря на безусловное господство богословских и теософских положений во взглядах на человека в то время, тем не менее, начинает формироваться ряд положений материалистического характера, особенно в области понимания причин и факторов индивидуально-психологических различий.

В целом же психологемы дифференциально-психологического

характера еще случайны; нет какой-либо системы в их изложении; в их основе лежат лишь отдельные, хотя иногда и яркие, наблюдения. Такое положение было вызвано отсутствием социальной потребности в систематизированном знании об индивидуально-психологических особенностях человека. В связи с этим представляется целесообразным проследить, как же формировалась эта социальная потребность, и в чем она выражалась.

Формирование социальной потребности в дифференциально-психологическом знании

В качестве необходимых и достаточных условий сформированности социальной потребности в индивидуально-психологическом знании можно считать во-первых, рост самосознания личности, во-вторых, осознание ценности отдельного человека в жизни общества. В данном случае мы опираемся на: 1) мнение исследователей, что именно формирование самосознания связано с процессом индивидуализации, усилением потенциалов личности (Божович, 1955, с. 40); 2) признание того, что самосознание выступает как «конституирующий признак личности» (Спиркин, 1972, с. 149); 3) понимание перехода от осознания чужих к осмыслению своих личных качеств как одного из этапов формирования индивидуального сознания (Кон, 1967, с. 135).

Как же складывалась и в чем выражалась социальная потребность в познании индивидуальных различий? Каковы те объективные факторы, которые привели к возникновению проблемной ситуации в этой области?

Результаты исследований историков показывают, что одним из важнейших рубежей в развитии России являлся период конца XIV – XVI веков. Именно в это время преодолеваются последствия монголо-татарского ига, складывается русское централизованное государство, наблюдается культурный и хозяйственный подъём страны, происходит утверждение светских мотивов в духовной жизни русского общества. Вероятно, все это не могло не сказаться и на формировании потребности в дифференциально-

психологическом знании. Поэтому целесообразно рассмотреть в интересующем нас аспекте, в первую очередь, именно этот период.

В сфере экономической жизни русского государства, начиная с конца XV века, прослеживается *оживление хозяйственной деятельности*. Это приводило, во-первых, к ускоренному *отделению города от деревни*, и, соответственно, к *усилению процесса урбанизации*¹⁴. Увеличение числа городов, помимо экономического, имело и большое социокультурное значение. Советский медиевист А.Я. Гуревич пишет, что «на определенной стадии развития феодального общества города были “самым ярким цветком средневековья”». Именно в них в силу целого ряда обстоятельств, как социально-экономического, так и политического порядка в наибольшей степени получила развитие личность средневекового человека, отличающаяся целостностью и органической слитностью с общественной средой» (Гуревич, 1969, с. 416–417). Следовательно, значительный рост городов в России XVI – XVII веках должен был привести к возрастанию личностного начала в ее общественной и культурной жизни.

Во-вторых, усиление хозяйственной активности в обществе приводит к *дальнейшей дифференциации ремесленного производства*. Исследователи отмечают, что, уже начиная с начала XVI века, происходит процесс разделения ремесленного труда на ряд отдельных профессий (Райнов, 1940, с. 136; Пронштейн, Задера, 1977, с. 99; Очерки истории СССР..., 1955, с. 55). Но наиболее интенсивно эта тенденция развивается с конца XVI века¹⁵. Узкая специализация приводила, с одной стороны, к росту мастерства ремесленников (в силу относительной узости средневекового рынка,

¹⁴ По подсчетам, проведенным П.П. Смирновым, из 113 городов, известных в России к концу XVI века, 45 (т.е. почти половина) были основаны именно в этом столетии (Смирнов, 1947, с. 77).

¹⁵ Так, в Пскове в XVI веке насчитывалось около 14 профессий, а в XVII веке – уже 98 (Порошкевич, 1966, с. 209); в Устюжне Железнопольской (Заволжье) только в металлообработке к 1567 году существовало 14 специальностей, а в 1597 году их число увеличилось до 19 (Колесников, 1966, с. 147). Подобная тенденция наблюдалась и в других городах: в Смоленске в 1610 году зафиксировано 79 специальностей ремесленников (Маковский, 1963, с. 55), в Новгороде – 237 (Арциховский, 1939, с. 12–14), при этом в области обработки черных металлов – 23 (Пронштейн, 1957, с. 51), в деревообработке – не менее 23 (Пронштейн, Задера, 1977, с. 130). В Москве в XVI – XVII веках выявлено 20 специальностей только среди работавших по металлу (Рабинович, 1948). Значительная дифференциация наблюдается в таких сферах деятельности, как шитье одежды и головных уборов (Пронштейн, Задера, 1977, с. 128), сапожное дело (Очерки истории СССР..., 1955, с. 57).

распространенности работы на заказ с соответствующим повышенным требованием к качеству изделия и зарождавшейся конкуренцией на рынке товаров), с другой – к существенному увеличению количества производимой продукции за счет совершенствования трудовых навыков.

Результатом первой из указанных тенденций явился *рост осознания мастером своей профессиональной самобытности и уникальности*. Это проявилось, в частности, в том, что ремесленник начал указывать свое имя на произведенном им изделии¹⁶. М.А. Барг подчеркивает, что процесс индивидуализации положил конец анонимности, столь характерной для средневековья, что «в буквальном и переносном смысле только теперь мы начинаем различать лица» (Барг, 1987, с. 238). Вызвано это было тем, что готовый продукт (над которым ремесленник работал от начала до конца: от замысла до исполнения), воплощавший навыки, вкусы и рабочее время его создателя, был ему внутренне близок, нес на себе «отпечаток его личности» (Смирнов, 1947, с. 244–245). Даже продавая или обменивая его, ремесленник стремился зафиксировать изначальную принадлежность изделия ему как субъекту труда.

В это время наблюдается не только рост самосознания самого автора, но и осознание значимости его личности другими людьми. Наглядным подтверждением данного факта является формирование института ученичества: родители отдавали своего ребенка в «учение» к мастеру для освоения той или иной ремесленной специальности. Этим признавалось профессиональное превосходство мастера в определенной сфере трудовой деятельности. Безусловно, все это способствовало осознанию неповторимости и своеобразия конкретной человеческой личности мастера. Сам ремесленник был также заинтересован в учениках. Помимо чисто экономической выгоды (после окончания учебы теперь уже самостоятельный мастер должен был несколько лет работать на своего учителя-наставника), он

¹⁶ Так, в ремесленном производстве с 1483 по 1545 годы насчитывается 18 русских мастеров (Рубцов, 1947, с. 47–48).

видел в этом и возможность «продлить жизнь» своего профессионального имени¹⁷. Учитывая же, что в XVII веке ремесленное ученичество становится широко распространенным явлением в русском государстве (Бахрушин, 1954, с. 101; Тальман, 1958, с. 68; Лихачев, 1987), можно сказать, что и признание самобытности мастера возрастает повсеместно, давая тем самым толчок интенсивному росту самосознания собственной значимости у ремесленников.

Результатом же значительного увеличения количества производимой продукции (соответственно и появления избытков ремесленных изделий, реализуемых на рынке) явилось постепенное превращение к XVII веку ремесла в мелкое товарное производство, а ремесленников – в мелких товаропроизводителей. Представляет интерес оценка этого факта К. Марксом в его «Капитале»: «Мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника» (Маркс, Энгельс, с.771). Таким образом, мы видим, что в сфере экономической жизни страны к XVII веку складывается ряд предпосылок для возрастания общественного интереса к конкретному человеку, формирования определенного уровня осознания им своей самоценности и важности для общества; собственной неповторимости и «особливости».

Подобные тенденции были обусловлены не только хозяйственно-экономическим, но и социально-политическим развитием русского государства того времени. Так, в России к началу XVII века утверждается мысль о том, что место человека в социальной или политической структуре общества обусловлено не только его происхождением, но и *личными достоинствами*. Это было вызвано, в первую очередь, выходом на политическую арену российского общества дворянства. Дворяне не могли похвастаться знатным родом – отсюда идея о значимости личных достоинств

¹⁷ Ученики, как правило, указывали на своих изделиях имя обучившего их мастера. К примеру, с 1483 года известно имя русского мастера пушечных дел Якова, а значительно позднее, в 1491 году, на пушках встречается надпись, что изделие произвели Ваня и Васюк, «ученики Яковлевы» (Брандербург, 1887, с. 57).

человека для занятия им определенного общественного положения. Более того, эта тенденция не обходит стороной и монарха. Новая практика «поставления на царство всю землю»¹⁸ обусловила объяснение необходимости царской власти не только богоизбранностью царя, но и вполне «земными» причинами (в первую очередь, необходимостью заботы о благосостоянии подданных). И если богоизбранный царь был «неподсуден никому, кроме бога» (как это было при Иване Грозном), то назначаемый царь в определенной мере лишался такой привилегии неподсудности (как это стало при Борисе Годунове). Тем самым была создана возможность для обсуждения населением различных черт царя с точки зрения их «добропорядочности» и «полезности» или же «злонамеренности» и «вредности» для государства. В публицистической литературе разворачивается сопоставление качеств различных государей и руководителей ратного и земского дела по их нравственным, моральным и психологическим характеристикам, вырабатываются своего рода рекомендации в форме советов и пожеланий к монархам, какие из личностных свойств наиболее полезны обществу (произведения Матвея Башкина, Ивана Пересветова и др.). Подобное положение дел позволяет сделать ряд выводов: во-первых, вопрос о чертах характера человека приобретает государственное значение; во-вторых, фактически каждый человек получает право оценивать качества другого с точки зрения их полезности для общества; в-третьих, политическое развитие России в XVI – XVII веков требовало индивидуально-дифференцированного подхода к отбору государевых людей (т.е. людей, находившихся на государственной службе).

Характерной чертой социальной жизни России в рассматриваемый период (особенно в конце XVII века) явился дальнейший рост социального расслоения (Устюгов, 1961, с. 6). Параллельно с этим шел процесс

¹⁸ Как известно, в 1598 году, согласно грамоте Бориса Годунова, состоялись выборы русского государя «всею землею», т.е. всем населением России.

внутренней консолидации представителей различных социальных групп на основе борьбы за сословные привилегии (например, борьба посадского населения первой половины XVII века). Развитие же системы сословных привилегий невозможно без оформления соответствующей «атрибутики», характеризующей принадлежность к тому или иному сословию¹⁹. Это способствовало фиксации в сознании людей их «отличительности» от представителей других сословий, формированию критериев сравнительно-сопоставительного восприятия своего окружения. Итак, даже самый беглый анализ, социально-политического развития России XVI – XVII веков показывает, что в это время созревали предпосылки для осуществления процесса индивидуализации и развития потребности в познании черт характера и свойств личности отдельного человека.

Теперь закономерно поставить вопрос: «В какой мере осознавались выделенные социальные потребности в широких слоях средневекового русского населения?» Для того чтобы ответить на него, обратимся к анализу *искусства*, ведь именно «в произведениях искусства и литературных вкусах времени выражается общественная психология» (Кон, 1967, с. 176). Какие же характерные тенденции развития живописи в феодальной России этого периода можно отметить?

Начиная с творчества художника Феофана Грека, работавшего в конце XIV – начале XV веков, в живопись проникает стремление автора, в противовес канонам иконографии, отразить в своих работах неповторимое разнообразие индивидуальных характеристик создаваемых им образов. Именно таков образ восточного отшельника Макария Египетского на фресках церкви Спаса Преображения на Ильине улице в Новгорода (конец XIV века), который «производит незабываемое впечатление острой индивидуальной характеристики» (История русского искусства, 1961, с. 35–36). Эта же тенденция четко прослеживаются в цикле росписей церкви

¹⁹ В качестве одного из таких атрибутов выступала одежда. Одежда горожан, отличалась от одежды феодалов и, вместе с тем, была отлична от одежды крестьян (Бродель, 1986, с. 260). Мода возникает «из желания привилегированных любой ценой отличаться от стоящей ниже их массы» (Маслова, 1987, с. 346).

Успения на Волотовом поле близ Новгорода, выполненных в конце XIV века. Многие лица на этих фресках (святой Климент; головы архиепископов Моисея и Алексия) были настолько индивидуально окрашены, что они производили впечатление портретов (История русского искусства, 1978, с. 50). Такое же впечатление производит и изображение Сергия Радонежского на шитой пелене, относящейся к началу XV века (Овчинникова, 1955, с. 11).

Очевидно, в силу того, что формирующаяся традиция отображения в живописных произведениях (иконах, фресках и т.д.) индивидуально-психологических, своеобразных черт реальных людей встречала все большее понимание в обществе, происходил ряд существенных изменений и в канонах иконописи. Так, «Стоглавый собор» 1551 года узаконил возможность написания на иконах изображений царей, князей, народа, а Собор 1553 – 1554 годов разрешил писать на иконах, наряду с обычными церковными сюжетами, также и притчи (т.е. иносказательные изображения) на многообразные бытовые темы.

В XVI – XVII веках стремление художников к выявлению индивидуальных особенностей у изображаемых лиц получает дальнейшее развитие. Формируется особое направление в живописи («строгановское») со своеобразной трактовкой человеческой фигуры и передачей особенностей одежды конкретного изображаемого лица (История русского искусства, 1961, с. 54–55). Рождается новый прием создания портретов современников с натуры, и возникает совершенно новый вид портрета – светский станковый портрет (Овчинникова, 1955, с. 18–19). И, несмотря на то, что «в этих портретах, или парсунах (изображения персон) образ человека имеет еще очень условный характер», тем не менее, «стремясь к созданию портретного образа, к отображению в нем наиболее типичных, существенных черт, художники сначала овладевают передачей только внешнего облика человека, затем постепенно идут дальше в поисках средств передачи его внутреннего психологического содержания» (там же, с. 19).

Итак, анализ развития русской живописи показывает, что, начиная с конца XIV века и особенно в XVI – XVII веках, перед художниками остро стоит задача отображения в своих произведениях индивидуализированного облика реального человека, и достигается это за счет расширения круга персонажей и сюжетов, появления новых приемов письма. В этот период «уже не только об абстрактной красоте думали художники, но и о реальном человеке с его индивидуальными чертами» (там же, с. 15). Не вызывает сомнения, что эта тенденция пристального внимания к индивидуальному своеобразию человека была вызвана осознанием соответствующих социальных запросов общества.

Развитие *древнерусской литературы* также довольно четко характеризует все возрастающее (с конца XIV века) внимание к особенностям человека, к его индивидуальным психическим качествам, которое постепенно трансформируется в понимание самоценности человеческого бытия. Рассмотрению этого вопроса посвящена обширная литература (Лихачев, 1951; 1962; 1987; Робинсон, 1974 и др.).

Первоначальный интерес к отдельному человеку и его внутреннему миру в русской книжности относится к произведениям житийной литературы конца XIV – начала XV веков²⁰. Именно тогда начинается складываться своеобразный «абстрактный психологизм» (термин Д.С. Лихачева) в изображении человека (произведения Епифания Премудрого и Пахомия Серба). Несмотря на то, что эти литературные произведения отличает несомненный интерес к психологическим характеристикам человека (его переживаниям, чувствам, эмоциональным состояниям), они еще не объединяются в целостный характер героя. Поэтому характеристики человека очень подвижны, изменчивы и оцениваются только на основе двух категорий: добрые, положительные, и злые, отрицательные. Качества существуют как бы вне человека, хотя и пронизывают все его поступки.

²⁰ Как показывает В.П. Андрианова-Перетц (Андрианова-Перетц, 1972), самые ранние истоки этого интереса обнаруживаются еще в XI – XIII веках в религиозно-дидактических произведениях учительской литературы: (послания, слова, афоризмы).

Стиль речи действующего лица не отличается от речи автора. При сравнении двух героев упор делается не на сравнении их индивидуальных психологических особенностей, а на их делах и поступках. Характеризуя это направление, Д.С. Лихачев констатирует: «Проявления психологии не складываются в психологию» (Лихачев, 1962, с. 64). Но уже XVI век (особенно в произведениях исторического жанра) приносит интерес к целостной человеческой личности («Летописей начала царства»; «История о великом князе московском»; «Степенная книга»), хотя качественных изменений в ее отражении еще не достигнуто. В XVII веке отмечается уже качественно иной подход к описанию индивидуального характера: подчеркивается его противоречивость и, соответственно, невозможность однозначной оценки в категориях добро/зло (Хронограф 2-й редакции, 1617): впервые поднимается вопрос о причинах появления отдельных черт в человеческом характере («Временник» Ивана Тимофеева; «Словеса дней и царей и святителей московских» Ивана Хворостина). При этом писатели XVII века уже не только описывают характер, как это было ранее, но и сознательно интерпретируют его, высказывая принципиальные суждения о том, каким он им представляется. Такое понимание характера человека было обусловлено отходом от догматов религиозной точки зрения на сущность человека (его непротиворечивость, неизменность в основных и второстепенных качествах, примитивность и уничижительность), что стало возможным лишь в результате «обмирщения» духовной жизни общества.

Убедительной иллюстрацией роста самосознания людей феодальной Россия, является также процесс формирования авторского самосознания писателей. Об этом можно судить по двум группам взаимосвязанных явлений: с одной стороны, осознание писателем своего назначения и долга, гордости своим трудом и понимание авторских задач, с другой стороны, забота писателей о тексте своих произведений и передаче их потомкам в первоначальном авторском варианте (Синица, 1982, с. 214). На основе детальных исследований древнерусской литературы ученые приходят к

выводу, что проявление «авторской личности» и «четкое осознание автором своего творчества – новая и весьма примечательная черта русской литературы и общественной мысли XVI века» (Лихачев, 1973, с. 144; Сеница, 1982, с. 219).

Какие факты подтверждают формирование авторского самосознания в XVI веке и его бурное развитие в XVII веке? Во-первых, постепенно исчезает анонимность произведений, характерная для эпохи раннего средневековья²¹, формируется понимание писателем важности и необходимости своего труда²², складываются традиция написания к работам предисловий, в которых излагается авторская позиция²³, отмечается стремление автора собрать воедино и передать в неискаженном виде наиболее ценное и значимое из созданного им²⁴. Авторы начинают пропагандировать собственные воззрения и свою манеру изложения как некоторую общую и желаемую норму (Робинсон, 1974, с. 311). Одним словом, можно сказать, что, начиная с XVI века, постепенно «созревает и индивидуализируется авторское самосознание писателей» (там же, 1974, с. 4). И это является отражением общего возрастания уровня самосознания и понимания самоценности личности, характерных для общественного сознания в целом.

Изменение социальных потребностей (в том числе и формирование новых) в конечном итоге находит отражение в *законодательных актах*. Ф. Энгельс подчеркивал, что «все потребности гражданского общества, независимо от того, какой класс в данное время господствует, – неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее

²¹ К примеру, заголовок каждого из отдельных сочинений, собранных в сборнике трудов Максима Грека (составленном им самим), начинается настойчивым напоминанием: «Того же инока Максима Грека».

²² Так, Ермолай-Еразм – писатель XVI века – рассматривает свое творчество как «огненное оружие» борьбы; Максим Грек видит свою задачу во влиянии на социально-политическую практику, путем воздействия на «начальствующих особ».

²³ Упомянутое собрание трудов Максима Грека открывает «Предисловие, сказующее вкратце силу книжки соя», в котором он характеризует задачи, идеи, основное содержание и направленность включенных произведений.

²⁴ В частности, от Максима Грека осталось 4 списка его сочинений с собственноручной правкой; авторская правка содержится в сборнике сочинений Нила Сорского, в трудах митрополита Даниила и некоторых других произведениях этой эпохи.

назначение», причем «государственная воля определяется, в общем и целом, изменяющимися потребностями гражданского общества» (Маркс, Энгельс, с. 310). Именно поэтому памятники права являются важными источниками по истории не только государственного и общественного строя того или иного общества, но и его духовного развития. Что же обнаруживается в русских законодательных актах и сборниках XV – XVII веков в интересующем нас аспекте?

Во-первых, в законодательстве четко прослеживается постепенное расширение прав частных (отдельных) лиц за счет уступок со стороны коллективных лиц (в качестве которых выступали семья, община и т.д.); происходит индивидуализация имущественной ответственности отдельных членов семьи (Развитие русского права..., 1986, с. 120, 155–156). И хотя контроль родовых и семейных союзов заменялся контролем, по сути, тоже коллективного правового субъекта – государства, тем не менее, можно прийти к выводу, что представление более широких возможностей отдельному лицу как субъекту правовых отношений свидетельствовало об изменении роли конкретной личности в жизни средневекового общества.

Во-вторых, характерной чертой законодательства, нашедшей отражение уже в Судебнике 1550 года, и еще более полно – в Уложении 1649 года, является замена (в области обязательственного права) личной ответственности по договорам имущественной ответственностью (Развитие русского права..., 1986, с. 144). Так, если в первом древнерусском своде феодального права «Русской Правде» (XIII век), «имущество человека... ценится не дешевле, а даже дороже самого человека, его здоровья, личной безопасности», и, соответственно, «безопасность капитала закон ценил дороже и обеспечивал заботливее личной свободы человека» (Ключевский, с. 249), то и правовых документах XVI – XVII веков наблюдается совершенно обратная картина. Многие взыскания с личности должника переносятся на его имущество – дворы, скот, вотчины и т.д. Таким образом, наблюдается процесс «эмансипации личности», совпадающий с общей

тенденцией к «возрастанию индивидуальности субъективных прав», как в среде вещных, так и обязательственных отношений (Развитие русского права..., 1986, с. 144).

В-третьих, все большее внимание в законодательстве уделяется преступлениям против личности. В них включаются; убийство, нанесение ран, увечий, побоев и оскорблений. Причем, под «безществием» понимается уже не только оскорбление действием, но и словом. Судебник 1550 года, в отличие от Судебника 1497 года, вводит дифференцированные виды наказания за бесчестье, а в Судебнике 1589 года предусматривается уже 32 статьи за это преступление (там же, с. 180–181). Следовательно, существенно углубляется понимание чести, которая приобретает сугубо личностный характер.

В-четвертых, изучение законодательных актов этого периода приводит к предположению, что «грань между свободой и не свободой не только не стиралась в середине XVI века, но все больше осознавалась» (Законодательные акты русского государства..., 1987, с. 53). Об этом свидетельствует, в частности, Указ 1557/1558 годов «О присуждении к смертной, казни виновных в составлении подложных (поддельных - Ю.О.) полных или докладных грамот на вольных людей» (Законодательные акты русского государства..., 1986, с. 49), который предусматривал высшую меру наказания за подделку документов о личной свободе человека. Причем, эта мера значительно ужесточилась по сравнению с Судебником 1550 года.

Таким образом, на основе изучения законодательства XVI – XVII веков можно прийти к выводу о том, что в это время зарождается и укрепляется идея правового индивидуализма (в противовес идее солидаризма), и усиливается правовая защита личных достоинств человека (чести, свободы, здоровья и т.д.). Учитывая же вышеприведенное мнение Ф. Энгельса о детерминации права потребностями общества, следует признать, что в России XVI – XVII веков уже сложилась социальная потребность в индивидуально-психологическом знании, что и находит отражение в

широком круге правовых документов. Как очень точно подметил М.А. Барг, в это время «субъективность перестала себя стыдиться» (Барг, 1987, с. 238).

Понятно, что нараставшую социальную потребность вряд ли могли удовлетворить знания, существующие в форме психологием и не носящие выраженного систематического характера. Ведь, по сути, дифференциально-психологические воззрения в XI – XVII веков носят как бы пассивный характер, т.е. они лишь фиксируют те или иные явления социальной действительности, не определяя некоторые основания универсального характера, которые выступили бы исходным пунктом для новых, все более часто возникающих сфер практического применения знаний об индивидуальных особенностях человека. Формирующееся физиогномическое понимание содержания индивидуальных различий, хотя и играло в условиях русской действительности XV – XVI веков прогрессивную роль, поскольку в этот период физиогномика «не только пропагандировала гуманистическую идею о том, что каждый человек есть особая индивидуальность, но и допускала объяснение особенностей психического склада людей чисто земными, материальными причинами – жизненными соками, строением тела и т.д.» (Соколов, 1963, с. 164), тем не менее, не способно было раскрыть подлинных причин индивидуально-психологических различий. И даже очень продуктивные догадки относительно природы и детерминации индивидуальных особенностей конкретного человека, которые высказывались мыслителями того времени, не были развернуты в какую-либо теоретико-методологическую концепцию, не получили систематического изложения и не проводились последовательно в жизнь. Очевидно, по-иному и не могло быть, так как не только отсутствовал подлинно объективный метод познания – эксперимент, но не были разработаны с достаточной методической строгостью и такие методы, как самонаблюдение и наблюдение. Таким образом, идеи, получившие распространение в России к XVII веку относительно сущности, механизмов и причин индивидуально-психологических различий, в целом не могли явиться

основой для адекватного решения вопросов, поставленных социальной практикой. Они могли лишь заложить определенные исходные основания в понимании индивидуальных особенностей человека (Ананьев, 1947, с. 79).

Проведенный анализ путей формирования проблемной ситуации в области индивидуально-психологических различий позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

1. В России на протяжении XV – XVII веков последовательно формируется социальная потребность в дифференциально-психологическом знании.

2. Факторами, обусловившими ее возникновение, являются: рост количества городов и дифференциация ремесла на отдельные профессии; возрастание социального расслоения общества и выдвижение дворянства как ведущей политической силы государства; усиление внимания и интереса к конкретному человеку и утверждение реалистических тенденций в искусстве и литературе.

3. Начиная с XI века, в России в форме психологом формируется совокупность дифференциально-психологических воззрений.

4. Дифференциально-психологическое знание, сложившееся к XVII веку, не могло удовлетворить растущую общественную потребность в познании индивидуальных особенностей человека, что и привело к формированию в этот период проблемной ситуации в изучении индивидуально-психологических различий.

5. Начиная с самых ранних работ, в той или иной мере касающихся вопросов дифференциально-психологических особенностей человека, складывается понимание того, что изучение индивидуальных особенностей – лишь средство к познанию конкретного человека в его целостности.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Тридцать лет современной психологии // Советская педагогика. 1947. № 11. С. 41–53.

2. *Андреанова-Перетц В.П.* Человек в учительской литературе. Т. XXVII. Л., 1972. С. 3–68.
3. *Арциховский А.В.* Новгородские ремесла // Новгородский исторический вестник. Вып. 6. Новгород, 1939.
4. *Барг М.А.* Эпоха и идеи. Становление историзма. М., 1987.
5. *Бахрушин С.В.* Ремесленные ученики в XVIII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 101–118.
6. *Божович Л.И.* Особенности самосознания у подростков // Вопросы психологии. 1955. № 1. С. 27–43.
7. *Брандербург Н.Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. СПб., 1877.
8. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв. Т. 1. «Структуры повседневности: возможное и невозможное». М., 1986.
9. Введение христианства на Руси. М., 1987.
10. *Волоцкий И.* Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Казань, 1986.
11. *Гегель.* Соч. Т. IX. М.-Л., 1932.
12. *Грек М.* Сочинения. Т. I – III. Казань, 1859 – 1862.
13. *Гуревич А.Я.* Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 384–427.
14. *Данилов В.В.* «Октавий» Муниция Феликса и «Получение» Владимира Монаха // Труды отдела Древнерусской литературы. Т. 5. М.-Л., 1947.
15. Диоптра. Рукопись Исторического музея. № 15.
16. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Комментарии. Л., 1987.
17. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986.

18. *Замалеев А.Ф.* Философская мысль в средневековой Руси (XI – XVI вв.). Л., 1987.
19. *Замалеев А.Ф., Зоц В.А.* Мыслители Киевской Руси. Киев, 1987.
20. *Изборник Святослава 1073.* М., 1983.
21. *Изборник 1076 / изд. подг. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровиной, В.Г. Демьяновым, Г.Ф. Нефедовым.* М., 1965.
22. *Колесников Н.А.* Устюжна Железнопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. // *Города феодальной Руси.* М., 1966.
23. *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967.
24. «*Лаодакийское послание*» Федора Курицына // *Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века.* М., 1982. С. 538–539.
25. *Лихачев Д.С.* Проблема характера в исторических произведениях XVIII в. // *Труды отдела Древне-русской литературы.* Т. XVIII. М.-Л., 1951. С. 218–234.
26. *Лихачев Д.С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV вв.). М.-Л., 1962.
27. *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X – XVIII вв. // *Эпохи и стили.* Л., 1973.
28. *Лихачев Д.С.* Великий путь: Становление русской литературы XI – XVII веков. М., 1987.
29. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 23.
30. *Маковский Д.П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963.
31. *Маслова Г.С.* Одежда // *Этнография восточных славян. Очерки материальной культуры.* М., 1987. С. 259–291.
32. *Небылицын В.Д.* Актуальные проблемы дифференциальной психофизиологии // *Психофизические исследования индивидуальных различий.* М., 1976. С. 236–257.

33. О земном устроении // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / Подгот. текста, перевод и комментарии Г.М. Прохорова. М., 1982. С. 192–215.
34. *Овчинникова Е.С.* Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955.
35. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. М., 1955.
36. Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 // Труды учеников Н.С. Тихонравова. Вып. I. М., 1892.
37. Памятники древней письменности и искусства. Нила Сорского предание и устав. СПб., 1912.
38. *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописи соловецкой библиотеки. СПб., 1890.
39. *Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957.
40. *Пронштейн А.П., Задёра А.Г.* Ремесло // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977.
41. *Прохоров Г.М.* Памятники передовой и русской литературы XIV – XV веков. Л., 1987.
42. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. / Подгот. текста О.В. Творогова, перевод Д.С. Лихачева. М., 1978.
43. *Рабинович М.Г.* О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1948. Т. 5. № 4. С. 372–375.
44. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986.
45. *Райнов Т.* Наука в России XI – XVII веков. М.-Л., 1940.
46. *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII веке. М., 1974.
47. *Рубцов Н.Н.* История литейного производства в СССР. Ч. 1. М.-Л., 1947.
48. *Синица Н.В.* Авторское самосознание в русской литературе и общественной мысли // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 213–220.

49. *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. М.-Л., 1947.
50. *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972.
51. Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 1. «XI – первая половина XIV в.». Л., 1987.
52. *Соколов М.В.* Очерки истории психологических воззрений в России в XI – XVIII вв. М., 1963.
53. *Сперанский М.* Из истории отреченных книг. Аристотелевы врата или Тайная Тайных. СПб., 1908.
54. Тайна – Тайных // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века // Подгот. текста, перевод и коммент. Д.М. Буланина. М., 1984. С. 534–591.
55. *Тальман Е.М.* Ремесленное ученичество Москвы в XVIII в. // Исторические заметки. Кн. 27. М., 1958. С. 67–95.
56. Творения св. отца нашего Кирилла Туровского. Киев, 1880.
57. Толковая Палея 1447 года: Воспроизведение Синодальной рукописи. № 210. Вып. 1. СПб., 1892.
58. *Устюгов Н.В.* Предисловие // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961.
59. Шестоднев. Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. 1879.
60. *Шимановский В.* Сборник Святослава 1076. Варшава, 1894.

**К истории зарубежных и отечественных исследований
малой группы в социальной психологии**

Э.Г. Патрикеева (Арзамас)

Интерес к проблематике малых групп, вероятнее всего, изначален, так как фактически во всех дошедших до сегодняшних дней высказываниях и

письменных источниках, имплицитно присутствует этот объект. Все без исключения ученые, наблюдали свое ближайшее окружение, ибо в большинстве своем они были преподавателями, имели учеников, единомышленников и оппонентов. Термин «малая группа», появился относительно недавно, доказывает в своих исследованиях А.И. Донцов. С самого начала оформления социальной психологии в самостоятельную науку малая группа стала не только объектом наблюдений, но и экспериментальных исследований. Результаты одного из экспериментов опубликованы Н. Триплетом (США) в 1897 году. Многие психологи считают, что это первая публикация по экспериментальной социальной психологии. Интересен тот факт, что объектом исследования этого ученого стали спортсмены-велосипедисты, а известный каждому владельцу спортивного велосипеда – триплекс (ремешок с зажимом, соединяющий стопу велосипедиста с педалью) придуман именно этим психологом.

Известны работы по малой группе Л. Гумпловича, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Ч. Кули, Г. Тарда, Ф. Тенниса и других психологов и социологов конца XIX – начала XX веков. Француз Эмиль Дюркгейм пробудил интерес европейцев к теоретическим изысканиям. В. Меде в экспериментальных исследованиях в Германии продолжил линию Н. Триплета в Европе. Курт Левин тоже начинал свои исследования в Германии. Много работ в области социальной психологии выполнено американскими учеными (Ф. Олпорт; Ч. Барнард; Т. Ньюком; М. Шериф; В. Уайт; Ч. Кули и др.), которые исследовали процессы, происходящие в обществе, пытались объяснить специфику человеческого существования и, тем самым, прямо или косвенно создавали базис для теоретического и эмпирического исследований малых групп.

Первый этап изучения малой группы в социальной психологии ограничивался констатацией факта присутствия других, а сама группа трактовалась только как факт «присутствия»: изучалось не взаимодействие (интеракция) людей в группе, а факт их одновременного действия рядом.

Результаты таких исследований показали наличие эффекта социальной фасилитации, сущность которого сводилась к тому, что присутствие других облегчает действия каждого отдельного индивида.

Второй этап развития исследований знаменовал собой переход от изучения одновременного действия индивидов рядом в малых группах к исследованию их взаимодействия в группе. Так, было экспериментально продемонстрировано, что при условии совместной деятельности в группе проблемы решаются более корректно и эффективно, чем при их индивидуальном решении.

На *третьем этапе* исследования малых групп стали более разветвленными. Ученые обратились к изучению не только влияния группы на индивида, но и к характеристикам группы как социально-психологического феномена: исследовались структура малой группы, типы взаимодействия индивидов в группе. Совершенствовались и методы измерения различных групповых характеристик, обозначался специфический ракурс рассмотрения малой группы в социологии, социальной психологии, общей психологии. Так, если группа исследуется как своеобразный медиум, внутри которого осуществляется поведение индивида – это является содержанием *общепсихологического* подхода к изучению малых групп. Если специально исследуются свойства группы и их проявления – это предмет *социологического* исследования. Если рассматривается взаимодействие между группой как особой функциональной сущностью и индивидами, ее членами – это, преимущественно, выражение *социально-психологического* подхода к проблеме.

В результате долгих лет изучения проблематики малых групп, к началу 70-х годов XX века выдвинулось девять основных и наиболее крупных концепций и подходов, определяющих развитие групповой психологии.

1. *Теория поля* берет начало в работах К. Левина, в выдвинутом им положении о том, что поведение личности – продукт поля взаимозависимых детерминант. На этой основе сформировался ряд мини теорий,

относящихся к отдельным феноменам групповой динамики: сплоченности, социальной власти, соперничеству, сотрудничеству, внутригрупповому давлению и пр.

2. Согласно *интеракционистской концепции*, группа рассматривается здесь как система взаимодействующих индивидов, характеризующаяся индивидуальной активностью, интеракцией ее участников, спецификой их отношений. Данная концепция явно примыкает к «теории поля».

3. В русле *теории систем* группа также понимается как система, но при этом используются другие элементы ее анализа: взаимозависимость позиций и роли, «входы» и «выходы» группы как открытой системы.

4. Основным предметом исследования в *социометрической теории* является структура межличностных отношений. Социометрическая методика выступает в качестве основного метода. Однако, несмотря на то, что эта теория стимулировала проведение множества практических исследований, ее влияния на развитие теории малых групп, по мнению зарубежных специалистов, нельзя переоценивать.

5. Основой *психоаналитических концепций* выступают идеи З. Фрейда и его последователей. Внимание фиксируется на мотивационных и защитных механизмах личности.

6. Основные положения *общепсихологического подхода* о человеческом поведении применяются для анализа малых групп.

7. *Эмпирико-статистический подход*: основные понятия групповой теории выводятся на основании результатов статистики.

8. *Формально-модельный подход*: конструируются формальные модели группового поведения с использованием теории графов и теории множеств.

9. *Теория подкрепления* базируется на идеях Б. Скиннера, согласно которым поведение в группе – функция двух переменных: вознаграждений и расходов (или наказаний).

Изучение групп в России имеет давнюю традицию, уходящую корнями в XIX столетие. Так, Николай Михайлович Ядринцев за 50 лет до В. Уайта,

применив метод включенного наблюдения, собрал материал о жизни русской общины в тюрьме и ссылке. Психологи старших поколений очень высоко оценили этот материал; им пользовались не только ученые, но и литераторы.

Решающую роль в становлении отечественной социальной психологии сыграли труды В.М. Бехтерева, который еще в 1910 году первым сформулировал в русской психологии предмет и задачи «общественной психологии». Затем, в 1920 году, он подготовил книгу «Коллективная рефлексология». В ней ученый высказал ряд важных для социальной психологии идей: о функциях коллективных целей; о факторах согласования индивидуальных и выработки коллективных действий; о возникновении «соборного ума»; о типологии коллективов; о повышении мотивации трудовой деятельности посредством введения соревновательности и другие. Идеи В.М. Бехтерева имели широкий научный резонанс и стимулировали развитие эмпирических исследований в области социальной психологии.

Один из известных психологов, современник В.М. Бехтерева, Б.В. Беляев, в своих исследованиях показал, что влияние отдельных индивидуумов на принятие решения в группе зависит от того, кому принадлежат средства решения групповой задачи. Другой популярный ученый того времени – А.С. Залужный – исследовал проблему «вожачества» (лидерства) в малой группе и предложил типологию лидеров. Молодой ученый Д.Б. Эльконин в данный период развития отечественной психологии активно разрабатывал теоретические положения о природе коллектива.

В конце 20-х – начале 30-х годов появились работы крупного социального психолога, педагога и писателя Антона Семеновича Макаренко. Будучи практическим организатором перевоспитания малолетних правонарушителей, он много внимания уделял осмыслению феноменологии малой социальной группы. По характеру своей деятельности этот незаурядный исследователь не просто наблюдал и описывал социально-психологические явления в социальной группе, но и активно вмешивался в

их течение, управлял ими с позиций целеполагания того времени, по сути, осуществляя социально-психологический эксперимент.

Последние десятилетия XX века ознаменовались расширением социально-психологических исследований, активным изучением отечественными учеными зарубежного опыта в области исследования малой группы. Так, выделено три основных направления в исследовании малых групп на западной психологии: социометрическое; социологическое; «групподинамическое».

1. *Социометрическое направление* в изучении малых групп связано с именем Джакомо Морено. Глубоко исследовалась структура межличностных отношений в малой группе. Методика, предложенная Морено, широко применяется для изучения системы эмоциональных отношений в малой группе. Процедура социометрии позволяет, по мнению ее автора, выявить невидимые эмоциональные связи между членами группы, зафиксировать и измерить их в специальных матрицах, индексах, в графиках (социограммах). Применение социометрических методов позволяет достичь конкретных практических результатов в смягчении конфликтов в реальных группах, выявлять лидеров, добиваться ослабления противоречий между формальными и неформальными структурами в организациях.

2. *Социологическое направление* в изучении малых групп связывают с традицией, которая была заложена в экспериментах Элтона Мэйо. Теоретическое значение открытий Мэйо для социальной психологии состоит в том, что им был экспериментально продемонстрирован факт существования в малой группе двух типов структур – формальной и неформальной – что открывает широкую перспективу для социально-психологических исследований. Согласно Э. Мэйо, формальная группа отличается четко заданными позициями всех ее членов: они предписаны групповыми нормами. В этом случае строго распределены роли всех членов группы, система подчинения, так называемая «структура власти». В формальных группах Э. Мэйо обнаружил наличие «неформальных» или

«неформализованных» групп, которые складываются стихийно; в них ни статусы, ни роли не предписаны. Неформальная группа может возникнуть, как внутри формальной, так и «сама по себе».

3. Школа «групповой динамики» связана с именем Курта Левина. Центральная идея его «теории поля» состоит в том, что законы социального поведения следует искать через познание детерминирующих его социальных и психологических сил. Эта теория была развита применительно к науке о группах. Важнейшим методом анализа сил «психологического поля» явилось создание в лабораторных условиях групп с заданными характеристиками и последующее изучение их функционирования. Совокупность этих исследований получила название «групповой динамики». Заимствовав из физики общее представление о «поле сил», из математики – понятие «топологии», Левин использовал их в социальной психологии для обозначения социально-психологических явлений, происходящих в группе людей («атмосфера», «взаимозависимость», «дифференциация», «изменчивость» и др.).

В конце прошлого десятилетия отечественная социальная психология активно развивалась, складывались социально-психологические центры (в Санкт-Петербурге, Москве, Ярославле, Нижнем Новгороде, Костроме, Курске и пр.) ориентированные, главным образом, на проблематику малых групп и коллективов, функционирующих в сферах образования, производства, спорта и армейской службы.

В 70-е годы оформилось несколько крупных оригинальных подходов, среди которых, в силу ряда обстоятельств, наиболее активно выделялись два: это так называемая стратометрическая и параметрическая концепции коллективов. Одновременно расширилась проблематика социально-психологических исследований, появилось множество публикаций по управленческой деятельности, межгрупповым отношениям, экологии группы, групповой сплоченности, групповой психотерапии и т.п.

На современном этапе в отечественной социальной психологии выделяется, как минимум, шесть подходов и направлений к исследованию малых групп.

1. Методологический подход

Изучение любого сложного социального явления требует, в первую очередь, строгого соблюдения общих для всех наук и специфических для отдельной науки, или конкретной ее отрасли методологических принципов. Методология – система принципов, приемов и средств теоретического познания действительности. Система научных методов составляет главное содержание конкретной методологии психологической науки вообще и социальной психологии, в частности. Анализ и разработка методов психологии должны быть подчинены общей идее единства психологической науки и ее методов.

2. Деятельностный подход

В его основе лежит теория А.Н. Леонтьева. Приложение принципа деятельностного подхода к исследованию социальной группы сказалось на построении ряда социально-психологических теорий: стратометрической концепции групповой активности А.В. Петровского, программно-ролевого подхода М.Г. Ярошевского, модели социально-перцептивных процессов в совместной деятельности Г.М. Андреевой и Р.Б. Гительмахера.

3. Социометрическое направление

В развитие данного направления большой вклад внесли И.П. Волков, Н.Н. Обозов, Е.С. Кузьмин и другие исследователи, активно включавшие эмпирические методы в содержательный теоретический контекст (Я.Л. Коломенский; А.П. Сопиков и др.).

4. Параметрическая концепция

Создатель параметрической концепции, Л.И. Уманский, разработал концепцию групповой активности. Согласно данной концепции, поэтапное формирование малой групп осуществляется благодаря развитию ее важнейших социально-психологических параметров. Это направление

продолжают ученики Л.И. Уманского: А.С. Чернышев, А.Г. Кирпичник, Н.П. Фетискин, В.С. и В.Д. Сапоровские и другие.

5. Организационно-управленческий подход

В основе данного подхода к исследованию малых групп лежат представления о социальной организации и управленческой деятельности. Исследования носят выраженный прикладной характер. Самостоятельные теоретические концепции ориентированы на комплексное осмысление и интеграцию различных подходов. Этот подход представлен в работах Р.Б. Гительмахера, А.Л. Журавлева, А.Л. Свенцицкого, А.В. Филиппова, В.В. Новикова и др. Выделены новые перспективные исследовательские проблемы – изучение группового развития, рассмотрение группы как субъекта совместной деятельности.

6. Социально-перцептивное направление.

Данный подход к изучению малой группы представляют А.А. Бодалевым, Р.Б. Гительмахером, А.А. Деркачом, В.Н. Панферовым и другими.

Наметившиеся, как в зарубежной, так и отечественной социальной психологии современные тенденции показывают, что границы подходов уже не столь абсолютны, как в 70-х – 80-х годах прошлого века; они все более заметно размываются, имеет место взаимопроникновение теорий. На современном этапе развития теории малых групп разрабатываются локальные теоретические конструкции, объясняющие довольно узкий круг фактов, относящихся к тому или иному отдельному групповому феномену. В настоящее время слабо исследованы вопросы, касающиеся малой группы как элемента более крупной социальной общности. Критическим моментом в прикладном аспекте является конструирование методов изучения поведения личности в группе. Таким образом, проблематика малой группы имеет множество малоизученных, как теоретических, так и прикладных областей исследований.

Литература²⁵

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М., 2001.
2. *Андреева Г.М.* Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977.
3. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Психология малой группы: теоретические и прикладные аспекты. М., 1991.
4. *Новиков В.В.* Социальная психология: феномен и наука. М., 1998.
5. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология: Учебное пособие. СПб., 2002.
6. *Шевандрин Н.И.* Социальная психология в образовании: Учебное пособие. Ч. 1. «Концептуальные и прикладные основы социальной психологии». М., 1995.

Психология в школе (исторический экскурс)

Э.А. Сидорова (Арзамас)

Проблема преподавания психологии в школе обсуждается в Европе и в России в течение последних двух столетий. Необходимость введения психологических знаний в общеобразовательный курс учебных заведений поддерживалась многими философами, педагогами и психологами, хотя эта идея часто и отвергалась по ряду причин.

Психология как учебный предмет появилась в учебных планах российских гимназий впервые в начале XIX века. Согласно Уставу 1804 года, в русских гимназиях были введены следующие учебные курсы: в 1-ом классе – логика, во 2-ом – психология и этика, в 3-ем – эстетика и риторика, в 4-ом – народное право и политэкономия.

²⁵ Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://science.ncstu.ru>

Копируя программу зарубежной средней школы, составители Устава не учли возможности отечественной системы обучения. К тому времени психология еще не сложилась как самостоятельная наука, не было квалифицированных педагогов, отсутствовали учебники.

Учеба давалась гимназистам трудно, особенно философия и психология. Обучение носило отвлеченный характер, не было связано с реальной жизнью, строилось на зубрежке. Учебники Шада и Лодия, которыми пользовались гимназисты, были предназначены для университетов и являлись чрезмерно сложными для учащихся.

Весьма скоро в связи с общим реакционным курсом правительства Александра I психология была изъята сначала из планов Петербургской гимназии (1811), а в 1819 году психология, этика и эстетика исключены из учебных курсов всех гимназий. Тогдашний Министр просвещения, Шишков писал по этому поводу: «Система философских наук всегда ненадежна и шатка». С этого времени психология надолго исчезает из средней школы, чтобы вновь появиться лишь в 1906 году.

Период от исключения психологии из учебных планов гимназий до ее введения вновь в образовательную программу средней школе был ознаменован становлением психологии как науки. Работы К.Д. Ушинского, Н.Г. Чернышевского, И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, П.И. Ковалевского, П.Ф. Лесгафта и др. подготовили почву в русском обществе для возвращения психологии в круг обязательных общеобразовательных дисциплин.

Волна освободительного движения начала XX века, особенно события революции 1905 года, заставили, среди прочих преобразований, ввести в курс гимназии психологию и логику (1906), объединив их под названием философской пропедевтики.

Сразу же после этого в журнале «Русская школа» появляются статьи, посвященные вопросам преподавания психологии. А.П. Нечаев отстаивал необходимость эксперимента в ходе преподавания психологии в школьном курсе и разработал методическое пособие для учителей «Как преподавать

психологию». П.П. Блонский, характеризуя состояние преподавания психологии, писал в журнале «Вопросы философии и психологии» (1910), что «психология в среднюю школу только допущена, в ней она только терпится», «подготовленных учителей-специалистов мало, отведенного на прохождение курса времени мало, средств на приобретение пособий нет».

Очередной попыткой удара по психологическому образованию был разработанный совещанием при III Государственной Думе в 1912 году проект, согласно которому психология и логика объявлялись необязательными (факультативными) предметами; право принятия решения об их преподавании предоставлялось местным органам школьного управления. Ряд психологов предлагали вообще исключить психологию из программы общеобразовательной средней школы.

После Октябрьской революции психология как учебный предмет исчезла из школьных программ. Перед народным образованием стояли другие задачи – борьба с безграмотностью, введение обязательного начального образования и т.д. Отечественная психология переживала период острой борьбы с идеалистическими и вульгарно-механистическими концепциями, перестраивалась на основе диалектического материализма. Л.С. Выготский, Б.М. Теплов, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия и другие возглавили советскую психологическую науку, став ее основоположниками.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны одним из первых постановлений ЦК ВКП(б) от 3/XII 1946 года было постановление «О преподавании логики и психологии в средней школе». Им предписывалось введение логики и психологии в качестве учебных предметов в средних школах Советского Союза в течение четырех лет, начиная с 1947/48 учебного года. Уже в первые два года преподавание психологии было введено в 598 средних школах Москвы, Ленинграда, Горького, Киева, Минска, Тбилиси, Саратова, Куйбышева и ряда других городов. Была разработана учебная программа (1947) для десятых классов

средней школы по психологии в объеме 33 часов. Издано несколько учебников по психологии, подготовленных известными учеными: К.Н. Корниловым, Б.М. Тепловым, Г.А. Фортунатовым и А.В. Петровским и другими²⁶. С 1949/50 учебного года преподавание психологии вводится во всех городских школах, а с 1950/51 – и во всех сельских средних школах.

Введение психологии в школах Советского Союза потребовало быстрой подготовки необходимых педагогических кадров. Создавались краткосрочные курсы, проводились семинары для учителей психологии, курсы по повышению квалификации. Был подготовлен ряд методических пособий для преподавателей психологии в школе²⁷.

Однако в 60-х годах психология как учебный предмет в силу ряда причин вновь была выведена из школьных программ, хотя предпринимались попытки сохранить ее в форме факультатива. В июне 1968 года на I-ой Всесоюзной конференции по углубленному изучению предметов по выбору учащихся была уточнена тематика программ в том числе и факультатива «Физиология высшей нервной деятельности с основами психологии». А в 1976 году в Сборнике приказов и инструкций МП РСФСР (№ 16 от 1976 года) предложена программа факультативных курсов для средней школы «Основы педагогических знаний» и «Психология», утвержденных Министерством просвещения СССР.

Определены задачи факультативного курса:

- удовлетворить познавательные интересы учащихся в области психологии;
- способствовать формированию диалектико-материалистического мировоззрения;

²⁶ Корнилов К.Н. Психология. Учебник для средней школы. МП РСФСР. М., 1946; Теплов Б.М. Психология. Учебник для средней школы. М., 1947; Фортунатов Г.А., Петровский А.В. Психология. Учебное пособие для X класса средней школы. М., 1956 и др.

²⁷ В помощь преподавателю психологии в средней школе. Сборник методических материалов / Под ред. Б.Г. Ананьева. Л., 1948; Крутецкий В.А. Некоторые вопросы преподавания психологии в школе. М., 1956; Лейтис Н.С., Соколов Е.Н. Вопросы школьного курса психологии в свете учения И.П. Павлова / Под ред. Б.М. Теплова. М., 1951; Шеварев П.А. Иллюстрации и опыты в курсе психологии. Пособие для преподавателей психологии в средней школе. М., 1949; Самарин Ю.А. Очерки по методике преподавания психологии в средней школе. М., 1950.

– содействовать воспитанию и самовоспитанию учащихся.

В 90-е годы в России значительно возросло количество факультативных курсов по психологии в школе. В это время началась и широкая подготовка специалистов-психологов для системы образования. В каждой школе теперь есть психологическая служба, согласно «Положению о психологической службе в системе народного образования», разработанному МП РСФСР в 1989 году.

В декабре 1998 года в Москве состоялась научно-практическая конференция «Психология как учебный предмет в школе». В ней приняли участие известные психологи страны – А.В. Петровский, Р.С. Немов, Е.А. Климов, А.А. Леонтьев, И.В. Дубровина и другие. Многие из них являются авторами учебников и оригинальных программ по психологии для средней школы.

Все это делает реальностью сам факт включения психологии как учебной дисциплины в программы современной школы.

Литература

1. *Андреева А., Данилова В.* Преподавание психологии в современной школе // Вопросы психологии. 1999. № 2.
2. *Воронин Л.Г., Колбановский В.Н., Маиш Р.Д.* Физиология высшей нервной деятельности и психология. Пособие для факультативных занятий в IX – X классов. М., 1970.
3. *Карандышев В.Н.* Методика преподавания психологии: Учебное пособие. СПб., 2007.
4. Положение о психологической службе в системе народного образования. М., 1989.
5. *Попова М.В.* Психология как учебный предмет в школе: Учебно-методическое пособие. М., 2000.
6. *Самарин Ю.А.* Очерки по методике преподавания психологии в средней школе. М., 1950.

7. Сборники приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. № 16. М., 1976, июнь.
8. *Фортуатов Г.А., Петровский А.В.* Психология. Учебник для средней школы. М., 1956.

Из истории преподавания психологии в Санкт-Петербургском университете (конец XIX – начало XX века)

Э.В. Тихонова (Арзамас)

Санкт-Петербургский государственный университет был учрежден указом Петра I 28 января 1724 года. Он занимает особое место в истории отечественной психологии: именно здесь впервые в России в светских учебных заведениях началось преподавание психологии как науки.

Вторая половина XIX века выделяется как своеобразный рубежный период в развитии психологии в России. Это было время, когда в связи с университетской реформой 1863 года в русских университетах возобновилось преподавание философии, и было официально признано, что психология является философской наукой. Именно к этому моменту восходит начало формирования самобытной русской психологии, поиск путей ее построения, разработка методологии и обоснование ее предмета, отличий от других наук и специфики отечественной традиции в познании психического мира человека. Курс психологии вновь был передан с кафедры богословия на кафедру философии, что стало важным фактором в подготовке профессиональных психологических кадров.

Кафедру логики и истории философии Санкт-Петербургского университета в то время возглавлял известный профессор *Михаил Иванович Владиславлев* (1840 – 1890), крупный историк философии, оригинальный психолог, талантливый организатор гуманитарного образования. Позже Владиславлев стал деканом историко-филологического факультета (тогда

еще не было факультета психологии, он был образован только в 1966 году), а затем в 1887 году – ректором Университета.

На кафедру философии Санкт-Петербургского университета М.И. Владиславлев пришел в 1866 году. Именно тогда состоялась защита его магистерской диссертации (первой в России) по психологии на тему «Современные направления в науке о душе».

Владиславлев сыграл выдающуюся роль в развитии русской профессиональной философии и психологии. Б.Г. Ананьев отмечал, что М.И. Владиславлев, наряду с М.М. Троицким (Московский университет) и С.С. Гогоцким (Киевский университет), по сути, являлись «первыми официальными главами пореформенной университетской философии и психологии... Большинство последующих университетских психологов были в той или иной мере учениками Владиславлева или Троицкого» (Ананьев, 1947, с. 150).

Профессор Владиславлев пробудил устойчивый интерес многих своих студентов, в числе которых были А.И. Введенский, Н.Я. Грот, Э.Л. Радлов, Я.Н. Колубовский, Н.Н. Ланге и другие, к психологической проблематике. Именно благодаря М.И. Владиславлеву психология в Санкт-Петербургском университете стала одной из ведущих дисциплин.

В 1890 году на должность заведующего кафедрой философии назначается *Александр Иванович Введенский* (1856 – 1925), известный философ, психолог, логик и общественный деятель. Научные интересы Введенского были сосредоточены вокруг проблем построения психологии как самостоятельной науки. В 1914 году выходит в свет его главный психологический труд «Психология без всякой метафизики», уже в названии которого четко определялась авторская позиция: стремление к построению научной, объективной психологии, изучающей явления, находящиеся в пределах опыта. Книга сразу была замечена в научных кругах и получила положительные отзывы.

Как педагог А.И. Введенский был необычайно популярен в студенческой среде. Его уважали за принципиальность, требовательность, строгую последовательность в научных взглядах, за ясность мысли, простоту и точность изложения материала, за стремление к объективности. Для философски одаренных людей занятия у профессора Введенского служили источником развития самостоятельного, строго научного мышления. Через его школу прошли почти все наиболее выдающиеся философы и психологи дореволюционной России: Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, С.И. Поварнин, С.О. Грузенберг, С.Л. Франк, С.И. Гессен, Н.В. Болдырев, К.Ф. Жаков, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев и многие другие, кому он передал свои идеи, и кто впоследствии внес весомый вклад в развитие отечественной науки. Наиболее талантливые студенты историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета были оставлены для продолжения научной деятельности при кафедре философии. В их числе – Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, С.Л. Франк, С.И. Поварнин и другие.

Много внимания А.И. Введенский уделял развитию и распространению философских и психологических знаний, повышению философской культуры в обществе. В начале 90-х годов XIX века он становится действительным членом Психологического общества при Московском университете.

А.И. Введенский, наряду с В.С. Соловьевым, Л.М. Лопатиным, Н.Я. Гротом, Д.Н. Овсяннико-Куликовским, Э.Л. Радловым, Е.Н. и С.Н. Трубецкими, Н.Н. Ланге, Г.И. Челпановым и другими, входил в число наиболее активных сотрудников журнала «Вопросы философии и психологии». Во многом благодаря позиции и проблематике этого журнала возрастала психологическая культура общества, повышался интерес к психологическому знанию.

А.И. Введенский был инициатором и организатором Философского общества при Санкт-Петербургском университете. На первом заседании членов-учредителей Философского общества, которое состоялось 7 декабря

1897 года, он был единодушно избран его председателем и выполнял эти функции вплоть до 1921 года.

Момент образования Философского общества совпал по времени с наиболее зрелым периодом в существовании кафедры философии Санкт-Петербургского университета. Основной состав кафедры был представлен преимущественно выпускниками Санкт-Петербургского университета, большинство из которых были студентами А.И. Введенского. Среди них – И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, А.П. Нечаев, ставший впоследствии одним из основоположников экспериментальной психологии в России. С 1904 года в должности приват-доцента работал на кафедре известный логик С.И. Поварнин. В 1913 – 1914 годы в ее состав были зачислены в качестве приват-доцентов такие, ставшие известными философы и психологи, как В.Э. Сеземан, С.И. Гессен, С.Л. Франк. Перед самой революцией 1917 года приват-доцентами кафедры стали С.А. Алексеев (Аскольдов), Д.В. Болдырев и другие.

На столь многочисленной кафедре довольно мирно сосуществовали самые разнообразные философские направления. А.И. Введенский, твердо стоявший на позициях кантовского критицизма, довольно терпимо относился к различным философским взглядам своих коллег, в том числе отличавшимся от его собственных воззрений, а полемика обогащала научную жизнь кафедры и делала ее насыщенной и интересной. Впрочем, аналогичная ситуация «мировоззренческого плюрализма» существовала тогда и на других философских кафедрах российских университетов, что во многом определяло творческий характер научных разработок сотрудников и их преподавательской деятельности.

Во многом благодаря высокому уровню организации психологического образования в российских университетах в конце XIX – начале XX века психология по своей популярности и силе влияния на мировоззрение интеллигенции намного опередила другие науки.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. Л., 1947.
2. *Введенский А.И.* Психология без всякой метафизики. Изд. 2-е, испр. и дополн. Пг., 1915.
3. *Владиславлев М.И.* Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. 1 – 2. СПб., 1881.
4. *Владиславлев М.И.* Современные направления в науке о душе. СПб., 1866.

Раздел четвертый

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научно-обоснованная перспектива социализации постперестроечного «экранного поколения»

О.И. Маховская (Москва)

Б.Г. Ананьев о развитии познания средствами общения

Общественный запрос на проведение научной экспертизы телевизионного продукта во многом связан с беспокойством общественности о судьбах молодого поколения зрителей. В традиции отечественной психологии – отвечать на самые острые вопросы практики.

В условиях кризиса в отечественной психологии (Кольцова, 2004) крайне важно сохранить историческую преемственность идей, принципов и подходов, опираться на работы основателей оригинальных психологических теорий. В них аккумулированы гуманитарные традиции, отражены особенности отечественного менталитета в большей мере, чем в теориях, выросших на иной религиозной и культурной почве. К «синтетическим» фигурам в отечественной психологической науке принадлежит Б.Г. Ананьев.

Согласно Ананьеву, в круг интересов всех видов прикладной психологии должна входить личность как субъект общественного поведения и конкретных видов деятельности. Тем более это касается подрастающего поколения. Каждый индивид вместе со своим поколением включается в процесс социализации и «усваивает продукты общественного развития: определенные духовные ценности класса и эпохи, образующие путем интериоризации его внутренний мир» (Ананьев, 1969, с. 165). Через общение с поколением «отцов» и сверстников формируются определенные нравственные отношения и коммуникативные свойства личности. «Больше того, именно процессы общения, жизненный опыт совместной деятельности

составляет источник знаний человека о человеке, о людях, т.е. психологическое познание – основа самопознания и саморегуляции» (там же, с. 167).

Влияние конкретного социально-исторического контекста на развитие личности Ананьев связывал с историческим временем, в котором индивиду довелось жить, учиться и работать. События в жизни отдельного народа определяют даты исторического времени и создают системы отсчета для биографий отдельных людей.

Субъективная картина жизненного пути в самосознании человека всегда строится на основе параллели индивидуального и социального развития.

Вслед за Б.Г. Ананьевым мы считаем, что поколение может быть определено через ментальное единство, общие для его представителей механизмы и способы восприятия значимых исторических событий, которые формируют их сходный социальный опыт. Объектом интериоризации становятся типичные для поколения сценарии взаимоотношений, которые могут строиться на принципах конкуренции, прагматизма, враждебности или солидарности и сотрудничества, определяя тем самым нравственный облик поколения.

Формирование солидарных внутрипоколенческих и межпоколенческих установок можно рассматривать как важнейшую научно-практическую задачу. Она может решаться в том числе средствами телевидения или сетевого общения, учитывая влияние СМИ на умонастроения эпох и поколений. В данной работе предлагается метод апробации сценариев телепрограмм до их съемки и трансляции с учетом возраста, интересов и начальной информированности зрительской аудитории. В нашем случае – это дошкольники 4 – 6 лет, потенциальные зрители образовательной программы «Улица Сезам в России».

Отсутствие солидарности в обществе – самый большой социальный дефицит

В современной России около 70% детей воспитываются в семьях, чей достаток ниже допустимого уровня бедности. 12 миллионов российских детей живут в неполных семьях. Наиболее очевидный пример социальной изоляции – *дети-сироты и дети-инвалиды*. По официальным данным, в России около 700 тыс. сирот, из них 85% имеют живых отца или мать. По данным Государственного Доклада о положении детей в РФ, численность детей-сирот и тех, кто остался без попечения родителей, составляла 620 тыс. в 1998 году, 638,2 тыс. – в 1999 году, 662,8 тыс. – в 2000 году, 685,2 тысячи – в 2001 году. Из 685,2 тысяч детей 154,2 были усыновлены, 347,5 – находятся под опекой, 183,5 (т.е. менее ¼ от общего числа таких детей) – воспитываются в интернатах. Ежегодно выявляется более 120 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей²⁸.

На начало 2003 года число детей-инвалидов, получающих социальную пенсию и состоящих на учете в органах социальной защиты населения, составило 641,9 тыс. Заболевания, обусловившие возникновение инвалидности у детей в 2002 году, распределялись в общей картине причин инвалидности следующим образом: инфекционные и соматические заболевания – 34,5%; заболевания нервной системы – 20,6%; психические расстройства – 21,2%; врожденные аномалии развития – 18%. Если учесть, что среди врожденных аномалий высока и имеет тенденцию к росту доля хромосомных аномалий (10,2%) и аномалий центральной нервной системы (9,1%), то легко видеть, что в общей структуре нозологических причин инвалидности у детей преобладают (61,1%) психоневрологические нарушения широкого спектра и множественные нарушения развития²⁹.

²⁸ Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации» Министерства труда и социального развития. М., 2002.

²⁹ Приложение к письму Первого заместителя Министра труда и социального развития РФ (от 29.08.2003 года № 1597-П.) «Информационно-аналитический материал по проблемам детей-инвалидов», подготовленное к Парламентским слушаниям на тему «Детская инвалидность в России – необходимость совершенствования законодательства», октябрь 2003 года.

Статистика по сиротам и детям-инвалидам показывает, что они представляют собой *сообщества с ограниченными возможностями в социализации*. Отсюда задача — интегрировать их в жизнь общества. Пока, к сожалению, распространена *практика сегрегации* этих детей. Они редко выходят на улицу. Обычные дети с ними почти не встречаются ни в жизни, ни в кино, ни на экранах телевидения. Нет специальной литературы, и отсутствуют публичные дискуссии о проблемах детей, живущих в условиях социальных ограничений и психологической депривации. Практика их усыновления не распространена. То, что в России не выработана культура поддержки людей, нуждающихся в помощи, может стать причиной роста социальной дезинтеграции и, безусловно, является фактором, отрицательно воздействующим на нравственное состояние общества.

Особенность социализации постперестроечного поколения

Социализация – это процесс усвоения детьми культурно-значимых, релевантных сценариев взаимоотношений между людьми. Процесс усвоения сценариев может происходить по типу научения (А. Бандура), врожденного наследования (З. Фрейд), интериоризации (Л.С. Выготский), нецеленаправленного обучения (П. Бурдые).

Анализ ситуаций развития в постперестроечной России показывает, что дети растут и развиваются в условиях ломки традиционных сценариев воспитания и образования, столкновения различных культурных, религиозных стратегий взаимодействия. В условиях резких социальных перемен нарушается преемственность поколений, потому что происходит сознательный отказ от старых, традиционных сценариев, а новые еще не апробированы. Возникает ситуация «экзистенциального вакуума» (Франкл, 1990), аномии, когда одни нормы входят в противоречие с другими (Дюркгейм, 1994). Специфика социализации современного российского ребенка состоит в том, что он растет в условиях снижения роли *непосредственных вертикальных социализаторов* (родители, другие члены семьи, воспитатели в детском саду) и повышения роли *горизонтальных*

социализаторов. Особое значение приобретают *дистантные* социализаторы, к которым относится телевидение и Интернет. Есть основания считать, что мы вырастили «*экранное поколение*». В условиях, когда родители заняты добыванием средств для существования, дети часто остаются на воспитании «*теленяни*», от которой они впервые получают важнейшие сведения о жизни.

Дети мало играют в ролевые игры, и в результате у них не развивается такое важное новообразование детского возраста, как воображение (Кудрявцев и др., 2005). Эти изменения и противоречия не отрефлексированы и не принимаются во внимание ни родителями, ни педагогами, т.е. ключевыми взрослыми социализаторами. Более того, многие очевидные проблемы (развод родителей, теракты в стране, общение с детьми из неблагополучных семей и пр.) замалчиваются, что оставляет ребенка в фатальном для него одиночестве, а в перспективе может сделать его зависимым от случайных авторитетов. Но если сценарии взаимодействия с ближайшим окружением диктуются семейной традицией, то отношения с новыми, нетрадиционными персонажами (в нашем случае, детьми из других социальных групп), складывается стихийно, или остаются неопределенным, подпитывая неустойчивую самооценку, неуверенность и отрицательную идентичность самого ребенка.

С этой точки зрения правомерно говорить о феномене «социально-психологической отвызанности детей перестройки»: у них не формируется прочная, устойчивая, позитивная психологическая связь ни с одним из членов семьи, а позже, – ни с одной социальной группой. По нашим данным, этот феномен не зависит от уровня достатка, социального статуса и этнической принадлежности семьи.

Самым мощным источником распространения новых, культурно-релевантных сценариев (позитивных моделей) поведения российских детей может стать телевидение, которое, к сожалению, до сих пор выполняло прямо противоположную роль.

Телевизионный сценарий – психологический инструмент формирования солидарных установок в обществе

На российское телевидение психологов, как правило, приглашают для участия в ток-шоу в качестве обычных персонажей. Между тем, их помощь телевидению могла быть куда более эффективной, если бы они привлекались к формированию содержания программ. Сценарии традиционно являются вотчиной сценаристов. Прогнозом и профилактикой негативных, а также моделированием позитивных психологических эффектов сценариев не занимается никто. Еще совсем недавно у нас в стране не учитывались возрастные, половые, социальные и психологические особенности зрителей. Трансляция телепрограмм шла через центральные каналы, и каждая из них была адресована «всем». У зрителя не было выбора; он принужден был смотреть то, что смотрели все.

Типичный производственный процесс на телевидении начинается с автора программы и сценаристов, которые создают концепцию и формат программы, а также базовые или образцовые сценарии. Никто из них не отчитывается перед продюсером о психологических эффектах, последствиях программы, о том, насколько созданный их воображением мир отражает реальные проблемы зрителей, на которых направлена телепередача. Происходит это также потому, что продюсер выступает в качестве последней инстанции и ни перед кем не отчитывается. Понятно, что при таком подходе с самого начала программа зависит от кругозора, информированности, моральных установок и таланта авторов, а также их представления о зрителях, которым адресован телевизионный продукт. Психологический анализ и моделирование сценариев телепрограмм – новая научно-практическая задача, у которой на сегодняшний день уже есть своя теоретическая предыстория.

Интерес к сценариям в гуманитарных науках возрожден теорией габитуса французского социолога Пьера Бурдьё. Под габитусом он понимает скрытые, плохо осознаваемые сценарии, которые влияют на поведение

детей, несмотря на усилия всех институтов воспитания и образования. Неосознанные или плохо артикулированные в сознании людей сценарии (архетипы) интересовали раньше психоанализ (З. Фрейд и его последователи). Они стали предметом описаний в транзакционном анализе (Э. Берн). Оба подхода на практике пытались инвентаризировать культурные сценарии, которые оказывают наибольшее влияние на психологическое благополучие отдельного человека. Считается, что количество таких сценариев ограничено.

В отечественной культурно-исторической традиции указывалось на то, что, осваивая сценарии, обучаясь мыслить сюжетно, человек овладевает своим поведением и научается формировать свою биографию (Ю. Лотман), т.е. их можно отнести к «культурно-историческим орудиям» (Л.С. Выготский), с помощью которых взрослые учат детей овладевать своей внутренней и внешней деятельностью. Огромный потенциал анализа и формирования сценариев содержится в теории М. Бахтина. Психологи, последователи М. Бахтина, рассматривают сценарии как сложную ментальную репрезентацию, отражающую стратегии взаимодействия «актеров», их идентичность, совместные цели, действия, скрытые установки. В сценарии включены позиции героев программ (амплуа), их идентичность, «инструкции» поведения в драматургически важных ситуациях.

Очевидно, что сценарии различаются по уровню обобщения, культурной значимости и распространенности. Сценарии большой общекультурной значимости содержат примеры межпоколенческих и внутрипоколенческих конфликтов и солидарного поведения.

Опыт образовательного проекта «Улица Сезам в России»

С 2004 по 2006 годы под патронажем Министерства образования РФ функционировал семинар экспертов по российскому детству, цель которого состояла в том, чтобы разрабатывать критерии оценки и контроля содержания образовательных ТВ-программ для детей-дошкольников. Первым опытом стала известная в мире образовательная программа для

детей дошкольников «Улица Сезам», которая вот уже четвертый сезон выходит на телевизионные экраны на канале СТС. «Улица Сезам» – это продукт американской компании Sesame Workshop, политика которой состоит в том, чтобы при разработке содержания программ основываться на данных полевых исследований, учитывать запросы и образовательные традиции страны показа. Компания распространяет этот проект в 150 странах мира. Каждый раз производству предшествуют консультации с экспертами по проблемам детства страны показа – воспитателями, психологами, педагогами, врачами. Консультации проходят в виде интервью, анкет, круглых столов и семинаров. На базе исследований формируется подробный (порядка 100 позиций) образовательный и тематический планы, в рамках которых предстоит работать сценаристам. Таким образом, производственной, креативной фазе написания сценариев предшествует большая исследовательская работа, а написание сценариев сопровождается активными консультациями с психологами.

Требования к сюжетам детских программ в рамках проекта «Улица Сезам»:

- Учет лексики детей.
- Простота и ясность изложения (с этой целью используется прием многократного упрощения сюжета несколькими специалистами, участниками сценарной и исследовательской групп).
- Учет возрастных особенностей детей, их уровня понимания, возможностей усвоения материала и устойчивости внимания. (Для сценаристов, которые пишут для детей, разработаны и подвергаются постоянному контролю психологические требования к написанию сюжетов, образцы удачных сюжетов и видеороликов).
- Разработка сюжетов при участии двух супервизоров – шеф-редактора, который контролирует соблюдение требований драматургии, и психолога-исследователя, отслеживающего требования

психологического соответствия возрасту, образовательным задачам проекта.

В четвертом (2006 – 2007) сезоне для телевизионного моделирования было выбрано две группы риска: *дети-сироты и дети-инвалиды*. Общая концепция сериала состояла в том, чтобы на основании данных исследования создать персонажи, значимые ситуации и поведение в них, которые бы демонстрировали дошкольникам, как можно помочь и поддержать ребенка из группы риска, пригласить его к игре. Основным персонажем 104 студийных сюжетов был усыновленный мальчик-шестилетка Коля, а в гости к детям на улицу Сезам приходили и приезжали дети из разных социальных и этнических групп, в том числе и дети-инвалиды. Параллельно со съемками проводилось формативное тестирование четырех сюжетов, в которых обыгрывались темы усыновления и инвалидности: сюжет № 1 «Усыновление» (семья на улице Сезам усыновляет мальчика Колю, дети обсуждают его приезд); сюжет № 2 «Фотоальбом» (Коля рассказывает о своей жизни в детском доме, показывая фотографии детям); сюжет № 3 «Пинг-Понг» (мальчик Дима в инвалидной коляске играет с детьми в пинг-понг); сюжет № 4 «Баскетбол» (глухонемой мальчик Тимофей играет с детьми в баскетбол). Исследование называется формативным потому, что, с точки зрения телевизионных сценаристов, в нем уточняется формат программы, с точки зрения психологов – психологическое содержание программ.

Цели исследования:

- Проверить, насколько выбранные темы и отснятый по ним материал понятен, интересен детям-дошкольникам?
- Каков уровень их спонтанного восприятия и понимания сюжетов, каковы психологические характеристики детей-сирот и детей-инвалидов?

- Какова психологическая дистанция между детьми и персонажами сюжетов, их сверстниками; готовы ли они играть со своими необычными сверстниками; насколько они мотивированы общаться?

Организация и методы исследования

В исследовании принимало участие шесть групп дошкольников 4-х, 5-и 6-и лет из обычных детских садов г. Москвы и г. Воронежа – по 10 человек в каждой группе, примерно сбалансированной по полу и возрасту.

Стимульный материал: скриншоты (видеокадры) основных персонажей сюжетов; адаптированные для чтения вслух сценарии сюжетов; видеоролики с сюжетами; изображение инвалидной коляски.

Организация исследования потребовала задействования дополнительных технических возможностей. Проведение видеосессий в детских садах – новый метод, равно как и интервьюирование маленьких зрителей. Острота тематики смущала, как некоторых воспитателей, так и родителей. Потребовалась особая разъяснительная работа, чтобы получить разрешение Министерства образования и сформировать группы детей, участников исследования. В качестве дополнительного поощрения (мотивации) детям дарились в конце сессий мягкие игрушки.

Перед началом сессии проводилась «разминка», в ходе которой детям раздавались значки с их именами, и предлагалось «написать» имя или слово. Тем самым обследуемые могли продемонстрировать свои способности.

Результаты пересказа сюжетов оценивались количественно благодаря кодированию текстов интервью. Учитывались следующие показатели:

- воспроизведение названий сюжетов;
- описание и понимание сюжета в целом;
- воспроизведение имен персонажей;
- понимание мотивов существенных действий персонажей сюжета;
- понимание, чем закончилась игра и т.д.

Набор показателей для каждого из сюжетов определялся отдельно. Все качественные данные кодировались по шкале Interrater Reliability. Сюжеты

оценивались и сопоставлялись по шкалам «эмоционально – информативно», «понятно – не понятно». Сопоставление давалось в относительных комплексных показателях. Чем больше ответов на вопросы давали дети, тем более ясным, понятным и информативным был сюжет. Чем больше экспрессивных реакций и оценочных суждений реакций вызывает сюжет, тем более он эмоционален. При оценке сюжетов мы опирались на интуитивное ощущение баланса между занимательностью и информативностью сюжета.

Результаты исследования

1. У российских детей-дошкольников не сформированы представления о сиротстве и инвалидности – ни стереотипные, ни элементарные. Вместе с тем из-за того, что взрослые вообще не говорят с детьми на «острые» темы, у них отсутствуют и негативные стереотипы. Телевизионные сюжеты об усыновленных сверстниках и детях-инвалидах стали для них самым первым источником сведений о проблеме, с которой им придется столкнуться, когда они вырастут.

Большинство участников исследования не знали вообще, что обозначает слово «усыновление» (90%). До проведения исследования только 10% ответили: *«Это, когда детей усыновляют»*. Относительная осведомленность значительно увеличивалась по мере взросления детей: с 0% – для 4-х и 5-и лет, до 30% – для 6-и лет. В целом контактность и уровень понимания у детей быстро нарастали в группах от 4-х до 6-и лет. Среди тех, кто был знаком со словом «усыновление», никто на начальной стадии исследования не понимал точного значения этого слова. Дети говорили, что усыновление – это *«когда усыновляют»*, но им непонятна была предыстория этого явления. Они не фиксировались на том, что дети рождаются одними родителями, а живут в другой семье. В ходе работы дети усваивали и другие существенные признаки усыновления, о чем свидетельствуют их ответы: *«Ребенок становится членом семьи»; «раньше он жил в детском доме»; «его родила мама, а потом она не смогла его воспитывать»; «ребенка взяли из детского дома, где много детей без родителей»*.

В целом дети не демонстрировали негативного отношения к усыновлению, не связывали бедность и сиротство, не считали, что усыновленные дети – это ущербные дети, т.е. не воспроизводили стереотипов, которые прививаются этому социальному явлению взрослыми. *«Усыновление – это когда, ребенок становится членом семьи»*, – ответила девочка 6 лет (Москва). Только одна шестилетняя девочка из Воронежа заметила: *«Детский дом – это когда у детей одна игрушка для всех!»*.

2. Дети всех возрастов (83%) знакомы с общим видом инвалидной коляски. Они легко узнавали инвалидную коляску, предъявленную им на слайде, но 46,7% из них считали, что она предназначена для временного пользования: если ребенок или взрослый сломает ногу. Только 26,3% детей шестилетнего возраста предполагали, что инвалидная коляска для инвалидов, т.е. для людей, у которых существуют постоянные проблемы в передвижении. 6,7% детей вспоминали, что такие коляски предназначены для старых людей, *«которые уже не могут ходить»*.

3. Никакой шоковой реакции у детей информация об усыновлении и инвалидности не вызывала. Мы можем предположить, что страхи и паника вокруг проблемы усыновления, которые демонстрируют взрослые, являются навязанными, «выученными», «приобретенными позже». Среди оригинальных определений «детского дома» можно назвать следующие: *«Детский дом – это место, где живет много детей. У них не хватает игрушек»* (девочка 6 лет, Воронеж); *«Усыновление – наказание за непослушание»* (мальчик 6 лет, Воронеж).

4. После просмотра сюжетов на темы усыновления и инвалидности дети получали более полное представление о том, что такое усыновление и инвалидность. Распределение в понимании было следующим: 25% четырехлетних детей уверено отвечали, что усыновление, *«это когда ребенка берут в семью»*; в группах шестилеток этот показатель возрос до 85%. Шестилетки демонстрировали понимание того, что *«ребенка берут навсегда»*, а не просто на праздники или выходные. Практически у всех детей

персонаж вызывал яркие положительные эмоции и желание с ним познакомиться и поиграть.

5. Детям всех возрастных групп трудно запоминать и воспроизводить историю персонажей. Даже после рассказа о том, что усыновленный мальчик Коля раньше жил в детском доме, без родителей, а до этого у него были другие папа и мама, дети путали понятия «детский дом» и «детский сад», а на вопрос: «Кто родители Коли?», указывали только тех, кого они видели на экране. Разработка сюжета «Фотоальбом» с фотографиями из детского дома, где жил Коля, не привела к значительному увеличению детей, понимающих, что такое «детский дом». Детей больше интересовал сам мальчик, возможность с ним поиграть, а не предыстория его усыновления.

У этих и других данных есть несколько важных образовательных последствий: дети открыто, положительно, с интересом относятся к любому новому персонажу приблизительно их возраста. У дошкольников слабо сформировано сюжетное мышление; они демонстрируют готовность выстраивать отношения «здесь и теперь», в «пределах видимости», опираясь не на знание о представителях других групп, а на чувства симпатии – антипатии и условную возможность играть со своим сверстником. Соответственно, если ребенок-инвалид прикован к коляске, и не может самостоятельно передвигаться, он вызывает меньше интереса.

Не обнаружено значимых гендерных различий в отношении детей-инвалидов и детей-сирот, персонажей сюжетов, несмотря на то, что все они были мальчиками.

По данным исследования были внесены исправления в сценарий. По настоянию психологов были усилены акценты (через повторы разными персонажами) на том, что усыновление – это прием ребенка в семью навсегда, что он становится приемным сыном и у него появляются постоянные друзья, свой уголок, кровать, игрушки, а те, кто его берут, – его новые папа и мама. Отдельный сюжет был написан на тему «Детский дом», а в сценарий введены такие признаки, как «дети все время живут в

детском доме, здесь они играют и спят», «у Коли (персонажа сюжета) была мама и папа, но потом им пришлось оставить сына в детском доме и уехать далеко работать». «Новые папа и мама очень хотели сына; они его любят и будут о нем заботиться».

Косвенная оценка вовлеченности детей в просмотр программы осуществлялась с помощью синхронной видеосъемки, с перерывами в 15 секунд, и оценки видеок кадров с использованием EOS (eyes-on-screen)-индекса. Характеристики, которые оценивались, – направленность взгляда ребенка (на экран, в сторону, на своего сверстника, на исследователя); содержание и модальность (позитивная – негативная) эмоциональной реакции; поведение детей во время просмотра (играет, хлопает в ладоши и т.д.).

EOS у всех детей оказался очень высоким, не ниже 73%, в среднем – 93%. Предъявляемые сюжеты различались по степени эмоциональной вовлеченности детей, что позволяет сразу определить «слабое звено» в ряде сюжетов. Наиболее распространенными поведенческими реакциями оказались: смех, обращение к персонажам на экране, подпевание в такт музыки. Низкие показатели EOS, отсутствие ярких эмоциональных реакций мы встретили, когда детям был показан сюжет «Пинг-Понг», в котором герой был ребенком-инвалидом, но более старшего, чем они, возраста, – 12-и лет. Этот опыт показывает, что нейтральную реакцию и отсутствие интереса вызывает не сам факт инвалидности, а степень психологической близости с персонажем, возможность идентифицироваться с ним. Этот сюжет был удален из набора сюжетов для показа как неудачный. Хотя показатели вовлеченности формальные, сродни рейтинговому, создатели образовательных сюжетов исходят из того, что требования привлекательности детских сюжетов более важны, чем взрослых, поскольку у детей еще не сформировано произвольное внимание, а рядом, как правило, не бывает взрослого, который мотивировал бы просмотр сюжетов ребенком.

Вывод

Таким образом, образовательные телевизионные проекты, тематические сценарии и программы могут быть эффективными психологически и культурно обоснованными инструментами («культурными орудиями») формирования положительного образа сверстников из групп риска. В сценарии могут быть заложены установки на солидарность с другими социальными группами, а также социальные навыки взаимодействия, которые могут стать основой позитивных отношений и сотрудничества будущих граждан России.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1969.
3. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
4. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
5. *Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К., Кириллов, И.Л.* Личностный рост ребенка в дошкольном образовании. М., 2005.
6. *Лотман Ю.* Структура художественного текста. М., 1970.
7. *Маховская О.* О чем говорить с ребенком? М., 2008.
8. *Маховская О., Мирная А.* Пример психологического сопровождения международных детских ТВ-проектов: «Улица Сезам в России» // Прикладная психология. 2006. № 6(3).
9. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
10. *Bronfenbrenner U.* Two words of Childhood: The USA and USSR. N.Y., 1977.

Современный терроризм: состояние и тенденции

В.А. Соснин (Москва)

Введение

Основания терроризма многообразны; как системный феномен он обусловлен историческими, политическими, экономическими, социальными и психологическими детерминантами (Кива, Федоров, 2003; Лунев, 2004; Виктюк, 1993; Паин, 2002; Blumberg, 2002 и др.). При этом его психологические детерминанты изучены менее всего, хотя им, несомненно, принадлежит важнейшая роль.

Терроризм стал обычным явлением после окончания Второй мировой войны. Главными силами и процессами, обусловившими его развитие, явились: *холодная война, антиколониальные движения и интенсивное развитие средств массовой коммуникации*, особенно телевизионной среды.

Открытой конфронтации между супердержавами Восточного и Западного блоков удалось избежать в силу осознания того, что их прямое столкновение могло превратиться в глобальный ядерный конфликт. Вместе с тем это привело к росту замещающих кровавых конфликтов на всем земном шаре. Кроме насаждения, поддержки и вооружения супердержавами авторитарных деспотических режимов, способных осуществлять государственный террор, происходило автономное возникновение мятежных вооруженных групп на территории Латинской Америки, Африки, Европы и Азии³⁰.

Важным фактором мирового развития в XX веке становится крушение колониальных империй и возникновение националистических групп, стремящихся изгнать «иностраных хозяев» из своих стран. В колониальных бастионах-анклавах в Латинской Америке, Азии, на Ближнем Востоке Англия, Франция, Германия и другие империалистические государства внезапно обнаружили «беспокойное» и непокорное население. Назрело время для активизации националистических групп, стремящихся к восстановлению суверенности или достижению власти в своих собственных странах. Однако их ресурсы были ограничены, и обычная война против

³⁰ Обзор и характеристика ряда подобных террористических движений в Европе и других регионах мира, описание их групповой психологической динамики см., напр.: *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind* / Ed. by W. Reich. Washington, , 1998.

стран, победивших во Второй мировой войне, являлась для них бесперспективной. Отсюда – обращение к терроризму как неадекватному, но, как им представлялось, единственному средству противостояния «слабому» «сильному». Они полагали, что посредством террористических актов можно, с одной стороны, заставить колониальные державы переосмыслить цену своего продолжительного владычества, с другой, – поддержать стремление других зависимых народов к освободительной борьбе.

Последним фактором роста террористической активности во второй половине XX века явился взрывной рост международных средств массовой коммуникации. В начале XIX века наиболее быстрый способ «донесения» информации зависел от скорости передвижения лошади. К концу XIX века информационные послания стали распространяться по радио и телеграфу. С развитием TV в XX веке возникла возможность информировать большие массы населения очень быстро, насаждая при этом нередко агрессивные идеи.

Не останавливаясь на анализе проявления терроризма в истории человеческой цивилизации (об этом см., напр.: Будницкий, 2000), рассмотрим социально-психологический аспект проблемы как наиболее важный и, одновременно, наименее изученный (см. Кольцова, Нестик, Соснин, 2006).

Социально-психологические основания терроризма

Каждый индивид может иметь свои личные причины вступления в террористическую группу. Однако в социально-психологическом анализе важно выявить группы факторов, способствующих возникновению террористических образований. В этой связи в работе основное внимание будет сконцентрировано на выделении социальных и политических структурных оснований, связанных с базовыми социальными потребностями людей и выступающими в качестве причин возникновения современного терроризма.

Конфликт является первичным источником всех форм терроризма. Он возникает тогда, когда два или более субъектов (индивидов или групп) имеют взаимно исключающие цели (Соснин, 1979; Burton, 1990). Каковы же условия, которые побуждают людей выбирать экстремальную тактику терроризма? Психологи выделяют четыре категории мотивов и потребностей в качестве базовых оснований и причин, способствующих возникновению терроризма (Burton, 1987).

Первая из них – это *биологическая потребность* в необходимых источниках жизнеобеспечения (в пище, здоровье, наличии «крыши над головой» для себя и семьи и т.д.), актуализирующаяся в связи с *«трудными жизненными условиями»* (Staub, 2001). Гигантский разрыв между имущими и неимущими людьми во многих странах и регионах мира – источник образования различных повстанческих и террористических групп. Люди, которые фактически не имеют жизненных материальных ресурсов (и поэтому почти ничего не теряют), становятся первыми кандидатами для вступления в экстремистские организации, которые обещают им лучшие условия жизни при условии, что имущие будут лишены власти.

Вторая базовая потребность – это *потребность в безопасности*, отсутствие удовлетворения которой зачастую ведет к возникновению страха (Christie, 1997). Состояние страха может иметь реалистическую основу или быть следствием субъективного преувеличения опасности. Чрезмерно преувеличенные страхи основаны на искажении реальности до такой степени, что она сама начинает восприниматься и оцениваться через призму этих страхов. Это, свою очередь, может приводить к неадекватным мерам противодействия, в частности, к экстремальному эмоциональному реагированию на потенциальный источник опасности, блокирующему рациональный анализ ситуации. На этой основе формируется образ «коварного врага» или «козла отпущения». Соответственно, преувеличенный страх может также приводить к эскалации насилия как ответной реакции на угрозу.

Третья базовая социальная потребность – это *потребность в самореализации*, т.е. в способности реализовать свои потенциалы и возможности, принимать самостоятельные решения в отношении своей жизни, способов достижения счастья. Многочисленные повстанческие группы, стремящиеся либо к политической власти, либо к автономии, представляют собой яркую иллюстрацию этого основания возникновения терроризма (например, террористические группы Шри-Ланки, Чечни, Кашмира, соперничающие группировки в Анголе и других частях Южной Африки). По сути, потребность в самоопределении – это проблема власти. Страх потерять власть или желание ее приобрести, по-видимому, являются причинами государственного терроризма, т.е. использования властными структурами террористических тактик против собственного населения, чтобы удержать его в подчинении.

Четвертой базовой потребностью является *потребность в социальном признании и уважении*, т.е. в признании другими социальными общностями ценности собственной группы, своих этнических, религиозных и культурных ценностей. Некоторые конфликты, основанные на потребности в социальном признании и уважении, имеют длительную историю³¹.

Возрастающая значимость потребности в уважении социокультурной идентичности является следствием двух социально-политических факторов: во-первых, навязываемой «законности» национальных границ, установленных колониальными империями и не совпадающих с исторически существовавшими этническими географическими границами; во-вторых, затухания (по крайней мере, видимого) соперничества между двумя сверхдержавами мира, последовавшего после развала Советского Союза в конце 1980-х годов.

Уменьшение противоборства между США и СССР оставило на «произвол судьбы» многие этнические антагонизмы, которые были скрыты

³¹ Например, конфликт в Северной Ирландии между католиками и протестантами имеет трехсотлетнюю историю. Его суть – в попытках католиков преодолеть доминирование протестантов в политических и экономических структурах Северной Ирландии (Pick, 2001).

под «покровом» конфликта между капитализмом и коммунизмом. Бесконтрольное перераспределение политической власти в различных странах было невозможно в период конфронтации Восточного и Западного блоков. Ситуация принципиально изменилась в 1990-е годы, когда исчезли сдерживающие силы и стало невозможным сохранять в состоянии искусственного «замораживания» потребность в признании и уважении этнокультурных групп и народов.

Подводя итог краткому анализу базовых социальных потребностей людей, неудовлетворение которых способствует возникновению терроризма, следует констатировать следующее. Если объединить вместе трудные жизненные условия, отсутствие безопасности и возможности самоопределения, девальвацию традиционных ценностей социокультурной группы, то в итоге создается «благодатная почва» для формирования экстремистской идеологии и террористической активности.

Социальные и социально-психологические индикаторы коллективного насилия как детерминанты террористической деятельности

Поскольку понятие «насилие» является ключевым в понимании истоков терроризма, представляется оправданным выявление социальных условий, культурных детерминант и специфики межгруппового взаимодействия, определяющих проявление коллективного насилия.

Отправным пунктом в возникновении массового насилия являются социальные условия в обществе: кризисные явления в области экономики; затяжные политические конфликты; кардинальные социально-культурные изменения и т.д. Эти факторы оказывают фрустрирующее психологическое воздействие, блокируя удовлетворение базовых потребностей людей. Возникшие в обществе противоречия неизбежно проявляются в психологии взаимодействия групп в виде взаимного недоверия, неприятия, негативной оценки и страхов. Конфликты между группами, особенно насильственные и интенсивные, еще более ухудшают жизнь значительной массы населения.

Доминантные группы, сталкиваясь с требованиями подчиненных групп, защищают не только свои привилегии и права, но также собственную безопасность, идентичность и мировоззрение. Вместе с тем, в настоящее время, когда СМИ позволяют обездоленным людям сравнивать себя с благополучными гражданами и транслируют образцы «хорошей жизни», переживание своего угнетенного положения и беспомощности может приобретать интенсивный характер. Возникает чувство несправедливости и формируется стремление изменить общественный строй, порождающий ее.

Разрешение социальных конфликтов и неудовлетворенности жизнью порождает сложную групповую и межгрупповую динамику, проявляющуюся в разнообразных формах.

Один из способов, к которому прибегают люди, чтобы справиться с трудными жизненными условиями или групповыми конфликтами, сохранить свою безопасность и идентичность, – обращение за помощью и поддержкой к каким-либо иным группам. Это могут быть более сильные группы своего этноса, политические и идеологические движения или религиозное объединения. Кроме того, люди могут защищать себя, укрепляя собственную группу – расширяя ее ресурсы, отстаивая групповые ценности, идеалы, традиции – или нанося моральный и физический ущерб другим людям и группам (Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Austin, 1986; Tajfel, Turner, 1978).

Групповым процессом, способствующим индивидуальной и групповой защите и формированию психологической основы для оправдания насилия, является превращение другой группы в «козла отпущения» с возложением на нее ответственности за существующие жизненные проблемы и трудности. Это, в свою очередь, дает возможность как-то объяснить сложившуюся в обществе ситуацию и приводит к формированию образа врага, по отношению к которому считается оправданным применение любого насилия.

Следует отметить, что степень реальной ответственности группы за те или иные социальные катаклизмы может существенно отличаться от той, которую ей приписывают³². Однако это не означает, что действие этого социально-психологического механизма в возникновении группового насилия и терроризма всегда не имеет объективной основы, представляя собой исключительно вид групповой психологической защиты³³.

Использование идеологий является еще одной групповой реакцией на провоцирующие условия жизни. У людей есть представления об идеальном социальном устройстве, обеспечивающем жизненное благополучие для своей группы, либо для всего человечества. При этом идеологические представления, возникающие в ответ на трудные условия жизни или групповые конфликты, зачастую, носят деструктивный характер. Подобные идеологии направлены, как правило, на противопоставление себя другим («чужим») и ориентированы на их насильственное уничтожение. В терроризме идеологический фактор играет решающую роль.

Религия также может рассматриваться как определенная идеология, включающая совокупность представлений о достижении лучшего мира через создание такого общественного устройства и образа жизни, которое соответствует ее нормам и предписаниям. Она часто использовалась и используется лидерами противоборствующих групп в межнациональной борьбе, даже в случае, если они не являются ее сторонниками, в

³² В этом отношении историческим примером явились евреи, на которых возлагали ответственность за поражение Германии в Первой мировой войне, что развязало нацистам «руки» для организации их геноцида в преддверии и во время Второй мировой войны. Аналогичным примером действия этого психологического механизма в наше время является тенденция тотального обвинения русских представителями ряда других этнокультурных групп бывшего Советского Союза за все беды и трудности, возникшие после развала страны.

³³ Показательным в этой связи является пример с Америкой, которая в настоящее время рассматривается гражданами многих арабских стран как виновник всех их проблем и трудностей. Более того, арабы являются не единственными, кто оценивает современный терроризм против США как ответную реакцию за проводимую ими международную политику. Так, телефонный опрос 275 общественных деятелей высокого ранга в 24-х странах мира, проведенный газетой «*International Herald Tribune*» совместно с одним из исследовательских центров, спустя месяц после событий 9 сентября, показал следующие результаты. Мнение об ответственности США за возникновение терроризма разделяют около 76% опрошенных в исламских странах; 36% – в Западной Европе; по 50% – в странах Азии, Латинской Америки и Восточной Европы (McCauley, 2005).

прагматических целях как средство идентификации других как врагов и консолидации членов своей группы.

Процесс формирования внешнего врага, получающий идеологическое обоснование и подпитываемый трудными жизненными условиями, приводит к нарастанию межгруппового противостояния и враждебности, а, в итоге, – к использованию насилия. Так начинается развитие конфликта по деструктивному руслу. Параллельно усиливается процесс «моральной экскатегоризации» – исключения враждебной группы из категории «*homo sapiens*», т.е. из «морального пространства», в котором взаимоотношения регулируются общечеловеческими ценностями и нормами. В конечном счете, происходит полное исключение моральных регуляторов – уничтожение врага любыми средствами превращается в доминирующий принцип, который начинает восприниматься как правильный и морально оправданный.

Аналогичная эволюция происходит и в террористических группах. Они также начинают свою деятельность с массовой идеологической обработки их активных участников и сторонников.

В этом плане примером может служить террористическая группа Бадера – Мейнхофа в Германии (подробнее см. Reich, 1998). Один из ее лидеров, Ульрика Мейнхоф, начинала с участия в студенческих демонстрациях против размещения Соединенными штатами ядерного оружия в Европе. После формирования группы первоначально ее деятельность сводилась к чисто политическим акциям. Однако осознание трудности осуществления поставленных целей легальными демократическими средствами повлекло за собой радикализацию группы и превращение ее в террористическую организацию. Тенденция радикализации характерна для внутренней динамики функционирования террористической группы: чтобы достичь определенного социального статуса, члены группы прибегают к использованию все более экстремистских действий. В свою очередь, использование насилия, нанесение ущерба врагу постепенно вытесняет

другие средства воздействия и становится высшей и единственной целью. У членов группы формируется фанатическая приверженность достижению главной цели – реализации постулатов идеологии путем уничтожения противника. Фанатизм, по существу означает, что конкретная цель приобретает высшую ценность, и действия человека направлены на ее безусловную реализацию, всецело детерминированы ею.

Террористы-самоубийцы являются примером полного подчинения и беззаветного служения «великой» цели, вплоть до принесения ей в жертву собственной жизни. Подобная установка усиливается и «психологически облегчается» в условиях, когда общество в целом, высоко оценивает и идеализирует жертвенность ради высшей цели. Религиозные убеждения, подкрепляя действия комикадзе идей, что он получит за свой «подвиг» награду на небесах, усиливают мотив жертвенности и героизируют акт ее осуществления. Мистические представления могут доходить до такой степени, что человек, совершающий самоубийство, остается убежденным в том, что и после смерти он останется живым.

Таким образом, убеждения и идеологические нормы психологически объединяются в единый симптомокомплекс, который формирует динамику функционирования, как больших, так и малых групп, совершающих акты насилия.

Терроризма в России: история и современное состояние

Терроризм в России имеет длительную историю. Он проявлялся в деятельности революционных групп и движений царской России в XIX – начале XX веков; в межэтнических конфликтах; в форме этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе в ходе Кавказской войны и после ее завершения, в практике государственного терроризма после 1917 года³⁴.

³⁴ Естественно, проблему терроризма в современной России нельзя обособлять от тенденций цивилизационного развития: изменения глобальной геополитической социально-экономической ситуации в мире после поражения Восточного блока в противостоянии двух сверхдержав мира и распада Светского Союза, что дало мощный толчок обострению межэтнических, этнорелигиозных противоречий и конфликтов во всех регионах мира, включая Россию.

В ходе анализа предполагается выделить основные черты терроризма в современной России, опираясь на данные отечественных исследователей – социологов, историков, юристов, социальных философов и, отчасти, социальных психологов (Виктук, 1993; Кива, Федоров, 2003; Кудрявцев, Лунев, Петрищев, 2005; Лунев, 2004; Паин, 2002; Психологи о терроризме, 1995; Терроризм в современном мире, 2005; Добаев, 2004 и др.).

Прежде всего, необходимо отметить единодушие отечественных исследователей в вопросе о комплексном, междисциплинарном характере проблемы терроризма и причин его активизации в России.

В.В. Лунев пишет в связи с этим: «Причин террористической деятельности называется много: политические, идеологические, националистические, сепаратистские, этнические, религиозные, психологические, территориальные, географические, социальные, экономические и т.д. Многие из них могут порождать различные, нередко непримиримые, противоречия и конфликты в обществе, разрешение которых определенные лица, слои, группы, партии и даже целые народы видят только в насильственном переустройстве жизни и даже мира, в целом... Главными детерминантами терроризма были и остаются социально-экономические причины, выраженные в представлениях значительных масс населения о величайшей социальной несправедливости собственного положения, на которую потом наслаиваются многие другие обстоятельства. Социально-экономические причины при этом окрашиваются в тот или иной политический, идеологический, национальный, религиозный или психологический “цвет”, что еще больше усиливает террористическую направленность различных групп и слоев населения и его отдельных представителей» (Лунев, 2004, с. 3–4).

При этом в качестве главных причин роста экстремизма и терроризма на постсоветском пространстве определяются экономические условия (Кудрявцев, Лунев, Петрищев, 2005, с. 4).

Участники круглого стола «Терроризм в современной России: состояние и тенденции» (2001) выделили группы факторов, обуславливающих воспроизводство в современной России терроризма как общественно опасного явления, имеющего конфликтогенную природу и отражающего серьезные социальные противоречия.

Прежде всего, это совокупность *социальных факторов*, в особенности их материальная составляющая – обнищание масс и передел собственности. Вторая группа факторов связана с *ситуацией в Чечне*, где был создан прецедент преступного квазигосударственного образования, ставшего рассадником терроризма в России. Следующий фактор – огромные масштабы *незаконного оборота оружия в стране*. Все указанные факторы, безусловно, создают почву для развития и усиления террористической активности.

В этой связи показателен анализ проблемы чеченского терроризма, проведенный А.В. Кива и В.А. Федоровым (Кива, Федоров, 2003). Авторы отмечают, что чеченский терроризм трудно считать феноменом национально-освободительной борьбы с юридической, политической или какой-либо иной точки зрения. Во-первых, республика не была ни колонией, ни полуколонией. Так же, как Татарстан, Дагестан, Кабардино-Балкария и Северная Осетия, она была и остается субъектом Российской Федерации. Во-вторых, когда нелегитимный с юридической точки зрения «Общенациональный конгресс чеченского народа» объявил о суверенитете Чечни, это было ничем иным, как мятежом. В-третьих, установленный Дудаевым режим сразу же проявил себя как террористический, осуществляя последовало массовое насилие по отношению к русским и другим нечеченским гражданам. В результате из республики бежала большая часть 200-тысячного русского населения. В-четвертых, под влиянием политической конъюнктуры (президентские выборы 1996 года) поспешно были заключены Хасавюртовские соглашения, и Чеченская республика стала

независимой *de facto*, что не только не изменило ситуацию к лучшему, но как показали последующие события, еще более ее усугубило.

Следует отметить, что при оценке угроз, исходящих для всего мирового сообщества от терроризма и иных проявлений экстремизма различного идеологического толка, нельзя ограничиваться анализом только внутренних причин и так называемых «субъективных» факторов – целей и мотивации организаторов и исполнителей террористических акций. Как справедливо отмечают В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунев и В.Е. Петрищев, «факторы, определяющие детерминационный комплекс международного терроризма и транснациональной преступности, в основном, носят объективный характер и формируются под воздействием происходящих в мире процессов, в том числе – и далеко не в последнюю очередь – процессов глобализации» (Кудрявцев, Лунев, Петрищев 2005, с. 5).

Поэтому терроризм в современной России – это «явление, касающееся не только внутригосударственных условий и процессов, но и отношений государства с внешним миром... Трагические события, взорвавшие в 1999 году ситуацию на Северном Кавказе, последствия которых Россия переживает до сих пор, наглядно продемонстрировали объективную заинтересованность ряда государств дальнего и ближнего зарубежья в ослаблении нашей страны» (Терроризм в современной России..., 2001, с. 4, 10)³⁵.

На динамику современного терроризма в России большое влияние оказывает и религиозный фактор: часто террористическая деятельность ведется под знаменем ислама. Рост исламского радикализма в современном мире обусловлен рядом глобальных социополитических тенденций. В частности, на Северном Кавказе наблюдается сращение на основе

³⁵ Это подтверждается многочисленными попытками оказать давление на Россию в плане прекращения контртеррористических операций на Северном Кавказе, активного муссирования проблемы прав человека, а также имевшими место фактами ведения переговоров представителей властей Грузии, Латвии, Турции и других стран с лидерами террористов в самопровозглашенной Ичкерии.

радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого международными структурами (Добаев, 2003).

Что касается специфики современного терроризма в России, то В.В. Виктюк считает, что «наш» терроризм по основным характеристикам вполне вписывается в параметры, определяющие современный этап мирового развития этого феномена. Вместе с тем он имеет и ряд принципиальных отличий.

Терроризм в России разворачивается в период коренного преобразования страны, ее экономических структур, политических форм, идеологических установок, нравов, обычаев и традиций. Следствием этого становится острейшее столкновение социальных интересов различных социокультурных групп общества, усугубляемое тем, что оно проходит непоследовательно и сумбурно. Поэтому, как отмечает автор, «социальные корни отечественного терроризма в принципе более глубоки и мощны, а его скрытые возможности значительнее, чем на Западе. В наших условиях неизбежны и незнакомые Западу “жанры”» (Виктюк, 1993, с. 47).³⁶

В условиях осуществления общественно-экономических преобразований и становления независимой государственности ряда народов, ранее входивших в состав СССР, лозунги социальной справедливости «эксплуатируются» националистическим терроризмом, поскольку все беды и трудности своей социокультурной группы воинствующие сепаратисты рассматривают как производные от национальной ущемленности.

Некоторые особенности современного отечественного терроризма обусловлены также геополитическими характеристиками СНГ и собственно России: огромные территории, многонациональность населения,

³⁶ В этой связи автор отмечает «специфику» экономического терроризма в стране, проявляющуюся в поджогах фермерских хозяйств, торговых киосков, убийствах предпринимателей, противоправных трейдерских захватах собственности, за которыми проступают социальная позиция и легко улавливаемые экономические и политические интересы.

неравномерность социально-экономического развития регионов, своеобразие исторического наследия, традиций и обычаев наций и народностей страны. Это означает, что в рамках одного политического образования – России – сосуществуют и переплетены все основные направления терроризма, которые в иных странах существуют изолированно, либо в виде доминирования одного из них при незначительной представленности других (там же, с. 48).

В целом, отечественные исследователи терроризма выделяют несколько тенденций развития современного терроризма, в том числе и в России:

- расширение социальной базы терроризма в изменившихся условиях (вовлечение разных слоев населения и формирование у них устойчивых настроений под влиянием идеологического воздействия террористических организаций);
- превращение терроризма в долговременный фактор современной жизни;
- рост организованности и управляемости террористических формирований;
- создание сетевых блоков террористических организаций в рамках отдельных стран и мира, в целом; смыкание терроризма и организованной преступности;
- усиление взаимосвязей между государственным, международным и внутренним терроризмом (Авдеев, 2000).

В заключении необходимо подчеркнуть два момента.

Во-первых, важность понимания того, что сдерживание терроризма не может быть достигнуто посредством «демонизации» или очернения конкретных индивидов и групп.

Во-вторых, терроризм можно сдерживать, но его невозможно победить до тех пор, пока имеют место реальные факторы разрушения социальной справедливости, не равные условия существования людей и народов, что

создает почву для усиления противостояния, ненависти, жажды мести и способствует росту агрессии в ее самых крайних и жестоких формах.

В-третьих, в борьбе с терроризмом возможны военные успехи, но неизбежно наступает момент, когда необходимо выявление психологических корней терроризма. И здесь психология призвана сказать свое веское слово.

Литература

1. *Авдеев Ю.И.* Основные тенденции современного терроризма // Современный терроризм: состояние и тенденции / Под ред. Е.И. Степанова. М., 2000. С. 137–175.
2. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000.
3. *Виктюк В.В.* Терроризм постперестроечной эпохи // Социальные исследования. 1993. № 2. С. 42–50.
4. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика: Автореферат дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
5. *Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А.* Социальная психология. М., 2006.
6. *Кива А.В., Федоров В.А.* Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 130–142.
7. *Кольцова В.А., Нестик Т.А., Соснин В.А.* Психологическая наука в борьбе за мир: история, направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.
8. *Кудрявцев В.Н., Лунев В.В., Петрищев В.Е.* Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 1. С. 3–9.
9. *Лунев В.В.* Политическая, социальная и экономическая несправедливость в мире и терроризм // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 81–87.

10. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113–124.
11. Психологи о терроризме: круглый стол // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С. 37–48.
12. Соснин В.А. Исследования социального конфликта в социальной психологии США: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1979.
13. Терроризм в современной России: состояние и тенденции (круглый стол) // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 3–11.
14. Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.
15. Blumberg H.H. Understanding and dealing With Terrorism: A Classification of Some Contributions from the Behavioral and Social Sciences // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002. 8(1). P. 3–16.
16. Burton J.W. Resolving deep-rooted conflict: A handbook. Landham, 1987.
17. Christie D.J. Reducing direct and structural violence: The human needs theory // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 1997. № 3. P. 315–332.
18. Conflict: Human needs theory / Ed. by J. Burton. N.Y., 1990.
19. Hitchcock R.K., Twedt T.M. Physical and cultural genocide of various indigenous peoples // Century of genocide: Eyewitness accounts and cultural views / Eds. by S. Totten, W.S. Parsons, I.W. Charny. N.Y., 1997.
20. McCauley C. Making sense of terrorism after 9/11 // Shocking violence II: Violent disaster, war, and terrorism affecting our youth / Ed. by R. Moser. Spring-field, 2005.
21. Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind / Ed. by W. Reich. Washington, 1998.
22. Pick T.M. The Myth of the trauma. The trauma of the myth; myths as mediators of some long-term effects of war trauma // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2001. № 7. P. 201–226.
23. Psychology of intergroup relations / Ed. by Austin. Chicago, 1986.

24. *Staub E.* The cultural-societal roots of violence: The example of genocidal violence and of contemporary youth violence in the United States // *American Psychologist*. 1996. № 51. P. 117–132.
25. *Staub E.* Genocide and killing: Their roots and prevention // *Peace, Conflict and Violence: Peace psychology for 21 century* / Eds. by D.J. Christie, R.V. Wagner, D.D. Winter. N.Y., 2001. P. 76–87.
26. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // *The Social psychology of intergroup conflict* / Eds. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, 1978. P. 1–43.

**Общественные представления о женщинах как фактор развития
«психологии женщин» в России (вторая половина XIX века)**

Б.Н. Тугайбаева (Москва)

Целью нашего исследования является историко-методологический анализ становления новой области знания – *психологии женщин*, которая в отечественной психологической науке до конца 90-х годов XX века не была предметом специального научного изучения. Только с освоением российской гуманитарной наукой в последние 15 лет гендерного подхода и самого концепта «гендер» произошло возрождение интереса к «женской» теме, к исследованию широкого спектра проблем положения женщин и мужчин в социуме. В предметном поле современной гендерной психологии, наряду с изучением психологии мужчин и психологии гендерных различий, существует специальный раздел «психология женщин» (Бендас, 2005). Использование гендерного подхода и методологии гендерных исследований применительно к разработке психологической проблематики актуализируют потребность в исторической рефлексии методологических позиций отечественных научных подходов, касавшихся, так или иначе, проблем психологии женщин.

Изучение разработки проблемы психологии женщин в отечественной науке предполагает ее рассмотрение в контексте отражения «женского вопроса» в общественном сознании, его проявления в общественно-политическом и научном дискурсах, истории феминизма в России. Понимание становления и динамики какого-либо научного направления невозможно без учета, как внешних, социальных, так и когнитивных факторов развития научного познания, его «внутринаучной логики», а также, личностной составляющей (Канке, 2000).

«Женский вопрос» – это сквозная тематика, которая объединяет все исследования, посвященные дифференциации ролей и статусов мужчин и женщин в общественной, профессиональной и семейной сферах, сложившиеся в обществе представления об эталонах маскулинности и их влияние на реальное социальное поведение представителей разных половых групп (Клецина, 2004, с. 12–13).

Для понимания истории становления психологии женщин в отечественной психологической науке необходимо обратиться к анализу историко-социальных условий, в которых происходило осмысление проблем женщин вообще, женской эмансипации, социального неравенства женщин и связанной с этим трактовки «женской природы» и психологических характеристик женщин.

Начало широкого обсуждения этой проблематики в русском обществе, в научной литературе и публицистике приходится на середину XIX столетия. Именно в этот период происходит становление русского женского движения, которое в начале XX века оформляется в феминистское. Исследования современных историков о русском женском движении и феминизме (Гришина, 1978; Юкина, 2007) показали, что в отечественной историографии существует определенная сложность в разграничении понятий «женский вопрос» и «женское движение», которые часто рассматриваются как синонимы, хотя они существенно различаются по своему семантическому содержанию.

Участницами русского женского движения оно связывается с решением «женского вопроса». Одна из пионерок этого движения, А.П. Философова, писала: «Так называемое женское дело, женское движение, женский вопрос и феминизм, встречаются у нас до сих пор очень часто недоразумение... Но, наряду с этим, женский вопрос есть вопрос о сотрудничестве женщин с мужчинами в деле развития... культуры» (Философова, 1912, с. 43).

Впервые «женский вопрос» в качестве острой социальной проблемы в русском обществе начинает обсуждаться еще в 1840-е годы. Он включает в широкий спектр проблем: от требования «свободы женского сердца» в духе Жорж Санд, организации женского воспитания и образования до осознания социальной значимости и места женщины в общества. Следует отметить, что вопрос о положении женщин в русском обществе середины XIX века был тесно связан с другими острыми социально-политическими проблемами (положение крестьянства и русской интеллигенции; состояние демократии и либерализма и др.). Политическая реакция, удушение интеллектуальных течений в конце 40-х годов приостановили осмысление женской проблематики. Только в 1860-е годы под воздействием экономико-политических преобразований, происходящих в предреформенные годы, «женский вопрос», приобретя устойчивое наименование, получает дальнейшее развитие. В немалой степени интерес к этой проблеме возникает в результате активной деятельности женских организаций, вовлечения все большего числа образованных русских женщин в процессы переустройства общества, становления новой женской идентичности.

В публицистике 60-х годов этот вопрос рассматривался с позиций разных дискурсов: либерально-демократического, охранительно-консервативного, славянофильского, женского и других. Обсуждение «женского вопроса» в русской прессе и литературе начинают мужчины, представители либеральной интеллигенции, увлеченные идеями о равенстве всех перед законом, о необходимости действовать во имя «общего дела»,

приверженные идеалу свободной личности. Все эти идеи предстают как общественные настроения, или генерализованные верования, которые рассматриваются, с позиций современной социологии общественных движений, как тип «мягкой» идеологии, направляющей участников событий к конкретным действиям (Здравомыслова, 1993).

Значительное влияние на развитие «женского вопроса» оказала статья видного ученого и врача Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», вышедшая в 1856 году в июльском номере «Морского сборника». В этой работе автор ставит вопросы о смысле человеческого существования, о том, как подготовить юношество к исполнению человеческого долга, о системе воспитания и образования. И хотя проблеме воспитания женщин в статье уделяется незначительное внимание, она вызвала дискуссию по проблемам женской «природы», предназначения женщины, особенностей ее развития и воспитания, стимулировала к поиску причин неравных возможностей мужчин и женщин в реализации их дарований.

Пирогов признавал необходимость развития мышления и воли у девочек, отмечая, что эти качества женщинам «столь нужны в жизни, сколь и мужчинам». Девочки должны развиваться всесторонне, готовиться к «жизненной борьбе», в то время как существующая система воспитания, по мнению Пирогова, «делает из женщины куклу». Женщина виделась им как спутница мужчины по борьбе, поэтому она должна была быть в состоянии «усладить сочувствием жизнь человека (мужчины – Б.Т.), иметь ясную и светлую идею о целях воспитания детей» (Пирогов, 1956, с. 595). Пирогов делал акцент на воспитании, оставляя вне внимания вопросы образования женщины. Через правильно поставленную систему воспитания (видимо, с элементами образования) можно, согласно его утверждению, подготовить социальный резерв, который подключится к решению задачи преобразования общества, что, конечно же, является делом мужчин. Основной целью такого воспитания женщины становится не только ее подготовка как жены,

способной поддерживать общение с мужем, воспитывать детей, но и как соратницы мужчины в осуществлении его идей.

Статья Пирогова определила направление дебатов и вектор будущей деятельности части русской мужской интеллигенции, которая, так же как и мужчины-интеллектуалы западного мира, поставила на повестку дня вопрос о женской эмансипации. Взгляд Пирогова на женщин был отчасти довольно традиционен, опирался на биологические идеи о «естественном предназначении полов», состоял в признании в качестве основной роли женщины в обществе супружества и материнства. Только «воспитание себя для борьбы и жертвований – вот где должна она искать эмансипации» (там же, с. 595). Женщина должна быть полезной в деле мужчины и общества. Таким образом, Пирогов ориентировал женщину на выполнение традиционных ролей, акцентируя при этом внимание на более идеологически осмысленном «служении» борцу-мужчине. Вместе с тем он предлагал женщинам проявлять инициативу, быть активными в отведенной им сфере.

Признавая важность женского воспитания, Пирогов был более осторожен в суждениях об образовании женщин, считая, что оно должно быть ограниченным. При этом именно Пирогов стал одним из первых организаторов женского медицинского образования. Создание курсов по подготовке сестер милосердия и организация их деятельности во время Крымской войны, по сути, стали практической реализацией его взглядов на природные качества женщин. Под лозунгом «использовать природные качества женщин на пользу обществу» произошел переход части русских женщин в сферу активной общественной жизни. Мужество, проявленное сестрами милосердия Крестовоздвиженской общины в жестоких условиях Крымской войны 1853 – 1855 годов, произвели огромное впечатление на русское общество. Женщины продемонстрировали ранее не замечаемые у них качества – они оказались способными к исполнению профессионального долга, были надежными и умелыми помощницами врачей. Этот удачный

опыт вовлечения женщин в общественно-полезную деятельность способствовал и эволюции взглядов самого Пирогова, который уже не утверждал, что женщина может приносить пользу только на семейном поприще. Позже, в статье 1876 года, анализируя деятельность сестер Крестовоздвиженской общины, он писал: «...результаты эти... доказывают, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудесные дарования наших женщин» (Пирогов, 1917, с. 569). Такие черты, как милосердие, нравственность рассматривались им как имманентно присущие женщинам характеристики. Эта позиция Пирогова – трактовать социальные явления и психологические характеристики по аналогии с физиологическими процессами – была довольно распространенной в то время. Биологизаторские аргументы использовались для обоснования своей точки зрения в равной мере, как сторонниками женской эмансипации, так и ее противниками.

С высоты своего авторитета Пирогов опроверг псевдонаучный тезис о физиологической неполноценности женщины, ее большей «природности» и меньшей способности к интеллектуальному, культурному творчеству, ограничивающий женщин в их стремлении к изменению своего общественного положения. Он писал: «То, что противники благоразумной эмансипации женщин еще до сего дня утверждают, будто бы великая разница в организации полов, – например, меньший вес мозга и проч., – этого нечего брать во внимание, и это никогда не выдержит серьезной критики. Женщина, если она получит надлежащее образование и воспитание, может также хорошо усвоить себе научную, художественную и общественную культурность, как и мужчина... И я решительно не вижу, почему одинаковое общественное положение женщины с мужчиной может помешать такому развитию» (Пирогов, там же, с. 569).

Возникший в русской прессе отклик на «женский вопрос» показал многообразие подходов в понимании эмансипации женщин и обосновании ее необходимости. Взгляды многих авторов были производными от позиции

Пирогова – женщину оценивали, прежде всего, как мать и «воспитательницу человечества», и, соответственно, бездетность – как не нормальную для нее ситуацию. Возвышенные призывы к защите женщины, необходимости обеспечить ее независимое социальное положение соседствовали с представлениями о несовместимости многих отраслей человеческой деятельности с «природой женщины и ее обязанностями» (Гиероглифов, 1863, с. 528).

Своеобразные представления о «природе женщины» были изложены в широко известных русской читательской аудитории произведениях Ж. Мишле и П.-Ж. Прудона, ставших для одних образцом «научности» и примером для подражания, для других – предметом критики. Французские мыслители описывают женщин как умственно неполноценных, истеричных, склонных к фанатизму. Они обосновывают «природу» женщины ее физиологией. Единственную возможность для развития и эмансипации женщин они видят в супружестве («женщина рождается в браке»), в жизнедеятельности под контролем мужа. С критикой этих взглядов выступил на страницах «Современника» М.Л. Михайлов, опубликовав здесь статью «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1860). Статья вызвала, по отзывам современников автора, «землетрясение в умах», а Михайлов был признан творцом «женского вопроса». Он критиковал Мишле и Прудона за их «гигиенический взгляд» на женщину, оспаривал старый просветительский тезис об ее особой природе. Специфику психологических характеристик женщин и их отличие от мужчин Михайлов объяснял особенностями социализации мальчиков и девочек. Утверждая зависимость развития женского интеллекта от социальных условий, автор доказывал, что создание иных условий социализации девочек приведет к развитию у них ума и рационального начала. Существующее же женское воспитание и образование развивает только чувственность. В качестве выхода из создавшейся кризисной ситуации в общественной жизни он предлагал изменение системы женского воспитания, которая должна, согласно его

мнению, включать совместное обучение детей обоего пола и формирование у женщин мужских качеств. Михайлов уже не смотрел на женщин как исключительно на матерей, считал, что жизнь женщин не должна подчиняться краткому времени деторождения. Женщина не является объектом приложения мужского просветительского воздействия и воспитания со стороны мужа; брак предполагает «разумное сожителство» двух полноправных лиц (Михайлов, 1860, с. 473). Такие взгляды были, безусловно, новаторскими, и воспринимались современниками как вызов существующим общественным традициям.

С середины XIX века, с момента зарождения первых женских организаций, в русском обществе все более настойчиво стала звучать мысль о принципиальной самостоятельности женщин в деле отстаивания своих прав.

При обсуждении проблем женщин в 1860-е годы на страницах прессы выделяется ряд тематических блоков, интересующих и волнующих русскую интеллигенцию: о неравноправном положении женщин; о долге мужчин перед женщинами (последние нуждаются в помощи, и «каждый честный и порядочный человек» обязан ее оказать); о зависимой позиции женщины по отношению к мужчине (женщина не является самостоятельным субъектом; ее надо воспитывать, развивать, поднимать до уровня мужчины, повышать ее значение в обществе). Решение этих вопросов отражало специфическую интерпретацию «женского вопроса» и оказывало долгосрочное влияние на его практическую реализацию. Причем, в общественно-политической и философской мысли эти вопросы разрабатывались с диаметрально противоположных позиций. В каждом направлении дискурса русской прессы оформлялся свой образ женщины, отстаивалась особая концепция женственности.

На либерально-демократические идеи о свободе, равных условиях труда и правах женщин, о реальных эмансипационных изменениях в жизни образованных женщин русского общества (участие женщин в создании

трудовых артелей, благотворительных обществ, журналов, в организации высшего женского образования и т.д.) последовала незамедлительно реакция со стороны представителей охранительно-консервативного лагеря. Как отмечал известный публицист и историк С.С. Шашков, эта реакция была представлена религией, наукой, полицией и общественным мнением. Авангард противников социального раскрепощения женщин составляло духовенство; вторую их колонну – «тяжелая артиллерия» уложений, сводов и кодексов; за ними следовала старая и молодая «гвардия» европейской науки – юристы, естественники, политэкономы, историки, и, наконец, завершала этот «строй» пестрая толпа обывателей всех стран и народов (Шашков, 1871, с. 335). Шашков адресовал свои претензии, в первую очередь, деятелям литературы и науки, поскольку они активно выступали с нападками на женщин, при этом опираясь не на науку, а «на сплетню и вымысел».

Охранительная пресса создавала свой идеал русской женщины, описывая предпочтительные модели женственности: женщина представлена здесь как «ангел-хранитель мужчины, источник силы, жрица любви и самоотвержения, гибкая лоза, обвивающая гордый дуб, утешительница, радость и гордость мужчины, весталка огня кротких и возвышенных страстей» (Пальховский, 1859, с. 340). Мужчина же выступал как олицетворение гордости и отваги. При этом А. Пальховский отметал все доводы в защиту права женщины трудиться, ссылаясь на тезис о «естественном и природном разделении труда». Он воспроизводил био-детерминистские идеи о природном предназначении полов, которые в то время считались научными. По его представлению, женщины не должны и не в силах реализовываться на поприще общественного труда, ибо в этом случае нарушаются «законы природы, правящие их нравственно-физическим организмом» (Пальховский, 1858, с. 493–494). Женщина может содействовать прогрессивному развитию человечества только через исполнение свойственных ей от природы функций – быть матерью,

воспитательницей, распорядительницей дома, а если она стремится стать деятелем, то представляет собой «аномалию, противоречащую естественному закону, лежащему в основании женского организма» (там же, с. 495).

Привлечение научных теорий, зачастую пришедших с Запада, для обоснования консервативных позиций в отношении женщин (требование ограничить их сферу деятельности только семьей, отказ женщинам в их претензиях на образование, профессиональную реализацию) стало распространенным явлением в русской официальной публицистике 1860 – 80-х годов. Женские журналы в ответ на попытки осудить стремление к экономической самостоятельности женщин формировали встречный дискурс, развивали свою аргументацию. Так, в журнале «Друг женщин» некто Z. в обширном обзоре русской прессы по поводу труда женщин констатировал, что «вопрос о правах женщины на высшее образование и расширение круга ее деятельности не замедлил вызвать работу теоретической научной мысли о женщине, особенностях ее природы» (Друг женщин, 1883, с. 85). Автор статьи оппонировал известному физиологу и анатому, профессору Г. фон Бишофу, обосновывавшему идею «естественного разделения труда» по признаку пола и утверждавшему, что «каждый пол имеет свои особые занятия; женщины не могут исполнять того, что исполняют мужчины и, наоборот» (там же, с. 86). В противопоставление этой позиции приводятся слова немецкой писательницы Эдвиги Дом: «Нет ни одной формы труда, которая ограничивалась бы одними женщинами. Мужчины шьют, гладят, варят, стирают... в знатных домах вместо кухарки и экономки находятся повар и эконом. ... Нигде и никогда женщину не устраняли от труднейших и неприятнейших занятий, разве там, где речь идет о высших и прибыльнейших отраслях труда, там никогда не забывали поставить пограничные столбы, сообразуясь будто бы с нежной комплекцией и стыдливостью» (там же, с. 87). Автор солидарен с Э. Дом в том, что боязнь конкуренции играет большую роль при ограничении прав женщин на

труд, и потому при распределении труда между мужчиной и женщиной «ясно и рельефно выступают два принципа – умственный и выгодный труд для мужчин, механический и дурно оплачиваемый – для женщин». Особенно это заметно в отношении низших классов: «чем тяжелее работа, тем лучше для женщин» (там же, с. 87). Автор обзора считает, что женщины должны иметь возможность получения высшего образования, потому что каждый человек имеет право на индивидуальную свободу, на занятие тем делом, которое соответствует его склонностям. Эта мысль была популярной в женской прессе и составляла важную часть ее дискурса.

Особую группу противников женской эмансипации составляли врачи, активно сопротивлявшиеся профессиональному вторжению женщин в медицину. Они видели в женщинах возможных конкурентов в данной сфере, и для обоснования своих позиций привлекали «научные» доводы о несовместимости «природы женщины» с высшим образованием и занятием врачебной деятельностью. Появлялись издания под громкими и шокирующими названиями, такими, как «Опасные стороны половой женской эмансипации. Очерк по женскому вопросу». Медицинский инспектор Министерства внутренних дел г-н Мамонов выпустил в 1880 году брошюру против женского медицинского образования; доктор Толстой в 1889 году в «Вестнике общественной гигиены, судебной и практической медицины» протестовал против женского вхождения в профессию медиков (цит. по: Юкина, 2007, с. 111).

Общество призывалось к сохранению «женского идеала»; модели женственности стали центром женского вопроса, предметом и ареной противоборства. Дальнейшая дискуссия и развитие «женского вопроса» порождали необходимость научного обоснования и объяснения «природы» женщины. Как писал уже в конце XIX века публицист В. Гольцев, «особенности женской природы требуют самого внимательного изучения, которое должно отделиться от исторически образовавшихся свойств и (выделить) черты женского характера, доступные изменению под влиянием

правильного воспитания. Женский вопрос и состоит в разрешении этой задачи, потому что стремление достигнуть тождества в воспитании и правах женщин и мужчин есть нелепость, а современное положение женщин представляет много неудобств» (Гольцев, 1894, с. 69).

Таким образом, XIX век ознаменовался постановкой и активным обсуждением «женского вопроса», хотя его решение в России того времени с ее традиционным укладом жизни было невозможно и нашло свою реализацию только в следующем столетии на почве радикальных преобразований в системе общественных отношений.

Литература

1. *Бендас Т.В.* Гендерная психология: Учебное пособие. СПб., 2005.
2. Библиография: Женщины-писательницы и их деятельность в истекшем году. Наши журналы о женщинах // Друг женщин, 1883. № 1. С. 83–90.
3. *Гиероглифов А.С.* Общественное признание женщины // Отечественные записки. 1863. Т. 143. № 7 – 8. С. 519–533.
4. *Гольцев В.* На старую тему // Друг женщин. 1894. № 5.
5. *Гришина З.В.* Женские организации в России (1905 – март – февраль, 1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.
6. *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.
7. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000.
8. *Клёцина И.С.* Психология гендерных отношений. Теория и практика. СПб., 2004.
9. *Михайлов М.Л.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4.
10. *Пальховский А.* О русской женщине: По поводу романа г. Гончарова «Обломов». Посвящается исключительно читательницам // Московский вестник. 1859. № 28. С. 340.

11. *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9, июль. С. 595.
12. *Философова А.П.* Женский вопрос в России // Первый женский календарь. СПб, 1912. С. 43.
13. *Шашков С.С.* Судьбы женщины, детоубийство и проституция. СПб., 1871.
14. *Юкина И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

Психолого-историческая детерминация агрессивного поведения

Е.В. Харитонова (Москва)

Динамика обновления современной общественной жизни России в значительной степени базируется на анализе и переоценке исторического прошлого страны, осмыслении событий истории и сегодняшнего дня. Для психолога, занимающегося современными исследованиями психологических проблем, также необходимо обращение к истории: это может быть изучение и анализ теоретических разработок по проблеме, накопленных в науке, или непосредственное обращение к историческому контексту и исследование его влияния на рассматриваемую проблему.

Именно о таком влиянии писал Б.Г. Ананьев: «Психологическое изменение структуры личности, ее характера и таланта уже немислимо вне категории исторического времени, т.е. параметра общественного развития и одной из характеристик исторической эпохи, современниками которой являются данная конкретная популяция и принадлежащая к ней личность... В масштабах этого времени, в соответствии с уровнем цивилизации и исторически сложившимся способом деятельности организуется структура субъекта познания и различных видов деятельности, обусловленная современным состоянием производства, науки и искусства» (Ананьев, 1996, с. 229).

В связи с этим, анализируя детерминанты агрессивного поведения, мы сочли необходимым рассмотреть современное состояние проблемы и исследовать особенности проявления агрессии в историческом контексте. Одной из опорных точек при обосновании программы исследования выступает идея Н.А.Бердяева о наличии сходных моментов на разных этапах истории и возникающей в связи с этим возможности их сопоставления: «...Все указывает на то, что в человеческой истории есть периодическое возвращение тех же моментов, не в том смысле, чтобы они могли по существу повторяться, потому что ничто исторически-индивидуальное не повторяется, но в том, что есть формальное сходство, которое помогает постигнуть нашу эпоху, сопоставив ее с эпохой предшествующей» (Бердяев, 1990, с. 215).

Из числа всех внешних детерминант, влияющих на агрессивное поведение, самой значимой представляется явление *аномии*, которое, в свою очередь, обусловлено социально-экономическими преобразованиями в обществе. Понятие «*anomia*» ввел Эмиль Дюркгейм, который интерпретировал его как «безнормативность». Дюркгейм отмечал, что «существует определенная сфера социальной жизни, в которой аномия является хроническим явлением, мы говорим о коммерческом и промышленном мире» (см. Криминальная мотивация, 1986, с. 62).

Общество способно играть контролирующую роль, так как оно обладает той моральной силой, которая возвышается над индивидуумом и превосходство которой он вынужден признать. Однако в момент общей дезорганизации общественной жизни социум оказывается временно неспособным проявлять необходимое воздействие на человека. Именно в силу неспособности общества оказывать сдерживающее воздействие на человека в периоды войн, экономических кризисов и других социальных потрясений в это время наблюдается рост аномальных проявлений, в том числе преступлений. В преступлениях против личности проявляется

жестокость и агрессия, таким образом, крайним проявлением агрессивного поведения является криминальная активность.

Явление аномии фактически описывает в своих работах и основатель логотерапии Виктор Франкл, который использует термин «экзистенциальный вакуум», созвучный по своему содержанию понятию аномии или утрате людьми смысла жизни: «Нравственный кризис – это ни что иное, как ощущение огромным числом людей бессмысленности той жизни, которую им приходится вести, нередко без возможности найти в ней позитивный смысл из-за разрушения старых ценностей и традиций, дискредитации “новых” и отсутствия культуры мировоззренческой рефлексии, позволяющей прийти к уникальному смыслу своим, неповторимым путем» (Франкл, 1990, с. 288).

В обществе с рыночной экономикой большинство людей стремится к обладанию материальными средствами – деньгами. Франкл отмечает: «Если стремление к деньгам берет верх, стремление к смыслу заменяется стремлением к средствам. Деньги, вместо того чтобы оставаться средством, становятся целью, они перестают служить какой-либо цели» (там же, с. 317). Стремление к деньгам как к цели служит бегством от осознания экзистенциального вакуума. Другими его проявлениями можно считать рост преступности, распространение алкоголизма, наркомании, самоубийств.

Далее понятие аномии было развито американским социологом Робертом Мертоном в 70-е годы XX века (см. Криминальная мотивация, 1986).

Само по себе понятие «аномия», понимаемое Дюркгеймом как безнравственность, по Р. Мертому, означает отсутствие норм в поведении, их недостаточность. При этом выделяется два измерения состояния аномии: 1. Оно может характеризовать общество, в котором нормативные стандарты поведения и существующие убеждения либо серьезно ослаблены, либо отсутствуют; 2. Оно также может быть применимо к отдельному лицу, в

случае если оно социально дезориентировано и переживает чувство изолированности от общества.

Кроме аномии, автор использует понятие «социальная структура», которое рассматривается как психологическая категория и включает две составляющие: 1) наиболее существенные цели, которые ставят перед собой социальные группы общества (их «жизненные устремления»), 2) средства, которые употребляются социальными группами для достижения своих жизненных устремлений. Сами средства, в свою очередь, делятся и подразделяются на «предписываемые» (законные) и «наиболее эффективные», ведущие к достижению цели кратчайшим путем.

Примечательно, что в концепции Мертона «законность» и «эффективность» применительно к избираемым средствам могут не совпадать: то, что является законным, не всегда эффективно, и наоборот. Отсюда вывод Мертона – антисоциальное поведение ощущается и возрастает в случае, когда в обществе превыше всего ставятся определенные символы успеха, якобы, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества ограничивает или полностью устраняет доступ к законным средствам овладения такими символами для его значительной части.

Таким образом, явление аномии связано с любыми переломными моментами общественного развития, следствием которых являются кардинальные изменения в экономической, политической, социальной жизни, что, в свою очередь, приводит к преобразованию системы социальных ценностей и норм. Ломка сложившихся традиционных ценностей и норм при отсутствии новых ценностей образует в обществе явление аномии, т.е. изменение иерархии ценностей, безнормативность, что провоцирует рост агрессивности и в своих крайних проявлениях ведет к криминальному поведению.

20-е годы XX века – период коренных и самых глубинных преобразований в социальной жизни за все время существования российского государства. В последние предреволюционные годы страна переживала величайший государственный и общенациональный кризис из-за беспрецедентной в истории войны на два фронта: на внешнем фронте – Германия и ее союзники; на внутреннем – большевики с их стратегией поражения России в войне и методами дезорганизации армии. Результатом осуществления этой стратегии стали гражданская война, голод, разруха, которые воспринимались как неизбежные при достижении главной цели – построения коммунизма. Громадное большинство людей, вставших на сторону революции, питало веру, что коммунизм и всеобщее счастье реально достижимы. Им казалось, что достаточно сломать, наряду со старым государственным аппаратом, традиционные социальные нормы, установки, ценности, чтобы тут же возникли новые. В действительности задачи переустройства всех человеческих отношений и внутреннего мира людей целого поколения, их ценностных ориентаций, оказались гораздо сложнее.

Таким образом, в это время сложилась уникальная ситуация, когда социально-экономические условия повлекли за собой преобразование нормативных ценностей: шло сознательное изменение, «слом» старых ценностей и формирование новых.

Согласно теории Ленина, вождя-практика революции 1917 года, общечеловеческие категории добра и зла, долга, чести, достоинства, гуманизма и справедливости, совести и счастья также должны быть наполнены классовым содержанием. Классовая борьба, «объединяющая и социально спланивающая представителей борющегося класса и формирующая взаимоотношение этих представителей друг к другу и к другим классам и составляет содержание морали, которая носит классовый характер» (Ленин, 1985, с. 123). Говоря о морали новых классов, В.И. Ленин писал, что «нравственный идеал их создается как отрицание господствующей

ранее морали, и в качестве такого является орудием в общественной борьбе за существование, служа точкой концентрации сил данного класса» (там же).

Ярким примером создания новой морали является работа А.Б. Залкинда, в которой он предложил свою трактовку нравственных заповедей Ветхого Завета, в полной мере демонстрирующую их направленность (Залкинд, 1924). С точки зрения Залкинда, любую заповедь можно вполне заменить «конкретным, практическим соображением, направленным на защиту классовых интересов пролетариата». Христианскую заповедь «не укради» он заменяет на этическую форму «товарища Ленина» «грабь награбленное». Он утверждает, что заповедь «не убий» является ханжеской и потому должна быть заменена аксиомой «законная смертная казнь» во имя спасения пролетарской революции (там же, с. 64). Пролетарий убеждался в своем праве убить человека, если он был вреден, опасен для революционной борьбы и если нет других способов воздействия на него. Ему внушали, что нет ничего превыше интересов пролетарской революции, борьбы за освобождение человечества от эксплуатации.

В отношении заповеди «чти отца своего» рекомендуется почитать лишь такого отца, который выступает за интересы революции. Других же надо перевоспитывать, «и если отцы не поддаются этому революционному воспитанию, революционным детям не место у таких родителей; после энергичной борьбы, если она оказалась безуспешной, дети этически вправе покинуть своих родителей, так как интересы революционного класса важнее блага родителей» (там же).

В условиях современной действительности также происходит пересмотр «старых ценностей», что позволяет сделать вывод о существовании исторических закономерностей в характере исследуемых процессов. Именно об этом пишет Н.А. Бердяев: «Психологическая наука в своем реальном действенном проявлении находится в особенно тесной связи и взаимообусловленности с постоянно изменяющимся объектом и

одновременно субъектом исследования. Она особенно чувствительна к историческому моменту, в его конкретном общечеловеческом измерении. ... Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке. Между человеком и “историческим” существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв невозможен» (Бердяев, 1990, с. 23).

Современное явление аномии обусловлено нестабильной социальной, экономической, политической обстановкой в обществе и как следствие – принципиально изменившейся его нравственной атмосферой. В этих условиях отсутствуют значимые общественные силы, ответственно утверждающие новые моральные нормы и принципы, вызывающие доверие людей. Возникший вакуум духовности заполняется национализмом, экстремизмом, религиозной идеологией, преклонением перед всем западным – от товаров до идей, и в наибольшей степени – чисто утилитарными, прагматическими ценностями. В свою очередь, эти тенденции могут привести к проявлению агрессивных поведенческих реакций.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. М., 1996.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1969.
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
4. *Гернет М.Н.* Моральная статистика. М., 1922.
5. *Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. М., 1924.
6. *Ленин В.И.* О коммунистической нравственности. М., 1985.
7. Криминальная мотивация / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1986.
8. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

Проблема истории детства

Е.А. Чиркова (Арзамас)

Проблема истории детства – одна из наиболее трудных в современной детской психологии, так как в этой области невозможно использовать привычные методы психологического исследования. Памятники же культуры, имеющие отношения к детям, бедны.

Историко-теоретический анализ периода детства представлен в трудах П.П. Блонского, Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина и других авторов.

Процесс психического развития ребенка, согласно Л.С. Выготскому, не подчиняется вечным законам природы и созревания организма. В классовом обществе он «имеет совершенно определенный классовый смысл». Отсюда делался вывод, что нет вечно детского, а есть *«исторически детское»*.

Период детства – это период парадоксов и противоречий, без которых невозможно представить процесс развития. На это указывали В. Штерн, Ж. Пиаже, И.А. Соколянский и многие другие. Д.Б. Эльконин отмечал, что загадки парадоксов в детской психологии ученым еще предстоит разгадать.

Каковы же эти парадоксы?

Первый из них состоит в том, что, человек, являясь наиболее совершенным существом в природе, на момент рождения наделен лишь самыми элементарными механизмами для поддержания жизни; у ребенка отсутствуют какие-либо готовые формы поведения. В природе, как правило, чем выше стоит существо в ряду живого мира, тем дольше длится его детство и тем беспомощнее оно при рождении.

Второй парадокс Д.Б. Эльконин видит в том, что при сходных природных предпосылках уровень психического развития, которого достигает ребенок на каждом историческом этапе развития общества, не одинаков.

Детство – период от новорожденности до полной социальной зрелости. Продолжительность детства в первобытном обществе и в наши дни различна.

Д.Б. Эльконин, опираясь на этнографические материалы, показал, что на ранних стадиях развития общества, когда орудия труда были примитивны, не было необходимости подготовки детей к будущей трудовой деятельности. Он подчеркивал, что детство возникает тогда, когда ребенка нельзя включить в систему общественного воспроизводства, так как он еще не может овладеть способами действия орудиями труда.

Этапы детства – это *продукт истории*, и они обусловлены особенностями развития и реальным состоянием общества. Нельзя изучать детство ребенка и законы его становления вне развития человеческого общества. Продолжительность детства зависит от уровня его материальной и духовной культуры.

До появления детской психологии как науки в ребенке видели *уменьшенную копию взрослого*, воспринимали детей как маленьких взрослых. Исследования Ф. Ариеса, французского демографа и историк искусства привели его к выводу, что вплоть до XII века искусство не обращалось к реальным детям. Детские образы в живописи ранних периодов истории встречаются лишь в религиозно-аллегорических сюжетах: это ангелы, младенец Иисус, обнаженное дитя как символ души умершего. Видимо, в то время не считали, что ребенок заключает в себе человеческую личность. Если же в произведениях искусств появлялись дети, то они изображались как уменьшенные взрослые.

Слово «ребенок» долго не имело того точного значения, которое придается ему в современной науке. В средневековой Германии, например, оно выступало как синоним понятия «дурак». Отсутствие интереса к детству было следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся высокой рождаемостью и, одновременно, тотальной детской смертностью.

Признаком преодоления равнодушия к детству, как считает ученый, служит появление в XVI веке религиозных и светских изображений детей, как правило, умерших. Их смерть переживалась уже как невосполнимая утрата, а не как естественное событие.

В XVIII веке впервые на полотнах художников возникают портретные изображения реальных детей. Согласно Н.Н. Мерцаловой, исследования в области русской живописи позволяют сделать вывод, что только в XIX веке художники начинают по-настоящему проявлять интерес к детству.

Важным показателем изменения отношения к детству служит, по мнению исследователя, детская одежда. Раньше, как только ребенок вырастал из пеленок, его одевали в костюм, ничем не отличающийся от одежды взрослого соответствующего социального положения. Только в XVI – XVII веке возникает особая одежда, предназначенная для ребенка и учитывающая его возрастные особенности.

В это же время в богатых домах выделяется специальное, предназначенное для детей помещение. Особенности поведения ребенка, его язык вызывают интерес у взрослых.

В средневековом обществе, как считает Ариес, как только ребенок мог обходиться без заботы матери или няни, он уже принадлежал обществу взрослых. Детство существовало как переходный период.

Одним из первооткрывателей детства считается Жан-Жак Руссо. В романе «Эмиль, или О воспитании» (1762) он писал: «Детство не знают: при тех ложных понятиях, которые имеют о нем, чем дальше идут, тем больше заблуждаются». Придавая большое значение воспитанию, Руссо считал, что оно «должно начинаться со дня рождения ребенка. Какая пора более выгодная для воспитания их характеров, чем та, когда совсем не приходится их переламывать». Правильное воспитание, по мнению философа, предполагает учет природных и возрастных особенностей ребенка. Взгляды Руссо оказали огромное влияние на многих педагогов и психологов последующих поколений.

В 1787 году выходит книга немецкого ученого Д. Тидемана «Наблюдение за развитием душевных способностей ребенка», в которой автор дает систематическое научное описание психического развития своего сына от рождения до 3-х лет. Затем появляются другие работы дневникового характера, авторы которых пытаются систематизировать конкретные факты психического развития ребенка. В этом ряду можно назвать работы О. Гейфельдера (1857), выдающегося врача А. Кусмауля «Исследования над душевной жизнью новорожденного» (1859), дневниковые записи о развитии собственного сына Ч. Дарвина.

Наука о психическом развитии ребенка зародилась как ветвь сравнительной психологии в конце XIX века. В 1881 году выходит в свет книга немецкого ученого-дарвиниста Вильгельма Прейера «Душа ребенка». В ней автор описывает результаты ежедневных наблюдений за развитием своего сына. Несмотря на то, что взгляды Прейера с современной точки зрения воспринимаются как наивные, ограниченные уровнем развития науки XIX века, его заслугой является то, что он первым осуществил переход от интроспективного исследования к объективному изучению психики ребенка. В книге впервые в истории был дан научный анализ результатов собственных наблюдений. В. Прейера можно считать основателем детской психологии. Его идеи нашли широкий отклик и много продолжателей в различных странах.

Интерес к детству становится всеобъемлющим и принимает интернациональный характер. Создаются исследовательские институты и выходят специальные журналы по вопросам детской психологии.

Объективные условия становления детской психологии связаны с интенсивным развитием промышленности, с инновационными тенденциями в общественной жизни, что обусловило необходимость создания новой школы. Физические наказания перестают рассматриваться как единственно эффективный метод воспитания. Выдвигается задача понимания ребенка. Желание осознать себя как взрослого человека, побуждает исследователей

обратиться к детству, так как только через изучение психологии ребенка лежит путь к пониманию того, что представляет собой психология зрелой личности. Большое влияние на развитие науки о детстве оказала эволюционная теория Ч. Дарвина.

Детская психология заняла свое место в системе других психологических наук. И.М. Сеченов писал, что психология не может быть ничем иным, как наукой о происхождении и развитии психических процессов. В его трудах заложен фундамент научного подхода к изучению психики ребенка. Сеченов видел в детской психологии путь к изучению важнейших общепсихологических проблем. В его работах представлено немало идей и гипотез, которые до сих пор сохраняют научную ценность.

Таким образом, анализ показывает, что в психологию идеи генетического исследования проникли очень давно. Изучение детства имеет длительную историю. И можно утверждать, что практически нет ни одного выдающегося психолога, который бы, так или иначе, не касался проблем детской психологии.

Литература

1. *Обухова Л.Ф.* Возрастная психология. Учебное пособие. М., 1999.
2. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000.
3. *Руссо Ж.Ж.* Педагогические сочинения: в 2-х т. / Под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джуринский. М., 1981.
4. *Прейер В.* Душа ребенка / Под ред. В.Ф. Динзе. СПб., 1912.